

Volume 20
№ 2 (71) 2024

Научно-правовое издание

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА,
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР – Р. В. ЕНГИБАРЯН**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Франческо Адорнато – профессор, ректор Университета г. Мачерата, Италия

Алексеева Т.А. – заведующий кафедрой политической теории МГИМО МИД России, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия

Амплеева Т.Ю. – доктор юридических наук, Россия

Фабрицио Д'Ашенцо – профессор Римского Университета Салиенца, Италия

Ван Чаньсин – ведущий научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, заместитель генерального секретаря Всекитайской ассоциации по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии, Китай

Гаман-Голутвина О.В. – заведующий кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор

Гао Ченг – профессор, главный редактор, журнал современных исследований Азиатско-Тихоокеанского региона, Китай

Грибанов Д.В. – доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной работе и цифровой трансформации Уральского государственного юридического университета, Россия

Проф. доктор **Стивен Гуанпенг Донг** – Китайский Университет связей с общественностью, декан факультета непрерывного образования, профессор в сфере коммуникаций и лидерства, Национальная школа управления, Китай

Эмилианидис Ахилл – профессор, декан юридического факультета Университета Никосии, Кипр

Енгибарян Р.В. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия

Ендольцева А.В. – профессор кафедры государственного регулирования, доктор юридических наук, профессор, Россия

Ие Хайлинь – профессор, руководитель исследований Южной Азии, Национальный институт международной стратегии, Китайская академия общественных наук, Китай

Иншакова А.О. – заведующий кафедрой гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Россия

Камолов С.Г. – профессор кафедры управления активами МГИМО МИД России, доктор экономических наук, доцент, Россия

Краснов Ю.К. – доктор юридических наук и доктор исторических наук, Россия

Хосе А. Моранде Лавин – Институт международных исследований Университета Чили, Чили

Лебедева М.М. – заведующий кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Россия

Мальгин А.В. – проректор по развитию МГИМО МИД России, кандидат политических наук, доцент, Россия

Душан Павлович – доктор, факультет политических наук Белградского университета, Сербия

Потьер Тим – профессор кафедры международного права МГИМО МИД России, Ph.D., Россия

Сардарян Г.Т. – декан факультета управления и политики, доктор политических наук, Россия

Субочев В.В. – заведующий кафедрой государственного регулирования МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Россия

Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, академик РАН, Россия

Тйаги Парул – Ph.D. (менеджмент), преподаватель кафедры иностранных языков экономического факультета Российского университета дружбы народов, Россия

Доктор **Герхард Шнайдер** – профессор международного менеджмента и политической экономики, Ph.D. in Political Science, Лондонский университет Лафборо, Великобритания

Энтин М.Л. – заведующий кафедрой интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ – В.Э. БЕРЕЗКО

корректор – Т.М. Срапян

компьютерная верстка – Д.Е. Волков

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- 3 **А.Ю. Ястребова**
Международно-правовое понятие и основы осуществления реадмиссии
- 11 **М.А. Евдокимов, Р.Р. Амирасланов**
Правовые аспекты гибкой интеграции: потенциал ЕАЭС
- 19 **Е.Н. Егорова, Н.Д. Нецадина**
Миграционная реформа в Великобритании в целях привлечения высококвалифицированных специалистов
- 29 **А.Ю. Скуратова**
Актуальные проблемы реализации принципа *ne bis in idem* в международном уголовном праве
- 45 **Д.Е. Матъцин, А.О. Иншакова**
«Умный» аутсорсинг: гуманизация предпринимательства в экономике искусственного интеллекта
- 59 **М.А. Моисеенко, О.В. Короткова**
Факторы, влияющие на формирование современной уголовно-правовой политики Российской Федерации в налоговом обеспечении

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

- 67 **В.В. Шаповалов**
Оценка эффективности инновационной деятельности в современных условиях
- 76 **Э.А. Шаманина, С.Н. Летникова, А.Д. Завьялов**
Сравнительный анализ развития транспортной инфраструктуры Китая и России: перспективы сотрудничества
- 91 **А.Е. Чикова**
Глобальная регионализация как основа развития мировой экономики
- 102 **Н.В. Ивкина, Л.Е. Чкония, Я.А. Крутлов**
Эволюция экономических институтов Восточноафриканского сообщества

УПРАВЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

- 116 **Р.Н. Шпакова, Д.И. Городецкий**
Региональные экспортные стратегии и программы: алгоритм разработки (на примере Томской области)
- 129 **М.И. Иванова, Д.И. Жучков**
О необходимости разработки критериев для стартапов в сфере здравоохранения для государственной политики

РЕЦЕНЗИЯ

- 140 **Д.Р. Фатыхов**
Теоретические и практические аспекты международной информационной безопасности в текущих условиях

The founder: Federal State Autonomous Higher Education Institution "Moscow State Institute of International Relations (University) under the Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation"

**CHAIRPERSON OF THE EDITORIAL BOARD,
EDITOR-IN CHIEF – R. YENGIBARYAN
EDITORIAL BOARD:**

- Francesco Adomato** – Professor, Rector, University of Macerata, Italy
Tatyana A. Alekseyeva – Head of the Department of Political Theory, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia
Tatyana Yu. Ampleeva – Doctor of Law, Russia
Fabrizio D'Ascenzo – Professor, Sapienza University of Rome, Italy
Wang Chenxing – Ph.D. Assistant Professor (Research Fellow) of Institute of Russia, East Europe and Central Asia, Chinese Academy of Social Sciences; Deputy General Secretary of Chinese Association for Russian, East European and Central Asian Studies, China
Oksana V. Gaman-Golutvina – Head of the Department of Comparative Political Sciences, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Gao Cheng – Professor, Executive chief editor, Journal of Contemporary Studies of Asia and Pacific, China
Dmitry V. Gribanov – Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs and Digital Transformation, Ural State Law University, Russia
Prof. Dr. **Stephen Guangpeng Dong** – China University of Public Relations, Dean of the Faculty of Continuing Education, Professor in Communication and Leadership, National School of Management, China
Achilles C. Emilianides – Professor, Dean School of Law, University of Nicosia, Cyprus
Robert V. Yengibaryan – Doctor of Law, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia
Alla V. Yendoltseva – Professor with the Department of State Regulation, Doctor of Law, Professor, Russia
Ye Hailin – Professor, Editorial chief of South Asia Studies, National Institute of International Strategy, Chinese Academy of Social Sciences, China
Agnessa O. Inshakova – Head of the Department of Civil and International Private Law, Volgograd State University, Doctor of Law, Professor, Russia
Sergei G. Kamolov – Professor, Department of Asset Management, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Russia
Yu. K. Krasnov – Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Russia
Jose A. Morande Lavín – Institute of International Studies, University of Chile, Chile
Marina M. Lebedeva – Head of the Department of World Political Processes, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Artem V. Malgin – Vice-Rector for Strategic Development, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Russia
Dušan Pavlović – Doctor, Professor, Faculty of Political Sciences, University of Belgrade, Serbia
Potier Tim – Professor with the Department of International Law, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Ph.D., Russia
Henry T. Sardaryan – Dean of the Faculty of Administration and Politics, Doctor of Political Sciences, Russia
Vitaly V. Subochev – Head of the Department of State Regulation, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Russia
Anatoly V. Torkunov – Rector of MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Academician with the Russian Academy of Sciences, Russia
Tyagi Parul – Ph.D. in Management, Assistant Lecturer, Department of Foreign Languages, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Moscow, Russia
Dr. **Gerhard Schnyder** – Professor of International Management and Political Economy, Ph.D. in Political Science, Loughborough University London, United Kingdom
Mark L. Entin – Head of the Department of Integration and Human Rights Law, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Russia

EXECUTIVE SECRETARY – Vladimir E. Berezko
Proofreading – **Tamara M. Shrapyan**
Computer layout – **Dmitry E. Volkov**

CONTENTS

LAW IN THE MODERN WORLD

- 3 **Alla Yu. Yastrebova**
International Legal Concept and Basics of Readmission
- 11 **Mikhail A. Evdokimov, Rashad R. Amiraslanov**
Legal Aspects of Flexible Integration: the Potential of the EAEU
- 19 **Ekaterina N. Egorova, Natalia D. Neshchadina**
Migration Reform in the UK to Attract Highly Qualified Workers
- 29 **Alexandra Yu. Skuratova**
Ne Bis In Idem Principle: Current Problems of Implementation in International Criminal Law
- 45 **Denis E. Matytsin, Agnessa O. Inshakova**
«Smart» Outsourcing: Humanizing Entrepreneurship in the AI Economy
- 59 **Marina A. Moiseenko, Olga V. Korotkova**
Factors Influencing the Formation of the Modern Criminal Law Policy of the Russian Federation in the Field of Taxation

THE TOPICAL ISSUES OF WORLD ECONOMY

- 67 **Vladimir V. Shapovalov**
Assessment of the Effectiveness of Innovation Activities in the Current Context
- 76 **Ellina A. Shamanina, Sofia N. Letnikova, Alexander D. Zavyalov**
Comparative Analysis of Transport Infrastructure Development in China and Russia: Prospects for Cooperation
- 91 **Anastasia E. Chikova**
Global Regionalization as the Basis for the Development of the World Economy
- 102 **Natalia V. Ivkina, Lora E. Chkoniya, Yaroslav A. Kruglov**
The Evolution of the EAC Economic Institutions

ADMINISTRATION: CHALLENGES AND PROSPECTS

- 116 **Raisa N. Shpakova, Dmitry I. Gorodetskiy**
Regional Export Strategies and Programs: Development Algorithm (the Example of the Tomsk Region)
- 129 **Maria I. Ivanova, Denis I. Zhuchkov**
The Need of Criteria Development for Health Care Startups for Public Policy

REVIEW

- 140 **Dmitriy R. Fatykhov**
Theoretical and Practical Aspects of International Information Security under Current Conditions

Журнал «Право и управление. XXI век» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.
С сетевым изданием «Право и управление. XXI век. Электронное издание» можно ознакомиться по адресу: www.mgimopravo.elpub.ru

The "Journal of Law and Administration" journal is included in the List of the reviewed scientific editions which publish the major research results of doctorate and candidate of science degree dissertations.
The Internet edition of the "Journal of Law and Administration" is available at: www.mgimopravo.elpub.ru

Article

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ И ОСНОВЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РЕАДМИССИИ

Алла Ястребова*

DOI 10.24833/2073-8420-2024-2-71-3-10

Введение. Понятие реадмиссии как одной из форм предупреждения незаконной миграции связано с сотрудничеством государств, имеющим целью прекратить пребывание на своей территории иностранных граждан, въехавших и/или находящихся там с нарушением действующих иммиграционных правовых норм. Принимающая сторона также распространяет действие договоров о реадмиссии на граждан третьих государств, которые прибыли с территории запрашиваемого государства. Особое значение имеет перечень оснований, закрепленных в международном праве, которые в принципе отменяют реадмиссию, связаны с содержанием универсальных и региональных стандартов защиты прав человека и представляют собой определенные международно-правовые обязательства государств.

Материалы и методы. В качестве материалов используются нормативно-правовые акты, ряд российских и зарубежных научных трудов, где изучается институт реадмиссии. Методологическая база представлена методами научного анализа и синтеза, формальной логики, сравнительного правоведения.

Результаты исследования. Международно-правовой институт реадмиссии предполагает наличие взаимных обязательств государств по идентификации личности и установлению гражданства незаконных мигрантов, предоставлению соответствующих документов, направлению запросов, содержанию таких лиц в специально отведенном для этого месте, приему собственных граждан и лиц, обладающих постоянным проживанием или осуществивших транзит по территории сторон. Получают все большее распространение двусторонние типовые соглашения по реадмиссии. Представляется, что принятие регионального международного договора о реадмиссии на уровне СНГ способствовало бы унификации ее правового определения и процедур, так как уже сложилось модельное законодательство в указанной сфере.

Обсуждение и заключение. Российская Федерация активно участвует в расширении двусторонних соглашений о реадмиссии как с государствами-участниками СНГ, так и с европейскими и азиатскими странами. Одновременно порядок осуществления реадмиссии нашел свое закрепление в российском иммиграционном законодательстве. Эффективность реадмиссии в качестве правового средства предупреждения незаконной миграции связана также с реализацией совместных региональных программ государств, направленных

* **Ястребова Алла Юрьевна**, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации
e-mail: allayastrebova@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-3324-9956

на обеспечение условий, которые позволяют контролировать въезд, пребывание, выезд, транзит и цели присутствия иностранных граждан на территории принимающей стороны.

Введение

Международные договоры о реадмиссии направлены на реализацию обязательств сторон по обратному приему своих граждан, граждан третьих стран или апатридов, незаконно въехавших и/или пребывающих на их территории. Наличие указанных договоров связано с принципом взаимности соответствующих действий государств-участников, так как институт реадмиссии не может быть применен на односторонней основе.

Эксперты МОМ в сводном формате указывают, что реадмиссия представляет собой определенный правовой механизм, используемый на основе международного договора, при приеме государством собственных граждан или иностранцев, которые не удовлетворяют условиям законного въезда, пребывания или проживания на территории другой страны [9. С. 13]. О.С. Кажеева отмечает, что реадмиссия принадлежит «к сложному межотраслевому комплексу международно-правового регулирования миграции», из чего вытекает «ряд поднимаемых реадмиссией ... вопросов теоретического порядка, связанных с проблематикой прав человека, защитой беженцев и т.д.» [3. С. 22]. Ж.-П. Кассарино считает, что реадмиссия, в том числе, выступает и используется в качестве «технического средства сдерживания трудящихся-мигрантов с урегулированным правовым статусом от просрочки действия их временных трудовых договоров» [8. С. 138].

Очевидно, что отдельные международно-правовые аспекты, такие как статус беженцев и лиц, ищущих убежище, установленные стандарты прав человека, учитываются договорами о реадмиссии в той части, где ее проведение исключено или определены особые правила для этого. Так, в содер-

жание типовых договоров о реадмиссии не включен перечень специальных гарантий для незаконно пребывающих иностранных граждан и лиц без гражданства, которых принимающее государство возвращает в страну происхождения. Общее назначение процедур реадмиссии состоит в упрощенном формате возвращения незаконных мигрантов заинтересованными сторонами.

Эксперты Африканского союза, обращая внимание на отсутствие универсального международно-правового определения реадмиссии, включают в число обязательств государств по договорам о реадмиссии установление факта гражданства и постоянной резиденции лица на территории другой стороны; выдачу необходимых проездных документов или разрешения для выезда в страну происхождения; прием собственных граждан без необоснованных препятствий возвращению. При этом участники соглашения должны придерживаться общих принципов равенства и недискриминации при приеме на своей территории собственных граждан или постоянно проживающих иностранцев [10. С. 18-20].

Исследование

В соответствии со ст. 6 Соглашения о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией 1998 г.¹, стороны обязаны обмениваться между собой информацией по международным договорам по вопросам въезда-выезда и миграции с третьими странами. Программа сотрудничества государств – участников СНГ в противодействии незаконной миграции на 2009–2011 гг.², включала рекомендацию по заключению двусторонних соглашений о реадмиссии в рамках СНГ в данный период. На заседании Совместной комиссии государств-участников вышеуказанного

¹ Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией 1998 г. URL: <https://old.e-cis.info/page.php?id=21437&ysclid=lwrum4covp537886393> (дата обращения: 29.05.2024).

² Программа сотрудничества государств – участников СНГ в противодействии незаконной миграции на 2009–2011 гг. (принята 10 ноября 2008 г. решением Совета глав государств). URL: <https://cis.minsk.by/page/18807/programma-sotrudnicestva-gosudarstv-ucastnikov-sodruzestva-nezavisimyh-gosudarstv-v-protivodejstvii-nezakonnoj-migracii-na-2009-2011-gody?ysclid=lwrus13wk5799685409> (дата обращения: 29.05.2024).

Соглашения, состоявшемся в декабре 2023 г., были одобрены методические рекомендации по заключению договоров о реадмиссии и их реализации. Принятая решением Совета глав государств СНГ от 13 октября 2023 г. Межгосударственная программа совместных мер борьбы с преступностью на 2024–2028 г.³ определяет, в том числе мероприятия по противодействию незаконной миграции.

Модельное соглашение СНГ по реадмиссии 2012 г.⁴ унифицирует понятие реадмиссии как передачу компетентными органами запрашивающей стороны и прием компетентными органами запрашиваемой стороны лиц, въехавших или находящихся на территории запрашивающей стороны в нарушение действующего законодательства по вопросам въезда, выезда и пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства (ст. 2). В его содержании отдельно регламентированы процедуры реадмиссии для граждан государств-участников соглашения и для граждан третьих стран и апатридов (ст. 4 и 5). Главным обязательством сторон установлен прием на взаимной основе незаконных мигрантов, обладающих их гражданством или имеющих право на проживание или въехавших через территорию участников, в том числе, с целью транзитного проезда (ч. 1 ст. 3). Ст. 10 обеспечивает защиту персональных данных лиц, подлежащих реадмиссии и транзиту, от утери, несанкционированного доступа, изменения или предания гласности.

Многосторонний договор СНГ по поводу осуществления реадмиссии в рамках общего миграционного пространства в настоящий момент отсутствует. Осуществление реадмиссии будет целенаправленным при условии участия всех сторон, по территории которых передвигались подлежащие ей иностранные граждане и апатриды, в подобном международном договоре. Как уже было отмечено выше, общей задачей таких договоров выступает возвращение индивидов в страну происхождения или первоначального выезда.

Таким образом, реадмиссия рассматривается как эффективное международно-правовое средство консолидированного противодействия незаконной миграции.

В.Н. Опарин и Л.И. Чипуляй высказывают соображение о том, что «помимо разработки единой формы соглашения о реадмиссии необходимо заключать многосторонние соглашения, которые предусматривали бы единый механизм разрешения вопроса о незаконной миграции и применение механизма реадмиссии», при этом осуществление реадмиссии связывается ими с установлением правил возвращения, выдворения, задержания и пресечения повторного въезда [4. С. 212]. По мнению Л.В. Андриченко, наличие безвизового режима не препятствует подготовке регионального договора о реадмиссии на уровне СНГ [1. С. 21].

Ю.В. Паукова указывает, что иностранные граждане, принятые по соглашениям о реадмиссии и не имеющие законных оснований для пребывания или проживания в Российской Федерации, будут переданы в другую страну либо согласно такому же договору, или посредством депортации, если он не существует [5. С. 46.]. Очевидно, что общий региональный договор позволил бы упростить правовой формат сотрудничества государств-участников, имеющих целью возвращение незаконных мигрантов в страну происхождения.

Со своей стороны, В.А. Волох замечает, что «реадмиссия может быть эффективным инструментом противодействия нелегальной миграции и обеспечения уверенности в возвращении нелегальных мигрантов только при условии создания системы реадмиссионных соглашений, заключаемых между государствами исхода мигрантов, государствами транзита и государствами-реципиентами, которые должны добросовестно выполняться» [2. С. 268].

С учетом других международно-правовых обязательств государств, нужно также рекомендовать установить определенные региональные международно-правовые стандарты содержания лиц, подвергшихся реадмиссии, и порядок возможного обращения отдельных индивидов к властям принимающей стороны с ходатайством о признании иного правового статуса (беженца или лица, ищущего убежище) на ее территории.

Российская Федерация использует механизмы реадмиссии на двустороннем уровне, вступив в соответствующие договоры

³ Межгосударственная программа совместных мер борьбы с преступностью на 2024–2028 г. (принята решением Совета глав государств СНГ от 13 октября 2023 г.). URL: <https://e-cis.info/news/564/112774/?ysclid=lwrvcydv5396605592> (дата обращения: 29.05.2024).

⁴ Модельное соглашение по реадмиссии (принято Постановлением МПА СНГ от 23 ноября 2012 г. № 38-12) URL: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/374.pdf?ysclid=lwrvf21bsd62851678> (дата обращения: 29.05.2024).

и исполнительные протоколы как с государствами СНГ (Казахстан, Киргизия, Армения, Узбекистан и др.), так и со странами Шенгенского пространства (Норвегия, Швейцария, Исландия, Испания, Дания, Финляндия, Португалия, Лихтенштейн, Франция, Эстония, Литва, Латвия). В 2006 г. было принято Соглашение о реадмиссии между Российской Федерацией и Европейским сообществом⁵. Помимо этого, Россия взаимодействует по вопросам реадмиссии с такими странами, как Вьетнам (Соглашение 2008 г.) и Монголия (Соглашение 2014 г.). К числу достаточно новых двусторонних договоров относится Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о реадмиссии 2022 г.⁶

Ст. 2 Соглашения между Правительствами Российской Федерации и Республики Беларусь о реадмиссии 2013 г.⁷ предусматривает применение данной процедуры только к гражданам третьих государств и лицам без гражданства, нарушившим законодательство принимающей стороны по вопросам въезда, выезда и пребывания.

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в борьбе с незаконной миграцией⁸ включает, в том числе, осуществление процедуры реадмиссии (ч. 5-7 ст. 7, ст. 8). К запросу о реадмиссии прилагаются документы, подтверждающие гражданство государства, выступающего запрашиваемой стороной. Запрос о реадмиссии не требуется, если подлежащее ей лицо имеет действительный проездной документ, удостоверяющий лич-

ность гражданина запрашиваемой стороны (ч. 6 ст. 7).

Согласно п. 1.3 ст. 32.2 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» № 115-ФЗ⁹, передаче иностранному государству при наличии международного договора о реадмиссии подлежит иностранный гражданин, въезд или пребывание которого на территории Российской Федерации признаны не соответствующими указанному законодательству. Если федеральное законодательство и договор не предусматривают иного, лицо, подлежащее реадмиссии в иностранное государство, может содержаться в специальном учреждении. Туда же помещается в обязательном порядке иностранный гражданин при отсутствии документа, удостоверяющего его личность (ч. 2 ст. 32.2). Если же договор о реадмиссии между Российской Федерацией и государством гражданства лица либо его постоянного или преимущественного проживания не принят, оно подлежит депортации (ч. 12 ст. 32.2). Центр по вопросам миграции (ЦВМ) МВД России может направить запрос о проведении собеседования с иностранным гражданином, подлежащим передаче, как в представительство МВД за рубежом, так и в компетентный орган иностранного государства либо в его дипломатическое представительство или консульское учреждение на территории Российской Федерации в соответствии с международным договором о реадмиссии (п. 51.1 Порядка реализации международных договоров Российской Федерации о реадмиссии в редакции Приказа МВД России от 24 ноября 2023 г. № 898¹⁰).

⁵ Соглашение между Российской Федерацией и Европейским сообществом о реадмиссии 2006 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45899/ (дата обращения: 29.05.2024).

⁶ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о реадмиссии 2022 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/60869/ (дата обращения: 29.05.2024).

⁷ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о реадмиссии 2013 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/44280/ (дата обращения: 29.05.2024).

⁸ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в борьбе с незаконной миграцией 2013 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/44428/ (дата обращения: 29.05.2024).

⁹ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (в редакции от 25 декабря 2023 г.). СЗ РФ от 29 июля 2002 г. № 30. Ст. 3032.

¹⁰ Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 24.11.2023 № 898 «О внесении изменений в приказ МВД России от 24 сентября 2020 г. № 669 «Об утверждении Порядка реализации международных договоров Российской Федерации о реадмиссии Министерством внутренних дел Российской Федерации, его территориальными органами и специальными учреждениями, предназначенными для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации».

Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека 1995 г.¹¹ устанавливает, что иностранный гражданин, который законно находится на территории государств-участников, подлежит выдворению только во исполнение законно принятого решения и должен иметь возможность представить свои доводы против него (ч. 3 ст. 25). Нужно отметить, что такое же требование, связанное с защитой прав и законных интересов граждан и недопустимость дискриминации по признакам гражданства и национальности, содержится в ст. 11 Соглашения о сотрудничестве в борьбе с незаконной миграцией между Российской Федерацией и КНР.

Согласно ч. 2 ст. 25 Конвенции СНГ 1995 г., никто не может быть лишен права на въезд на территорию государства гражданства. При реализации договоров о реадмиссии должно соблюдаться требование к запрашивающей стороне установить, выступает ли лицо нарушителем иммиграционного законодательства и в чем конкретно выражено это нарушение. В свою очередь, запрашиваемая сторона контролирует наличие у лица собственного гражданства и устанавливает обстоятельства проезда иностранных граждан через свою территорию. Государства-участники сотрудничают по вопросам идентификации личности таких мигрантов.

Западные эксперты указывают на значимость идентификации мигрантов из третьих стран, которая бывает затруднена отсутствием документов или нежеланием сотрудничества у государства происхождения таких лиц. К подтверждающим документам могут быть отнесены те, что устанавливают личность мигранта, его гражданство, место постоянного проживания, включая водительские права и формы биометрических персональных данных, содержащие фотографию и дактилоскопию. Отмечается возможность запросов в дипломатическое представительство предполагаемого государства гражданства или постоянной резиденции в целях такой идентификации [7. С. 39]. М. Битью также определяет необходимость обеспечения безопасного возвращения и

реинтеграции мигрантов, которые должны быть частью двустороннего и многостороннего сотрудничества государств, включая программы реадмиссии, особенно в отношении детей в общем и несопровождаемых несовершеннолетних лиц в частности [6].

Совместное решение сторон о применении реадмиссии в каждом конкретном случае, согласно действующему международному договору, можно считать достаточным для исполнения запроса о реадмиссии. Особое внимание уделено тому, подпадает ли данный иностранный гражданин или лицо без гражданства под действие договора о реадмиссии или же обладает таким правовым статусом, который является самостоятельным предметом регулирования (беженец, лицо, ищущее убежище).

В международном праве установлены нормы, препятствующие автоматическому возврату иностранных граждан и апатридов в страны происхождения или первичного въезда. К ним, в том числе, принадлежит принцип единства/воссоединения членов семьи (п. б) ч. 1 «Контакты между людьми» раздела «Сотрудничество в гуманитарных и других областях» Заключительного Акта СБСЕ 1975 г.¹² и принцип невысылки лица, которое опасается преследования в своем государстве (ч. 1 ст. 33 Конвенции о статусе беженцев 1951 г.¹³). Если эти основания присутствуют, то возвращение должно быть отменено, поскольку данные обстоятельства предполагают обращение к особой международно-правовой защите. Так, в ст. 1 Модельного соглашения СНГ о реадмиссии сформулировано, что договоры о реадмиссии не умаляют международно-правовых прав и обязательств, которые имеются у сторон и закреплены, в частности, во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Конвенции о статусе беженцев 1951 г. и Протоколе 1967 г., Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих человеческое достоинство видов обращения и наказания 1984 г.

Приведенные международно-правовые акты связаны с универсальными стандартами защиты прав человека, ограничивающими

Федерации, депортации или реадмиссии, и Порядка прекращения процедуры реадмиссии в связи с добровольным выездом иностранного гражданина или лица без гражданства из Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312250084?ysclid=lwrwool7k8704354346> (дата обращения: 29.05.2024).

¹¹ Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека 1995 г. (с изм., внесенными Международным протоколом от 14 октября 2022 г.). Бюллетень международных договоров. 1999. № 6. С. 3-13.

¹² Заключительный Акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Хельсинки, 1975 г. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (дата обращения: 29.05.2024).

возможности государств-участников по реадмиссии незаконно пребывающих иностранных граждан и апатридов, если эти лица вынужденно покинули страну происхождения и могут подвергнуться преследованию или угрозе физической неприкосновенности и человеческого достоинства после возвращения в нее.

Процедуры реадмиссии обеспечивают реализацию решения заинтересованными сторонами возвращения незаконных мигрантов в государство происхождения или первичного въезда. Типовые договоры о реадмиссии не предполагают включения основных прав и свобод человека в сфере передвижения, к которым относится обеспечение личной безопасности и единство семьи, предоставление социальных и медицинских услуг, оказание защиты соответствующими международными организациями (УВКБ ООН, МОМ). Это вполне объяснимо, поскольку указанные права и свободы обычно выступают частью межгосударственных договоров по вопросам миграции. Тем не менее, обстоятельства, связанные с опасениями вынужденного мигранта за жизнь или физическую неприкосновенность в своей стране, должны признаваться основанием для отклонения запросов о реадмиссии. Это определено международно-правовыми обязательствами, сопровождающими участие государств в универсальной и/или региональной защите прав человека. Сторонам договоров о реадмиссии можно также рекомендовать применение правовых основ защиты иностранцев, обратившихся за предоставлением временного убежища, и тех лиц, которых они принимают на своей территории по гуманитарным соображениям.

Отчет Международной организации по миграции (МОМ) «Анализ пробелов и оценка потребностей об управлении миграцией и развитие миграционного потенциала в контексте регионального учебного центра

по миграции» 2021 г.¹⁴ определяет, что двустороннее сотрудничество в диалоге по вопросам миграции важно для государств в области, касающейся возвращения и реадмиссии, обмена данными и социальной защиты граждан стран за рубежом.

Заключение

Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 г.¹⁵ (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622, действует с изменениями и дополнениями от 12 мая 2023 г.) устанавливает в качестве одного из направлений ее международного сотрудничества повышение эффективности механизмов противодействия незаконной миграции, в том числе, расширение договоренностей о реадмиссии (п. 28).

Главной целью распространения международных договоров о реадмиссии должно стать взаимодействие всех заинтересованных государств при возвращении мигрантов, нарушивших правила въезда, пребывания и выезда в принимающей стране, в государство происхождения. Принципиальный момент осуществления реадмиссии связан с идентификацией и установлением гражданства лица с тем, чтобы оно в итоге было принято запрашиваемой стороной с гарантиями соблюдения основных прав и свобод человека. Особым правовым обязательством выступает прием иностранных граждан третьих стран и апатридов, которые перенаправляются в страну, из которой они непосредственно выехали, по поводу чего другой стороной предъявлены неоспоримые доказательства. Такие лица могут оставаться на территории запрашиваемой стороны, если имеют законные основания для пребывания, или же будут возвращены, посредством применения административно-правовых мер, в свое государство.

¹³ Конвенция о статусе беженцев 1951 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 29.05.2024).

¹⁴ Отчет МОМ «Анализ пробелов и оценка потребностей об управлении миграцией и развитие миграционного потенциала в контексте регионального учебного центра по миграции». Женева: МОМ, 2021. С. 52.

¹⁵ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 г. (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622, действует с изм. и доп. от 12 мая 2023 г.). СЗ РФ от 15 мая 2023 г. № 20. Ст. 3534.

Литература:

1. Андриченко Л.В. Проблемы правового регулирования реадмиссии // Журнал российского права. 2010. № 3. С. 18–30.
2. Волох В.А. Миграционная политика: реадмиссия – эффективный инструмент противодействия нелегальной миграции // Вопросы безопасности. 2012. № 1. С. 255–270.
3. Кажаяева О.С. Институт реадмиссии в международном праве. Автореф. дис. ...канд.юрид.наук.: 12.00.10. М., 2014.
4. Опарин В.Н., Чипуляй Л.И. Рeadмиссия как международно-правовая категория // Эпомен. Научный журнал. 2019. № 34. С. 210–217.
5. Паукова Ю.В. К вопросу об основаниях применения административного выдворения, депортации и реадмиссии иностранных граждан // Административное право и практика администрирования. 2022. № 2. С. 38–49.
6. Bitew M. National and International Responses to Readmission and Reintegration of International Migrants // The Migration news: People on the Move. 2024. URL: <https://www.themigrationnews.com>.
7. Caron H. Refugees, Readmission Agreements, and «Safe» Third Countries: A Recipe for Refoulement? // Journal of Regional Security. Belgrade Centre for Security Policy. 2017. Vol. 12. № 1. P. 27–50.
8. Cassarino J.-P. A Reappraisal of the EU's Expanding Readmission System // The International Spectator: Italian Journal of International Affairs. 2014. P. 130-145.
9. Manual on Readmission for Experts and Practitioners. Selected foreign readmission and return practices. Moscow: IOM, FMS Russia, 2010.
10. Study on Return, Readmission and Reintegration Programmes in Africa. Vienna: ICMPD, AU, EU, 2021.

INTERNATIONAL LEGAL CONCEPT AND BASICS OF READMISSION

Introduction. *The concept of readmission, as a prevention tool regarding irregular migration, links with the interstate cooperation aimed to terminate the stay of foreigners who entered and/or reside in violation of the current legal regulations for immigration. The receiving party also extends the validity of the readmission agreements to the nationals of third countries who came from the territory of requested state. The list of grounds established in international law, basically cancelling readmission, connected with the content of universal and regional standards of human rights and represented the international legal obligations of states, is of particular importance.*

Materials and methods. *As for the materials, the legal acts and a number of Russian and foreign scientific papers, where readmission has been studying, are presented. Methodological foundations are provided with scientific method of analysis and synthesis, formal-legal and comparative-legal methods.*

Research results. *International legal institution of readmission presupposes the mutual obligations of states to identify personality and to establish a nationality of irregular migrants, to submit the relevant documents, to send a request, to keep people in a designated place, to take back nationals and persons who have permanent residence or carried out transit*

on the territory of participating states. The bilateral model agreements readmission are becoming more widespread for the moment. It seems that adoption of international regional treaty on readmission at the CIS level would promote unification of its legal definition and procedures, because model legislation has already developed.

Discussion and conclusion. *The Russian Federation actively participates in the expansion of bilateral agreements on readmission with both the CIS states and European and Asian countries. At the same time, the procedure for implementing readmission has been enshrined in Russian immigration legislation. The effectiveness of readmission, as a legal means of preventing irregular migration, relates to realization of joint regional programs of the states aimed to provide conditions, which allow them to control entry, stay, departure, transit and purposes of the presence of foreigners on the territory of receiving state.*

Alla Yu.Yastrebova,
Doctor of Law, professor,
the Department of International Law,
The Diplomatic Academy of the Russian
Foreign Ministry, Moscow, Russia

Ключевые слова:

международно-правовой институт реадмиссии, региональные и двусторонние международные договоры, взаимные обязательства государств по реадмиссии, модельное законодательство СНГ, стандарты защиты прав человека, исключающие возвращение в страну происхождения

Keywords:

international legal institution of readmission, regional and bilateral international agreements, mutual obligations of states on readmission, CIS modal legislation, standards for the protection of human rights that exclude return to country of origin

References:

1. Andrichenko L.V., 2010. Problemy pravovogo regulirovaniya readmissii [Problems of legal regulation of readmission]. *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*. № 3. S. 18-30.
2. Volokh V.A., 2012. Migratsionnaya politika: readmissiya – effektivnyj instrument protivodeistviya nelegal'noj migratsii [Migration policy: readmission is an effective tool to combat illegal migration]. *Voprosy bezopasnosti [Security Issues]*. № 1. S. 255-270.
3. Kazhaeva O.S., 2014. Institut readmissii v mezhdunarodnom prave. [Institute of readmission in international law]. Author's abstract. dis. ...candidate of legal sciences. 12.00.10. Moscow.
4. Oparin V.N., Chipulyaj L.I., 2019. Readmissiya kak mezhdunarodno-pravovaya kategoriya [Readmission as an international legal category]. *Epomen. Nauchnyj zhurnal [Epomen. Science Magazine]*. № 34. S. 210-217.
5. Paukova Yu.V., 2022. K voprosu ob osnovaniyakh primineniya administrativnogo vydvoreniya, deportatsii i readmissii inostrannykh grazhdan [On the issue of the grounds for applying administrative expulsion, deportation and readmission of foreign citizens]. *Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya [Administrative law and administrative practice]*. № 2. S. 38-49.
6. Bitew M., 2024. National and International Responses to Readmission and Reintegration of International Migrants. *The Migration news: People on the Move*. URL: <https://www.themigrationnews.com>.
7. Caron H., 2017. Refugees, Readmission Agreements, and «Safe» Third Countries: A Recipe for Refoulement? *Journal of Regional Security. Belgrade Centre for Security Policy*. Vol. 12. № 1. P. 27-50.
8. Cassarino J.-P., 2014. A Reappraisal of the EU's Expanding Readmission System. *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*. P. 130-145.
9. Manual on Readmission for Experts and Practitioners. Selected foreign readmission and return practices. Moscow: IOM, FMS Russia, 2010.
10. Study on Return, Readmission and Reintegration Programmes in Africa. Vienna: ICMPD, AU, EU, 2021.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ГИБКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ПОТЕНЦИАЛ ЕАЭС

Михаил Евдокимов*
Рашад Амирасланов**

DOI 10.24833/2073-8420-2024-2-71-11-18

***Введение.** В статье рассматриваются подходы к применению подходов гибкой интеграции в Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС), с учетом опыта правоприменения указанных подходов в Европейском союзе. Авторы прослеживают историю эволюции правового регулирования в контексте гибкой интеграции ЕС в сравнительно-правовом аспекте с регулированием ЕАЭС. В рамках исследования авторы выделяют основные способы применения гибкой интеграции в рамках права ЕАЭС, особо обращая внимание на роль национального регулирования и соответствующих организационно-правовых механизмов, которые могут быть применены для достижения целей, предусмотренных договором, учредившим ЕАЭС.*

***Материалы и методы.** В ходе написания работы применялась совокупность общенаучных, формально-логических методов (включая методы познания, описания, анализа, индукции, дедукции, сравнения, аналогии, систематизации, моделирования) и специальных методов (формально-юридический, исторический, сравнительно-правовой, структурно-юридический методы; метод контент-анализа и др.).*

***Результаты исследования.** Анализ законодательства ЕС и ЕАЭС выявил разноплановость подходов к возможности реализации механизмов гибкой интеграции. С одной стороны, ЕС, имея более длинную историю развития правового регулирования интеграционных процессов, имеет закрепленные в актах первичного права инструментах гибкой интеграции (например, механизм продвинутого сотрудничества). С другой стороны, отсутствие аналогичной базы в системе права ЕАЭС компенсируется иными механизмами права ЕАЭС.*

* **Евдокимов Михаил Андреевич**, кандидат юридических наук, руководитель юридической практики, ООО «Компания БКС».
e-mail: evdokimov.m.a@ya.ru
ORCID ID: 0000-0002-5376-1749

** **Амирасланов Рашад Расулович**, соискатель кафедры интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Института технологий управления МИРЭА - Российского технологического университета, Москва, Россия
e-mail: r_amiraslanov@inbox.ru
ORCID ID: 0009-0000-7636-7579

Обсуждение и заключение. Исследование показало, что механизмы гибкой интеграции составляют важную основу развития интеграции в ЕС и ЕАЭС. Несмотря на отсутствие единообразия организационно-правовых механизмов, целевое значение остается сходным в части формирования наднационального регулирования посредством методов унификации и гармонизации. ЕАЭС, являясь перспективным объединением, имеет большие возможности и сферы для применения гибкой интеграции.

Введение

ЕАЭС является перспективным интеграционным объединением, которое призвано обеспечить в качестве основных целей ЕАЭС создание условий для стабильного развития экономик государств-членов, формирования единого рынка товаров, услуг, трудящихся и капитала, а также модернизацию национальных экономик (статья 4 Договора о Евразийском экономическом союзе 2014 г.¹, далее – Договор ЕАЭС).

Основными инструментами достижения указанных целей Договора ЕАЭС являются реализация единой политики, согласованной политики и скоординированной политики, которые имеют определенные сходства с реализацией исключительной, совместной и координирующей компетенции ЕС² (статьи 2-6 Договора о функционировании ЕС³, далее – ДФЕС). В качестве основных методов правового регулирования Договор ЕАЭС выделяет методы гармонизации и унификации законодательства, которые также эффективно применяются ЕС при принятии регламентов и директив.

Указанные организационно-правовые механизмы как в ЕАЭС, так и в ЕС предполагают, что по общему правилу государства-члены должны продвигаться вперед с одинаковой скоростью и принимать равное участие в реализации интеграционных проектов, будучи наделенными равными правами и обязанностями [14. С. 15]. Вместе с тем,

ЕС поступательно развивал инструменты гибкой интеграции, некоторые из которых сегодня закреплены в действующих учредительных договорах.

Учитывая необходимость интенсификации интеграционных процессов в целях обеспечения стабильности [6. С. 100] экономик государств-членов ЕАЭС представляется необходимым рассмотреть целесообразность применения правовых механизмов, аналогичных Европе разных скоростей [12. С. 95].

Исследование

Эволюция правового регулирования в контексте гибкой интеграции в ЕС

Изначально государства-основатели будущего ЕС использовали традиционный подход однородной реализации прав и обязанностей, предусмотренных учредительными договорами [1. С. 32]. Но затем постепенно ЕС начал пополняться новыми государствами-членами⁴ (например, в 1973 г. в ЕС вступила Ирландия, Дания и Великобритания).

Уже в тот момент институты (органы) ЕС предусмотрели переходные положения, согласно которым, в частности, таможенные пошлины на импорт между старыми и новыми государствами-членами должны были отменяться постепенно с 1973 по 1977 г., снижаясь на 20% ежегодно (статья 32 Договора о присоединении Дании, Ирландии и Соединенного Королевства).

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения — 10.02.2024).

² Под аббревиатурой «ЕС» будут пониматься как Европейские сообщества, так и Европейский союз.

³ Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union – Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union – Protocols – Annexes – Declarations annexed to the Final Act of the Intergovernmental Conference which adopted the Treaty of Lisbon, signed on 13 December 2007 – Tables of equivalences. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012E%2FTXT> (дата обращения — 10.02.2024).

⁴ Documents concerning the accession to the European Communities of the Kingdom of Denmark, Ireland, the Kingdom of Norway and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland // OJ L 73, 27.3.1972, p. 5–204.

Таким образом, гибкая интеграция в ЕС была обусловлена изначально увеличением числа государств-членов. Другим фактором развития гибкой интеграции в ЕС стало само углубление интеграционных процессов, распространение нового регулирования на новые сферы экономической (политической) деятельности.

Ярким примером гибкой интеграции в ЕС стало создание Экономического и валютного союза, который предполагал несколько ступеней его развития [15. С. 455], но даже сегодня не все государства-члены ЕС входят в Еврозону, являющуюся центральным элементом указанного Экономического и валютного союза. До реализации Союза рынков капитала [4. С. 231], призванного обеспечить в ЕС подлинную свободу движения капитала, государства-члены заключили более 200 инвестиционных двусторонних договоров (англ. intra-EU BITs) [9. С. 85], обеспечивающих трансграничное движение капитала. Актуальность гибкой интеграции прослеживается и в рамках иных важных направлений интеграции – общей внешней политики и политики безопасности [13. С. 115], установления Пространства свободы, безопасности и правосудия [3. С. 20]. Расширение интеграции таким дифференцированным способом способствует в целом развитию правового регулирования на финансовых рынках [10. С. 600], и в других сферах, включая уголовно-правовую [2. С. 182; 5. С. 143].

Учитывая изложенное, под гибкой интеграцией следует понимать многообразие исключений из общих правил ЕС, применение которых связано с желанием и возможностями государств-членов участвовать в тех или иных областях сотрудничества, и предполагает неодинаковые для всех права и обязанности.

С нормативной точки зрения, наибольшим достижением в ЕС стало правовое закрепление механизма продвинутого сотрудничества в ДФЕС как частного случая гибкой интеграции. Государства-члены, которые желают установить между собой продвинутое сотрудничество в одной из сфер, предусмотренных учредительными договорами ЕС по общему правилу, направляют Комиссии заявку с указанием сферы применения и целей намеченного продви-

нутого сотрудничества, которая передается Совету ЕС, принимающему окончательное решение единогласно (статья 329 ДФЕС). Ключевым условием применения продвинутого сотрудничества является то, что оно не должно нарушать исключительную компетенцию ЕС, целостность правовой системы, наносить ущерб внутреннему рынку или экономическому, социальному и территориальному сплочению, препятствовать торговле и конкуренции.

Потенциал ЕАЭС в рамках гибкой интеграции

В определенном смысле ЕАЭС сам может быть представлен как пример гибкой интеграции в контексте СНГ, Таможенного союза и ЕвразЭС [8. С. 115]. Аналогичным образом можно рассмотреть и историю эволюции ЕС.

Договор ЕАЭС содержит в себе переходные положения, позволяющие гибко реализовать некоторые аспекты интеграции (Раздел XXVII), что также сближает его с подходами к гибкой интеграции ЕС. В частности, в ЕАЭС было предусмотрено создание общего рынка лекарственных средств, начиная с 1 января 2016, а к 2025 году государства-члены должны осуществить гармонизацию своего законодательства в сфере финансового рынка.

Ключевым отличием ЕАЭС от ЕС является меньшее количество государств-членов. С одной стороны, в указанном случае может показаться единственно верным способом общее развитие сходного (аналогичного) правового регулирования государств-членов. С другой стороны, государства-члены ЕАЭС имеют существенные различия в свойствах национальных экономик и систем права, что может также потребовать гибкого подхода.

Например, динамика развития финансовых рынков требует постоянного совершенствования и формирования правового регулирования. Так, в России еще в 2020 г. был принят Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵, ставший новым элементом финансового регулирования.

⁵ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5018.

Согласно статье 103 Договора ЕАЭС государства-члены должны осуществить гармонизацию своего законодательства в сфере финансового рынка к 2025, затем, создав в том же году соответствующий наднациональный орган. Указанная гармонизация осуществляется в соответствии с Соглашением о гармонизации законодательства государств-членов⁶ и планом мероприятий⁷. В указанный международный договор и правовой акт ЕАЭС не вносились изменения, в связи с чем регулирование цифровых финансовых активов остается вне рамок соответствующей гармонизации. Национальное регулирование цифровых финансовых активов на национальном уровне остается фрагментированным и, соответственно, негармонизированным [7. С. 147].

Ряд государств-членов в рамках национального регулирования создает собственные международные финансовые центры. Так, в 2015 г. в Казахстане был принят Конституционный закон Республики Казахстан от 7 декабря 2015 года № 438-V ЗРК «О Международном финансовом центре «Астана»⁸ (далее – Закон МФЦА, МФЦА), в рамках которого МФЦА начал функционировать с 2018 г. Согласно статье 4 Закона МФЦА применимым правом центра является право Казахстана с возможностью принятия МФЦА собственных правовых актов, которые могут быть основаны на принципах, нормах и прецедентах права Англии и Уэльса и (или) стандартах ведущих мировых финансовых центров. Выбор применимого права обусловлен привлечением иностранных инвесторов, которым понятна система прецедентного права, на финансовые рынки Центральной Азии, Кавказа, ЕАЭС, Западного Китая, Монголии, Ближнего Востока и Европы. В то же время учитывая большую связь МФЦА с ЕАЭС, целесообразно также связать его систему права с правом ЕАЭС для обеспечения более глубокой интегра-

ции правового регулирования и обеспечения правового суверенитета с учетом правовых традиций государств-членов.

Именно Казахстан дополнил регулирование Закона МФЦА в части цифровых активов. С 01.04.2023 Закон МФЦА дополнен статьей 4-1 в соответствии с Конституционным законом РК от 30.12.2022 № 176-VII⁹, который предоставил возможность установления центром собственного регулирования в части выпуска, размещения, обращения и хранения цифровых активов.

Также Коллегия Комиссии в 2021 г. приняла Рекомендацию о разработке и реализации целевых программ экономического развития ЕАЭС¹⁰, которая предлагает государствам-членам расширять механизмы финансирования реализации совместных программ и проектов, в том числе путем совершенствования и задействования имеющихся инструментов финансирования Евразийского банка развития, Евразийского фонда стабилизации и развития, а также МФЦА.

В 2022 г. Высший Евразийский экономический совет определил, что МФЦА в контексте интеграционного объединения должен использоваться также с целью формирования условий для развития промышленной кооперации, создания совместных предприятий в промышленном секторе, реализации новых инфраструктурных проектов в рамках Союза, содействия внедрению энерго- и ресурсосберегающих технологий, поддержки и финансирования совместных инициатив и кооперационных проектов. Полагаем, что для наиболее эффективной реализации данного положения целесообразно рассмотреть вопрос о создании собственного регулирования ЕАЭС в части возможности создания евразийской компании, как это уже реализовано в ЕС.

В действительности МФЦА привносит различные идеи развития правового регулирования ЕАЭС. Это и представляет пример

⁶ Соглашение о гармонизации законодательства государств - членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка (Заклучено в г. Москве 06.11.2018). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310465/ (дата обращения — 10.02.2024).

⁷ Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 23.11.2020 N 27 «О плане мероприятий по гармонизации законодательства государств - членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371826/ (дата обращения — 10.02.2024).

⁸ Конституционный закон Республики Казахстан от 7 декабря 2015 года № 438-V ЗРК «О Международном финансовом центре «Астана». URL: https://aifc.kz/files/legals/529/file3/_ca.pdf (дата обращения — 10.02.2024).

⁹ Там же.

¹⁰ Рекомендация № 28 Коллегии Евразийской экономической комиссии «О разработке и реализации целевых программ экономического развития Евразийского экономического союза» (Принята в г. Москве 23.11.2021). URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01430635/err_26112021_28 (дата обращения — 10.02.2024).

гибкой интеграции ЕАЭС. Так, в 2021 г. Комиссия в своей рекомендации¹¹ указала, что МФЦА предложил создать Евразийское ювелирное экспортное бюро (далее – ЕЮЭБ) с размещением на территории МФЦА. ЕЮЭБ призвано интенсифицировать развитие ювелирной промышленности государств-членов посредством позиционирования ювелирной отрасли ЕАЭС на глобальном рынке посредством продвижения соответствующих товаров и услуг. Для этого Комиссия предлагает разработать и внедрить систему добровольной сертификации, разрабатывать стратегию по выходу на целевые рынки сбыта. Бюро предполагается создать в форме некоммерческой организации, основанной на добровольном членстве и создаваемой в порядке, предусмотренном законодательством государства пребывания.

Научная доктрина различает разные подходы к гибкой интеграции [1. С. 35]. Так, разноскоростная интеграция подразумевает наличие общей цели у государств-членов и продвижение к ней по мере исполнения необходимых требований, что призвано способствовать общему развитию интеграционных процессов (например, реализация Экономического и валютного союзов). Противоположным подходом является подход *à la carte*, который, наоборот, не признает единообразного и системного развития интеграционных процессов, предполагая, что государства-члены нормативно установили минимальный их объем в виде таможенного союза и внутреннего рынка, при этом любая группа государств-членов вправе реализовать соответствующий проект по углублению интеграции в отдельных ее аспектах (например, реализация множества двусторонних инвестиционных договоров). Еще один подход – изменяемая геометрия, предполагающая продвижение сотрудничества как внутри ЕС, так и с третьими странами [11] (например, Европейское экономическое пространство). На практике данные подходы гибкой интеграции смешиваются и не имеют определенного метода правового регулирования.

ЕАЭС, в свою очередь, также применяет нестандартный подход к гибкой интеграции, связав, в частности, необходимостью

гармонизации (сближения) не сами государства-члены, а Комиссию и МФЦА. Такой подход экономит ресурсы государств-членов, самого ЕАЭС, а также позволяет использовать МФЦА для усиления интеграционных процессов. Так, уже в 2018 г. был подписан Меморандум о сотрудничестве между Международным финансовым центром «Астана» и Комиссией¹² (далее – Меморандум). Согласно указанному меморандуму сотрудничество будет осуществляться на основании положений Договора ЕАЭС (хотя в действительности указанный договор не содержит специальных положений для указанного сотрудничества) и предполагает взаимодействие МФЦА и Комиссии по вопросам развития рынков капитала, в части обмена информацией по подготовке совместных аналитических исследований и обзоров.

Несмотря на отсутствие наложения юридических обязанностей на стороны, Меморандум при наличии достаточной воли сторон действительно может помочь в осуществлении Комиссией своих полномочий, в частности, в рамках подготовки рекомендаций, аналитических (справочных) материалов, проведения консультаций для осуществления согласованной макроэкономической политики (Протокол о проведении согласованной макроэкономической политики к Договору ЕАЭС).

Заключение

В гибкой интеграции проявляются серьезные различия в интересах и возможностях членов интеграционных объединений, а также в понимании ими целей и задач интеграции. Реакцией на качественные различия между государствами-членами и сложности гармонизации (унификации) при поиске устраивающих всех решений становится отступление от единовременного и единообразного продвижения интеграции. Об этом свидетельствует опыт ЕС и ЕАЭС.

ЕАЭС имеет необходимые ресурсы для осуществления гибкой интеграции в целях усиления интеграционных процессов. На текущем этапе интеграции представляется необходимым большее включение

¹¹ Рекомендация № 1 Совета Евразийской экономической комиссии «О Концепции создания Евразийского ювелирного экспортного бюро» (Принята в г. Нур-Султане 14.07.2021). URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_prom/evraziyskoe-yuvelirnoe-eksportnoe-byuro.php (дата обращения — 10.02.2024).

¹² Меморандум о сотрудничестве между Международным финансовым центром «Астана» и Евразийской экономической комиссией (Подписан в г. Астане 04.07.2018). URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01418209/ms_06072018 (дата обращения — 10.02.2024).

государств-членов в достижение гармонизации обозначенных Договором ЕАЭС сфер права. Ключевым достижением ЕАЭС является разумный подход при использовании достижений государств-членов с учетом возможностей собственных организационно-правовых ресурсов. Так, ЕАЭС использует возможности МФЦА, подписав меморандум о сотрудничестве, а также рассматривает возможность создания на его базе иных организаций, призванных обеспечить стабильный рост секторов экономики ЕАЭС. Включение созданных государствами-членами

национальных организационно-правовых механизмов позволит использовать их на благо ЕАЭС.

Вместе с тем, для достижения наибольшего эффекта при реализации интеграционных проектов ЕАЭС следует обратить внимание на опыт ЕС в части различных подходов к гибкой интеграции (разноскоростная интеграция, *a la carte* и др.) с учетом возможностей будущих расширений ЕАЭС и подлинной реализации свобод внутреннего рынка: свободы движения товаров, лиц, услуг и капитала.

Литература:

1. Бабынина Л.О. Гибкая интеграция в ЕС: классификация и проблемы институализации // *Мировая экономика и международные отношения*. 2010. № 6.
2. Войников В.В. Европейская прокуратура - новый орган в институциональной системе пространства свободы, безопасности и правосудия ЕС // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2018. Т. 13. № 5.
3. Войников В.В. Продвинутое сотрудничество в рамках Пространства свободы, безопасности и правосудия ЕС // *Современная Европа*. 2020. № 3(96).
4. Евдокимов М.А. Правовой механизм Союза рынков капитала ЕС: будет ли обеспечена свобода движения капитала? // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2023. № 3.
5. Евдокимов М.А. Правовые аспекты деятельности Европейской прокуратуры: предпосылки и правоприменение // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2023. № 4(64).
6. Евдокимов М.А. Правовые аспекты обеспечения стабильности в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2023. № 12.
7. Махалина О.М. Цифровизация криптосферы стран ЕАЭС: состояние и перспективы // *Вестник университета*. 2019. № 6.
8. Рахимов К.К. Перспективы разноскоростной интеграции в ЕАЭС // *Геоэкономика энергетики*. 2021. Т. 16, № 4.
9. Andersen T.T. Tax Abuse and Legal Pluralism: Towards Concrete Solutions Leading to Coordination Between International Tax Treaty Law and EU Tax Law // *Journal of World Investment and Trade*. 2020. Vol. 29.
10. Kasyanov R. A. The EU Experience as a Model for the Development of a Single Financial Market Regulation in the Eurasian Economic Union (EAEU) // *European Company and Financial Law Review*. 2019. Vol. 16(5).
11. La Serre F. de, Wallace H. Flexibility and Enhanced Cooperation in the European Union: Placebo Rather Than Panacea? // *Notre Europe. Research and Policy Paper* 1997. № 2.
12. Mazier J., Valdecantos S. A multi-speed europe: Is it viable? A stock-flow consistent approach // *European Journal of Economics and Economic Policies: Intervention*. 2015. № 12(1).
13. Rieker P. Differentiated Defence Integration Under French Leadership // *European Foreign Affairs Review*. 2021. № 26.
14. The EU between Federal Union and Flexible Integration. The EU between Federal Union and Flexible Integration. Springer International Publishing. 2023.
15. Thygesen N. Flexible integration and European monetary union // *European Economic Review*. 1997. № 41(3–5).

LEGAL ASPECTS OF FLEXIBLE INTEGRATION: THE POTENTIAL OF THE EAEU

Introduction. The article discusses approaches to the application of flexible integration approaches in the Eurasian Economic Union (the EAEU), taking into account the experience of law enforcement of these approaches in the European Union (the EU). The authors trace the history of the evolution of legal regulation in the context of flexible integration of the EU in a comparative legal aspect with the regulation of the EAEU. Within the framework of the study, the authors identify the main ways of applying flexible integration within the framework of the EAEU law, paying special attention to the role of national regulation and relevant organizational and legal mechanisms that can be applied to achieve the goals provided for by the treaty that established the EAEU.

Materials and methods. In the course of writing the work, a set of general scientific, formal-logical methods (including methods of cognition, description, analysis, induction, deduction, comparison, analogy, systematization, modeling) and special methods (formal-legal, historical, comparative-legal, structural-legal methods; content analysis method, etc.) were used.

Results of the study. An analysis of the legislation of the EU and the EAEU revealed a diversity of approaches to the possibility of implementing flexible integration mechanisms. On the one hand, the EU, having a longer history of the development of legal regulation of integration processes, has instruments

of flexible integration enshrined in acts of primary law (for example, the mechanism of advanced cooperation). On the other hand, the absence of a similar base in the EAEU legal system is compensated by other mechanisms of the EAEU law.

Discussion and conclusions. The study showed that flexible integration mechanisms form an important basis for the development of integration in the EU and the EAEU. Despite the lack of uniformity of organizational and legal mechanisms, the target value remains similar in terms of the formation of supranational regulation through unification and harmonization methods. The EAEU, being a promising association, has great opportunities and areas for applying flexible integration.

Mikhail A. Evdokimov,
Candidate of Science (Law), Head of legal,
BrokerCreditService ltd.

Rashad R. Amiraslanov,
PhD Student at the Department
of Integration Law and Human Rights Law,
MGIMO University, senior lecturer,
Department of Public Law Disciplines,
the Institute of Management Technologies,
the MIREA - Russian Technological University,
Moscow, Russia

Ключевые слова:

гибкая интеграция, продвинутое сотрудничество, ЕС, ЕАЭС, финансовая интеграция, свободная экономическая зона, Международный финансовый центр «Астана», МФЦА, договор ЕАЭС, право ЕАЭС.

Keywords:

flexible integration, advanced cooperation, EU, EAEU, financial integration, free economic zone, Astana International Financial Center, AIFC, EAEU Treaty, EAEU law.

References:

1. Babynina L.O., 2010. Gibkaja integracija v ES: klassifikacija i problemy instiutualizacii [Flexible integration in the EU: classification and problems of institutionalization]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World economy and international relations]. № 6.
2. Vojnikov V.V., 2018. Evropejskaja prokuratura - novyj organ v institucional'noj sisteme prostranstva svobody, bezopasnosti i pravosudija ES [The European Prosecutor's Office - a new body in the institutional system of the space of freedom, security and justice of the EU]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]. T. 13. № 5.
3. Vojnikov V.V., 2020. Prodvinutoe sotrudnichestvo v ramkah Prostranstva svobody, bezopasnosti i pravosudija ES [Advanced cooperation within the framework of the Space of freedom, security and justice of the EU]. *Sovremennaja Evropa* [Modern Europe]. № 3(96).

4. Evdokimov M.A., 2023. Pravovoj mehanizm Sojuza rynkov kapitala ES: budet li obespechena svoboda dvizhenija kapitala? [The legal mechanism of the EU Capital Markets Union: will freedom of capital movement be ensured?]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*. № 3.
5. Evdokimov M.A., 2023. Pravovye aspekty dejatel'nosti Evropejskoj prokuratury: predposylki i pravoprimerenie [Legal aspects of the European Prosecutor's Office: prerequisites and law enforcement]. *Juridicheskaja nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii [Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. № 4(64).
6. Evdokimov M.A., 2023. Pravovye aspekty obespechenija stabil'nosti v Evropejskom sojuze i Evrazijskom jekonomicheskom sojuze [Legal aspects of ensuring stability in the European Union and the Eurasian Economic Union]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: experience, analysis, practice]*. № 12.
7. Mahalina O.M., 2019. Cifrovizacija kriptosfery stran EAJeS: sostojanie i perspektivy [Digitalization of the cryptosphere of the EAEU countries: state and prospects]. *Vestnik universiteta [Bulletin of the University]*. № 6.
8. Rahimov K.K., 2021. Perspektivy raznoskorostnoj integracii v EAJeS [Prospects for multi-speed integration in the EAEU]. *Geojekonomika jenergetik [Goeconomics of energy]*. T. 16, № 4.
9. Andersen T.T., 2020. Tax Abuse and Legal Pluralism: Towards Concrete Solutions Leading to Coordination Between International Tax Treaty Law and EU Tax Law. *Journal of World Investment and Trade*. Vol.29.
10. Kasyanov R.A., 2019. The EU Experience as a Model for the Development of a Single Financial Market Regulation in the Eurasian Economic Union (EAEU). *European Company and Financial Law Review*. Vol. 16(5).
11. La Serre F. de, Wallace H., 1997. Flexibility and Enhanced Cooperation in the European Union: Placebo Rather Than Panacea? *Notre Europe. Research and Policy Paper*. № 2.
12. Mazier J., Valdecantos S., 2015. A multi-speed europe: Is it viable? A stock-flow consistent approach. *European Journal of Economics and Economic Policies: Intervention*. № 12(1).
13. Rieker P., 2021. Differentiated Defence Integration Under French Leadership. *European Foreign Affairs Review*. №26.
14. The EU between Federal Union and Flexible Integration. *Springer International Publishing*, 2023.
15. Thygesen N., 1997. Flexible integration and European monetary union. *European Economic Review*. № 41(3–5).

МИГРАЦИОННАЯ РЕФОРМА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ЦЕЛЯХ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

*Екатерина Егорова**
*Наталья Нещадина***

DOI 10.24833/2073-8420-2024-2-71-19-28

***Введение.** В статье представлен анализ миграционной реформы, проведенной в Великобритании в течение первых лет после ее выхода из состава Европейского Союза (2020 - 2021 гг.). Изменение иммиграционных правил и процедур стало для Великобритании непростой задачей, т.к. потребовало от британских законодателей единовременного внимания как к потребностям внутреннего рынка труда страны, так и к тесным экономическим и социальным связям между страной и другими государствами-членам ЕС. Выстраивание новой иммиграционной политики после Брекзита проводилось по принципу «люди важнее паспортов», в рамках которого предполагалось отказаться от безусловных привилегий для граждан ЕС, реализовать селективный подход к трудовым мигрантам и создать комфортные и прозрачные условия въезда на территорию Великобритании для граждан любых государств, заинтересованных в получении образования, осуществлении высококвалифицированной трудовой деятельности или развитии бизнеса. Автор анализирует, как данный принцип воплотился на практике и оценивает эффективность новых иммиграционных правил для Великобритании в период 2022 – 2024 гг. В статье приведен анализ внутреннего законодательства страны и статистических данных.*

***Материалы и методы.** Методологическую основу исследования составили следующие общенаучные и специальные методы познания правовых явлений и процессов в сфере международного и европейского права: метод системно-структурного анализа; метод синтеза социально-правовых явлений; сравнительно-правовой метод; формально-логический метод; статистический метод.*

* **Егорова Екатерина Никитична**, кандидат юридических наук, доцент кафедры интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России
e-mail: katemgimo@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-6713-3359

** **Нещадина Наталья Дмитриевна**, соискатель, кафедра интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России
e-mail: natalia.neshch@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-8014-7074

Результаты исследования. В результате проведенного анализа выявлено, что после реформы иммиграционная политика Великобритании стала более практичной, т.к. позволила привлекать на территорию страны высококвалифицированных специалистов, талантливых студентов и перспективных предпринимателей вне зависимости от страны их гражданской принадлежности. Опираясь на широкий круг инструментов (таких, как разветвленная система виз и электронная платформа отбора кандидатов на их получение), современная иммиграционная политика Великобритании нацелена на регулирование миграционных потоков с максимальной выгодой для страны и расширением возможностей для реализации профессионального потенциала иностранных трудовых мигрантов.

Обсуждение и заключение. Обосновано применение новых инструментов регулирования внешней миграции в Великобритании; проанализированы их основные преимущества и недостатки.

Введение

23 июня 2016 г. в Великобритании прошел референдум по вопросу выхода страны из состава ЕС. По итогам референдума 52% голосующих высказались за выход Великобритании из состава Евросоюза¹.

Процедура подготовки к выходу из ЕС была очень длительной и непростой, поскольку Великобритания имеет тесные связи с государствами-членами ЕС и является крупнейшим торговым партнером ЕС. Такое беспрецедентное решение о выходе² могло спровоцировать ряд неблагоприятных экономических и социальных последствий, поэтому реализовывать его надлежало с особой осторожностью. Сложности в этом деле оказались столь многочисленны, что неоднократно высказывались мнения о том, что итоги референдума объявят ничтожными и страна останется членом Союза. Однако этого не произошло: процедура Брекзита началась в 2017 г. и окончательно завершилась 31 января 2020 г. Все это время на территории Великобритании действовал так называемый переходный период. В целях настоящего исследования особый интерес представляет вопрос о том, как должны быть урегулированы миграционные вопросы (в том числе, вопросы мобильности высоко-

коквалифицированных работников) между ЕС и Великобританией после того, как последняя потеряла статус государства-члена ЕС.

Решение миграционного вопроса стало одним из ключевых пунктов плана Британского правительства в период Брекзита. И хотя некоторые вопросы все еще остаются спорными, конкретные меры по урегулированию миграции уже приняты и применяются на практике.

Исследование

После выхода из состава ЕС Великобритания стремилась сохранить закрепленные за гражданами государств-членов ЕС, постоянно проживавшими и осуществлявшими трудовую деятельность на территории страны, права и гарантии. В ходе переходного периода они могли продолжать жить и работать на территории страны без малейших препятствий. В частности, действовала специально созданная «система поселенцев из ЕС» («EU Settlement Scheme»³), при помощи которой гражданам ЕС можно было подать заявку на получение статуса временно проживающего («pre-settled status») или постоянно проживающего («settled status») в Великобритании лица. Форма подачи заявки требовала минимума документов –

¹ За выход из состава ЕС было отдано 51.9% голосов, 48.1% проголосовали за вариант «остаться членом ЕС». Явка составила более 72%. Всего в референдуме приняли участие около 34х миллионов человек.

² Возможность выхода государства-члена из состава ЕС впервые была предусмотрена Лиссабонским договором от 2007г. Великобритания – первая страна, воспользовавшаяся этим правом.

³ Исчерпывающая информация о данной системе, а также о сроках и способах подачи заявок была представлена на официальном сайте правительства Великобритании. URL: Apply to the EU Settlement Scheme (settled and pre-settled status) - GOV.UK (www.gov.uk) (дата обращения: 01.03.2024)

например, достаточно было предъявить выписки с банковского счета или трудовой договор, чтобы продемонстрировать, что лицо действительно проживало на территории страны в указанный период. Заявки рассматривались оперативно и преимущественно одобрялись. Статус «pre-settled» получали лица, прожившие на момент подачи заявки в Великобритании менее пяти лет, а статус «settled» – те, кто прожил в стране пять лет и более. 30 июня 2021 г. регистрация заявок по данной системе была закрыта. Право подать заявку после указанной даты сохранялось лишь в исключительных случаях – например, если состояние здоровья лица не позволило ему подать заявку в срок. Лица, получившие одобрение своих заявок, могли в дальнейшем беспрепятственно проживать и работать в Великобритании.

Таким образом, желание правительства страны создать минимум проблем для тех граждан ЕС, которые хотели остаться в Великобритании, было в полной мере реализовано на практике: согласно статистическим данным, по состоянию на 31 декабря 2023 г. «системой поселенцев из ЕС» воспользовались 7,7 млн. заявителей, 7 млн. из которых были гражданами государств-членов ЕС, а остальные – гражданами Швейцарии и государств-членов Европейской экономической зоны (Норвегия, Исландия, Лихтенштейн)⁴.

Примечательно, что значительное количество заявок (1,7 млн.) поступило уже после установленного «дедлайна», в период между 31 июня 2021 г. и 31 декабря 2023 г. Это дополнительно свидетельствует о том, что применяемая схема выполнила поставленную задачу, сохранив права на проживание и работу в Великобритании за всеми желающими гражданами государств-членов ЕС.

Вторая задача миграционной реформы Великобритании заключалась в том, чтобы соблюсти принцип справедливости при выстраивании отношений с мигрантами из различных стран и отменить безусловные

привилегии для граждан ЕС при пересечении британских границ.

Еще до Брексита, 14 октября 2019 г. Королева Елизавета II в Тронной речи объявила, что в Великобритании планируется принятие нового закона об иммиграции, который должен обеспечить «современную, справедливую и глобальную иммиграционную систему», призванную заменить принцип свободы передвижения, действующий в ЕС⁵. В декабре 2019 г., накануне досрочных всеобщих выборов в Соединённом Королевстве, премьер-министр страны заявил, что граждане государств-членов ЕС слишком долго «чувствовали себя в Британии, как у себя дома»⁶. Он отметил, что в последние годы, предшествующие выходу страны из состава Союза, фактически отсутствовал контроль за входящими миграционными потоками из других стран ЕС в Великобританию, что привело к резкому увеличению числа низкоквалифицированных мигрантов. Премьер-министр также обратил внимание на то, что до Брексита граждане ЕС пользовались определенными привилегиями при трудоустройстве, а британские работодатели не могли предложить вакансии не европейскому специалисту, не рассмотрев сперва всех возможных претендентов из государств-членов ЕС. Новая иммиграционная политика, по его мнению, должна была стать более справедливой, следуя принципу «люди важнее паспортов»⁷, т.е. уравнивать граждан стран ЕС в правах с другими иностранцами относительно проживания и работы в Великобритании.

Еще одна задача миграционной реформы Великобритании состояла в том, чтобы создать единую систему подачи заявок на получение долгосрочных британских виз, одинаковую для всех иностранцев, а также ввести в действие правовые инструменты, которые позволили бы эффективно привлекать на территорию страны высококвалифицированных специалистов.

⁴ Статистические данные представлены на официальном сайте правительства Великобритании. URL: EU Settlement Scheme quarterly statistics, December 2023 - GOV.UK (www.gov.uk) (дата обращения: 06.03.2024)

⁵ Речь Королевы Великобритании, обращенная к Парламенту, от 14.10.2019 (Her Majesty's most gracious speech to both Houses of Parliament). URL: Queen's Speech 2019 - GOV.UK (www.gov.uk) (дата обращения: 01.02.2024)

⁶ Онлайн-издание «Independent». URL: Boris Johnson faces backlash and claims of racism after saying migrants should not 'treat UK as their own' | The Independent | The Independent (дата обращения: 01.02.2024)

⁷ Онлайн-издание «The Guardian». URL: Brexit: UK immigration will 'put people before passports', Johnson tells African leaders | Boris Johnson | The Guardian (дата обращения: 01.03.2024)

Эти идеи были успешно реализованы, и с января 2021 г. в Великобритании начала действовать обновленная система выдачи виз, основанная на баллах⁸. В рамках системы было выделено несколько критериев, которым должен соответствовать заявитель, чтобы получить необходимое количество баллов. Эти критерии включают в себя следующее:

- наличие приглашения на работу от британского работодателя (20 баллов);
- необходимый для работы уровень квалификации (20 баллов);
- высокий уровень владения английским языком (10 баллов);
- размер будущей зарплаты при работе в Великобритании (до 20 баллов);
- наличие ученой степени (до 20 баллов);
- работа по дефицитной специальности (20 баллов).

Необходимый минимум баллов для успешного получения британской рабочей визы – 70. При этом первые три критерия являются обязательными, при несоответствии заявителя хотя бы одному из них заявление немедленно отклоняется. В сумме данные критерии дают 50 баллов; остальные 20 баллов можно набрать с помощью любого из оставшихся критериев, т.е. соответствовать им всем одновременно необязательно. Однако, чем больше сумма баллов, тем больше гарантий для заявителя.

Примечательно, что новая система нацелена на привлечение «экономически выгодных» работников-мигрантов – это прослеживается в выделении размера заработной платы в качестве отдельного критерия. Так, например, зарплата менее 23.000 британских фунтов в год не принесет заявителю никаких баллов. На 10 дополнительных баллов могут рассчитывать те специалисты, чья зарплата в Великобритании будет находиться в пределах 23.000 – 25.500 фунтов в год; 20 баллов система начислит заявителям, чья годовая заработная плата превысит отметку в 25.600 фунтов стерлингов.

На первый взгляд может показаться, что эти требования излишне суровы и соответствовать им затруднительно, но на самом деле это не так: обозначенные уровни заработной платы с точки зрения Великобритании более чем демократичны, т.к. средняя годовая зарплата в данной стране, по разным источникам, составляет от 28 до 33 тысяч фунтов стерлингов. В некоторых областях, например, медицине или юриспруденции, уровень зарплат может превышать отметку в 70 тысяч фунтов стерлингов в год⁹.

Хотя соответствие зарплатному критерию не является обязательным условием для получения необходимого минимума баллов, оно рассматривается в качестве экономической и социальной «страховки», позволяющей реализовывать селективный подход к трудовым мигрантам. Поскольку размер заработной платы прямо пропорционален уровню квалификации специалиста и востребованности его профессии, обновленные требования создают благоприятные условия для привлечения высококвалифицированных работников из-за границы и «отсеивания» тех, кто не способен внести какой-либо существенный вклад в экономику страны.

Селективный подход к входящим миграционным потокам, реализованный в Великобритании, предусматривает наличие списка профессиональных областей, в которых в Великобритании наблюдается дефицит работников (Shortage Occupation List). Данный список составляется британским Консультативным комитетом по вопросам миграции (Migration Advisory Committee, MAC) и публикуется на официальном сайте правительства страны, регулярно обновляясь.

Для лиц, владеющих специальностями из данного списка, предусматриваются более мягкие условия получения визы – например, для них снижен порог необходимого минимального уровня заработной платы, предусмотрена уменьшенная сумма сервисного сбора за оформление визовых документов¹⁰. Более того, сам факт владения одной из таких специальностей предусматривает

⁸ Система и порядок начисления баллов по ней описаны на официальном сайте правительства Великобритании. URL: The UK's points-based immigration system: an introduction for employers (accessible version) - GOV.UK (www.gov.uk) (дата обращения: 01.03.2024).

⁹ По данным британского портала «Jobted», являющегося крупнейшим агрегатором для поиска работы и размещения вакансий в Великобритании, средняя годовая зарплата в стране по данным на 2024 г. составляет 29.600 фунтов стерлингов. Наивысший уровень годовых зарплат зафиксирован для представителей медицинских специальностей, например, кардиохирург (103.600 фунтов), врач-дерматолог (90.150 фунтов), врач-гастроэнтеролог (92.100 фунтов). URL: Average Salary and Wage (UK 2024) | Jobted UK (дата обращения: 03.03.2024)

начисление кандидату на работу и проживание в Великобритании двадцати дополнительных баллов. На данный момент в этот список включены такие области, как:

- химия и биохимия;
- геология, геофизика и геодезия;
- археология;
- инжиниринг;
- IT-сфера и программирование;
- ветеринария;
- медицина;
- графический дизайн;
- творчество и изобразительное искусство.

Как уже отмечалось выше, список регулярно обновляется с учетом текущей экономической ситуации, однако перечисленные профессии остаются стабильно востребованными уже на протяжении многих лет (в том числе, в 2024 г.). Узнать, входит ли профессия в список особо востребованных дефицитных специальностей, может любое заинтересованное лицо – для этого необходимо лишь проверить код специальности по разработанной системе классификации¹¹.

Система оценки кандидатов по баллам имеет два неоспоримых преимущества: 1) она практически полностью электронная; 2) она чрезвычайно проста в использовании и подробно описана на единственном интернет-портале. Таким образом, процесс подачи заявки на получения рабочих виз Великобритании с введением в эксплуатацию данной системы стал максимально доступным и эффективным.

Данная система оценивания кандидатов по баллам не является оригинальным британским изобретением, и уже достаточно давно и успешно применяется в других государствах, в частности, Канаде и Австралии, что делает факт ее заимствования очевидным. Однако нельзя сказать, что имело место полное копирование существующих инструментов: прежде всего, Великобритания установила набор собственных критериев оценки заявителей. Более того, сам ввод системы в эксплуатацию производился в беспрецедентных условиях, когда ряд условно

привилегированных иностранцев (граждан ЕС) надлежало перевести на общие основания¹², что не могло не создать трудностей при разработке и последующем запуске системы.

Проанализировав систему подсчета баллов и критерии, необходимые для их начисления, следует перейти к рассмотрению непосредственно виз, предусмотренных британским законодательством для высококвалифицированных работников из других государств. Какие визы выдаются лицам, набравшим необходимое количество баллов и имеющих, таким образом, право претендовать на работу и проживание в стране?

Британская визовая система достаточно обширна, хоть и не настолько разветвлена, как в США. Все визы, предоставляющие возможность работать в этой стране, делятся на несколько основных категорий:

- краткосрочные рабочие визы (8 видов);
- долгосрочные рабочие визы (5 видов);
- визы для инвесторов и предпринимателей (5 видов);

В рамках заявленной темы настоящей статьи особый интерес представляют визы, разработанные специально для высококвалифицированных работников. Одна из них – *Skilled Worker Visa*, предоставляющая право жить и работать в Великобритании. Для ее получения необходимо иметь предложение о работе от британского работодателя, а также получить от него так называемый «спонсорский сертификат» - документ, подтверждающий факт найма на работу и подробно описывающий предложенную вакансию с указанием должностных обязанностей и размера предлагаемой заработной платы. При этом последняя должна соответствовать определенным критериям и не быть ниже установленного в стране минимума для данной профессиональной сферы. При этом, чем выше зарплата, тем выше и шанс на успешное получение данной визы заявителем, поскольку, как было описано ранее, определенный уровень предложенной

¹⁰ Например, для получения *Skilled Worker Visa* на срок до трех лет обычный сервисный сбор составляет 600 фунтов, но для работников дефицитных специальностей он уменьшен до 464 фунтов.

¹¹ Онлайн система кодирования специальностей. URL: [ONS Occupation Coding Tool \(onsdigital.github.io\)](https://onsdigital.github.io) (дата обращения: 01.03.2024)

¹² Граждане государств-членов ЕС, в соответствии с новыми правилами, могут пользоваться правом безвизового въезда в Великобританию, например, в туристических целях, и проводить на территории страны до шести месяцев в году. Однако рабочие визы и разрешение на постоянное проживание теперь предоставляются им в общем порядке – таком же, как и для граждан всех остальных государств.

заработной платы может прибавить заявителю 10 или 20 баллов на этапе подачи заявки.

Виза для высококвалифицированных работников в Великобритании, как правило, выдается на срок действия трудового договора при условии, что он не превышает 5 лет (это максимальный допустимый срок действия данной визы). При этом ее можно продлять неограниченное количество раз при условии, что на момент продления заявитель все еще соответствует критериям, позволившим получить такую визу изначально. Обновить визу понадобится и при смене места работы. Процедуры продления и обновления визы достаточно просты и выполняются преимущественно в электронной форме. Работник, который постоянно проживал и работал на территории Великобритании по визе такого типа в течение пяти лет, имеет право подать заявку на получение статуса постоянного резидента, также известного как «*indefinite leave to remain*». Подать заявку на получение визы данного типа можно за три месяца до даты начала трудовой деятельности (прописывается в сертификате, направляемом работодателем). Срок рассмотрения зависит от того, где находится заявитель: если на момент подачи заявки он уже находится на территории Великобритании, срок составит 8 недель; если заявка подается из-за рубежа, срок рассмотрения составит всего 3 недели. Вероятно, такое различие в сроках связано с тем, что необходима дополнительная проверка правомерности нахождения лица на территории страны и действительности тех документов, по которым он въехал ранее.

Получение визы высококвалифицированного работника требует денежных вложений – требуется уплатить сервисный сбор (от 600 до 1200 фунтов в зависимости от срока действия запрашиваемой визы), оплатить медицинскую страховку (624 фунта ежегодно) и иметь на банковском счету необходимую сумму денег, которая позволит лицу содержать самого себя на территории Великобритании (минимум 1270 фунтов). Последнее требование может быть отменено, если работник согласится спонсировать работодателя, о чем также необходимо иметь подтверждающий сертификат. Держатель визы данного типа имеет право привозить с собой

членов своей семьи (партнера/супруга и детей), на каждого из которых указанные суммы уплачиваются отдельно.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что *Skilled Worker Visa* по своим свойствам достаточно близка к «Голубой Карте» ЕС, но одновременно с этим имеет некоторые черты, типичные для американских визовых документов (например, предусмотренная возможность спонсорства от работодателя). Подобный «гибридный» инструмент оказался одновременно эффективным для работодателей и экономики страны в целом и простым в использовании для лиц с высокой квалификацией, планирующих переезд в Великобританию.

Еще одним британским правовым инструментом, повышающим мобильность высококвалифицированных работников, является так называемая «виза талантов» (*Global talent visa*), предусмотренная для лиц с выдающимися способностями в области науки, образования, искусства или технологий. Данный тип визы примечателен тем, что подача заявок на ее получение происходит вне рассмотренной выше системы баллов, поскольку позволяет опустить одно из ключевых ее условий – наличие приглашения на работу от британского работодателя. Вместо этого в данном случае требуется документ, подтверждающий наличие у заявителя особых талантов и выдающихся способностей (призы и награды всевозможных конкурсов, престижных премий и фестивалей¹³). В качестве примера можно привести премию Тьюринга (*Turing Award*), вручаемую ассоциацией вычислительной техники за выдающиеся достижения в сфере информатики и новых технологий и считающуюся самой престижной в мире наградой в данной области. В сфере информационных технологий премия Тьюринга имеет статус, аналогичный Нобелевской премии в академических науках.¹⁴ Разумеется, сама Нобелевская премия также является несомненным основанием для признания лица выдающимся талантом и предоставления ему визы рассматриваемого типа.

Если лицо имеет одну или несколько наград из списка, ему предоставляется возможность «перескочить» этап подсчета баллов и

¹³ Официальный сайт правительства Великобритании. URL: Global Talent eligible prize lists - GOV.UK (www.gov.uk) (дата обращения: 01.03.2024)

¹⁴ Последняя премия Тьюринга была присуждена в 2022 г. за изобретение, стандартизацию и коммерциализацию сетей Ethernet. Ее получил гражданин США Роберт Меткалф.

получения одобрения заявки и перейти сразу непосредственно к процессу оформления визы. Как и виза для высококвалифицированных специалистов, «виза талантов» выдается на срок до пяти лет с возможностью продления и предусматривает возможность получения ее держателем статуса постоянного резидента в Великобритании по истечении пятилетнего срока.

Рассмотренные выше визы относятся к числу долгосрочных. Среди краткосрочных рабочих британских виз отсутствуют специализированные инструменты, разработанные для работников с высокой квалификацией. Данный факт представляется совершенно логичным, поскольку страна заинтересована в длительном сотрудничестве с зарубежными специалистами, дабы иметь возможность «насладиться» их вкладом в экономику, науку и образование. Однако один любопытный тип визы среди краткосрочных вариантов все же есть – так называемая «виза выпускника» (*Graduate Visa*).

Получить такую визу могут только выпускники британских высших учебных заведений, проживавшие в стране на основании студенческой визы, успешно завершившие обучение и получившие степень не ниже бакалавра. Подать заявку из-за границы нельзя – заявитель обязан находиться на территории Великобритании. Данная виза имеет срок действия 2 года для бакалавров и 3 года для обладателей кандидатской степени. Ее продление не предусмотрено, однако есть возможность после окончания действия «сменить» ее на визу для высококвалифицированных работников, подробно описанную выше (при условии, что после завершения обучения кандидат устроился на работу по полученной специальности и соответствует всем заявленным требованиям).

Таким образом, наблюдается некоторая «преемственность» визовой системы, в рамках которой одну визу можно заменить другой, более долгосрочной, при соблюдении ряда относительно простых требований (например, существует цепочка: *student visa* – *graduate visa* – *skilled worker visa*).

Заключение

В период 2020-2021 гг. в Великобритании была осуществлена масштабная реформа законодательства в области миграции, призванная уравнивать в миграционных правах иностранцев из всех государств и создать эффективную для страны и прозрачную для мигрантов систему, основанную на селективном подходе. На основании проведенного анализа можно заключить, что при решении миграционных проблем в период пост-Брекзита Великобритания позаимствовала и успешно адаптировала идеи как у Европейского Союза, так и у ряда третьих стран (Канада, Австралия, США).

Получившаяся система оказалась действенной и справедливой, при этом простой в использовании и не перегруженной избытком инструментов. Это подтверждается статистическими данными, отражающими постепенную интенсификацию входящих миграционных потоков в Великобритании после завершения реформы (в период 2022 – 2024 гг.). Например, в 2023 г. Великобритания одобрила на 20% больше въездных виз, чем в 2022 г., а 36% от их общего количества пришлось на рабочие и студенческие визы, что почти в два раза превышает аналогичный показатель от 2019 г. В 2023 г. количество рабочих виз, одобренных Великобританией, составило 337.240, что на 26% больше, чем в 2022 г., и почти в 2.5 раза больше, чем в 2019 г. Помимо этого, практически удвоилось число одобренных виз для высококвалифицированных работников (*skilled worker visa*) в сфере здравоохранения и медицинского ухода на дому – оно прибавило 91% в сравнении с предыдущими периодами¹⁵.

Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что опыт Великобритании в сфере реформирования иммиграционной политики может быть принят во внимание другими странами и интеграционными объединениями в ходе совершенствования ими правового регулирования в области трудовой миграции в целом и мобильности высококвалифицированных работников в частности.

¹⁵ Статистические данные представлены на официальном сайте правительства Великобритании. URL: Summary of latest statistics - GOV.UK (www.gov.uk) (дата обращения: 06.03.2024).

Литература:

1. Ананьева Е.В. Путь Британии к «жесткому» Брекзиту // Современная Европа. 2020. № 7.
2. Бабынина Л.О. Великобритания и ЕС: перспективы сотрудничества // Современная Европа. 2018. № 4(83).
3. Бабынина Л.О. Деевропеизация или демонтаж: как будут строиться отношения ЕС и Великобритании // Современная Европа. 2020. № 3.
4. Бабынина Л.О. Соглашение о торговле и сотрудничестве ЕС и Великобритании: между кондициональностью и суверенитетом // Современная Европа. 2021. № 2.
5. Буторина О.В. Сужение Европейского союза и потенциал интеграции // Современная Европа. 2020. № 2.
6. Гавриленко Н.В. «Страх» как фактор дезинтеграции: концептуальное осмысление британо-европейских отношений в контексте Брекзита // Международные отношения. 2023. № 2.
7. Менщикова Ю.В. Брекзит в оценках Джона Мейджора: перспективы для Великобритании // СибСкрипт. 2022. № 1 (89).
8. Напалкова И.Е. Brexit спустя год: жизнь после «развода» // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2022. № 3.
9. Никулина А.А. Зарубежный опыт привлечения высококвалифицированных специалистов (на примере Японии и Великобритании) // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6.
10. Охошин О.В. Миграционная политика Великобритании до и после брекзита // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2020. № 3.
11. Потемкина О.Ю. Миграционный кризис в ЕС: пик пройден? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2021. № 5.
12. Рубинская Э.Д. Высококвалифицированные специалисты как ключевой фактор конкурентоспособности стран: мировой опыт привлечения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 1.
13. Рубинская Э.Д. Потенциал образовательной миграции в решении проблем нехватки высококвалифицированных специалистов: опыт развитых стран // Вестник РГЭУ РИНХ. 2021. № 2(74).
14. Тихонов А.Э. Новая иммиграционная политика Великобритании и ее влияние на рынок труда в современных реалиях // Теория и практика общественного развития. 2021. № 8(162).
15. Харитоновна Е. Политическая ситуация в Британии через призму общественного мнения // Современная Европа. 2020. № 1.
16. Rogers K. Precarious and migrant workers in struggle: Are new forms of trade unionism necessary in post-Brexit Britain // Capital & Class. 2017. № 41(2). P. 336-343.
17. Moore P. EU labour law section: The Great Deregulation and the campaign for free movement of labour post-Brexit // Capital & Class. 2017. № 41(2). P. 358-365.

MIGRATION REFORM IN THE UK TO ATTRACT HIGHLY QUALIFIED WORKERS

Introduction. *The article presents an analysis of migration reform in the UK during the first years after its exit from the European Union (2020- 2021). Changing immigration rules and procedures became a difficult task for the UK, as it required British lawmakers pay simultaneous attention both to the needs of the country's internal labor market and to the close economic and social ties between the country and other EU member states. After Brexit, the new immigration policy was built on the principle "people before passports", which was supposed to abolish unconditional privileges for EU citizens, implement a selective approach to labor migrants and create convenient and transparent conditions of entry to the territory of the UK for citizens of any state interested in education, highly qualified labor activity or business development. The author examines how this principle has been put into practice and assesses*

the effectiveness of the new immigration rules for the UK in 2022-2024. The article analyzes the country's domestic legislation and statistical data.

Materials and Methods. *The methodological basis of the study was formed by the following general scientific and special methods of cognition of legal phenomena and processes in the field of international and European law: the method of system-structural analysis; the method of synthesis of socio-legal phenomena; comparative-legal method; formal-logical method; statistical method.*

Results of the research. *The analysis revealed that after the reform immigration policy of the UK has become more practical, as it has allowed to attract highly qualified specialists, talented students and promising entrepreneurs to the territory of the country regardless of the country of their citizenship. Using a wide range of tools (such as an extensive*

visa system and an electronic platform for selecting candidates for visas), the updated migration policy of the UK aims to regulate migration flows with the maximum benefit for the country and increased opportunities for fulfilling the professional potential of foreign labor migrants.

Discussion and conclusion. The article substantiates the application of new tools for regulating external migration in the UK; analyzes their main advantages and disadvantages.

Ekaterina N. Egorova,
PhD in Law, Associate Professor,

Department of Integration Law and Human Rights, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Natalia D. Neshchadina,
applicant for PhD degree, Department of Integration Law and Human Rights, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Ключевые слова:

миграционная реформа, Брекзит, высококвалифицированные работники, виза талантов, электронная система заявок, долгосрочные визы.

Keywords:

migration reform, Brexit, highly skilled workers, talent visa, electronic application system, long-term visas.

References:

1. Ananyeva E.V., 2020. Put' Britanii k «zhestkomu» Brekzitu [Britain's path to a "hard" Brexit]. *Sovremennaya Evropa [Modern Europe]*. № 7.
2. Babynina L.O., 2018. Velikobritaniya i ES: perspektivy sotrudnichestva [Great Britain and the EU: prospects for cooperation]. *Sovremennaya Evropa [Modern Europe]*. № 4(83).
3. Babynina L.O., 2020. Deyevropeizatsiya ili demontazh: kak budut stroitsya otnosheniya ES i Velikobritanii [De-Europeanization or dismantling: how the relations between the EU and Great Britain will be built]. *Sovremennaya Evropa [Modern Europe]*. № 3.
4. Babynina L.O., 2021. Soglasheniye o torgovle i sotrudnichestve ES i Velikobritanii: mezhdru konditsionalnostyu i suverenitetom [Agreement on Trade and Cooperation between the EU and the UK: between conditionality and sovereignty]. *Sovremennaya Evropa [Modern Europe]*. № 2.
5. Butorina O.V., 2020. Suzheniye Evropeyskogo soyuza i potentsial integratsii [Narrowing of the European Union and the potential of integration]. *Sovremennaya Evropa [Modern Europe]*. № 2.
6. Gavrilenko N.V., 2023. «Strakh» kak faktor dezintegratsii: kontseptualnoye osmysleniye britano-evropeyskikh otnosheniy v kontekste Brekzita ["Fear" as a factor of disintegration: conceptual understanding of British-European relations in the context of Brexit]. *Mezhdunarodnyye otnosheniya [International relations]*. № 2.
7. Menshchikova Yu.V., 2022. Brekzit v otsenkakh Dzhona Meydzhora: perspektivy dlya Velikobritanii [Brexit in the assessments of John Major: prospects for Great Britain]. *SibSkript*. № 1(89).
8. Napalkova I.E., 2022. Brexit spustya god: zhizn posle «razvoda» [Brexit after a year: life after the "divorce"]. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Sotsialno-gumanitarnyye nauki [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social and Humanities]*. № 3.
9. Nikulina A.A., 2022. Zarubezhnyy opyt privlecheniya vysokokvalifitsirovannykh spetsialistov (na primere Yaponii i Velikobritanii) [Foreign experience of attracting highly qualified specialists (by the example of Japan and Great Britain)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. № 6.
10. Okhoshin O.V., 2020. Migratsionnaya politika Velikobritanii do i posle brekzita [Migration policy of Great Britain before and after the Brexit]. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya [Bulletin of the RUDN University. Series: Political Science]*. № 3.
11. Potemkina O.Yu., 2021. Migratsionnyy krizis v ES: pik proyden? [Migration crisis in the EU: has the peak been passed?]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Evropy RAN [Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences]*. № 5.
12. Rubinskaya E.D., 2020. Vysokokvalifitsirovannyye spetsialisty kak klyuchevoy faktor konkurentosposobnosti stran: mirovoy opyt privlecheniya [Highly qualified specialists as a key factor of competitiveness of countries: world experience in attracting]. *Gosudarstvennoye i munitsipalnoye upravleniye. Uchenyye zapiski [State and Municipal Management. Scientific Notes]*. № 1.

13. Rubinskaya E.D., 2021. Potentsial obrazovatel'noy migratsii v reshenii problem nekhvatki vysokokvalifitsirovannykh spetsialistov: opyt razvitykh stran [Potential of educational migration in solving the problems of shortage of highly qualified specialists: the experience of developed countries]. *Vestnik RGEU RINKh. [Bulletin of the Rostov State Economic University]*. № 2(74).
14. Tikhonov A.E., 2021. Novaya immigratsionnaya politika Velikobritanii i ee vliyaniye na rynek truda v sovremennykh realiyakh [New immigration policy of Great Britain and its impact on the labor market in modern realities]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and Practice of Social Development]*. № 8(162).
15. Kharitonova E., 2020. Politicheskaya situatsiya v Britanii cherez prizmu obshchestvennogo mneniya [Political situation in Britain through the prism of public opinion]. *Sovremennaya Evropa [Modern Europe]*. № 1.
16. Rogers K., 2017. Precarious and migrant workers in struggle: Are new forms of trade unionism necessary in post-Brexit Britain. *Capital & Class*. № 41(2). P. 336-343.
17. Moore P., 2017. EU labour law section: The Great Deregulation and the campaign for free movement of labour post-Brexit. *Capital & Class*. № 41(2). P. 358-365.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА NE BIS IN IDEM В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Александра Скуратова*

DOI 10.24833/2073-8420-2024-2-71-29-44

Введение. Для института уголовной ответственности индивида характерен ряд принципов, характеризующих и уточняющих его международно-правовое содержание. В данной статье научное внимание сконцентрировано на принципе запрета повторного осуждения лица за одно и то же преступление (*ne bis in idem*). В контексте исследования представляется целесообразным рассмотреть не только процесс закрепления на международно-правовом уровне указанного принципа, но и особенности его содержания, правовой природы, а также выявить те проблемы, которые возникают в ходе правоприменительной практики. С учетом появления органов международного уголовного правосудия, функционирующих наряду с национальными судебными системами, вопрос о риске повторного привлечения к ответственности лица приобретает особую значимость.

Материалы и методы. В основе проведенного исследования лежат следующие общенаучные и специальные методы познания: системный, сравнительно-правовой, историко-правовой, метод логического и структурного анализа.

Результаты исследования. Проведенный анализ международно-правовой основы регулирования, доктринальных исследований и правоприменительной практики позволил выявить различия в содержании принципа *ne bis in idem* в учредительных актах органов международного уголовного правосудия *ad hoc* и в Римском статуте Международного уголовного суда. Обозначены проблемы применения принципа *ne bis in idem* в практике МУС в деле Ж. Катанга, конкретно, в контексте толкования Судом ст. 108 Римского статута, что позволяет сделать о фактическом нарушении указанного принципа.

Обсуждение и заключение. Анализ юридической основы принципа *ne bis in idem* дает основание для констатации, что безусловный характер он имеет только в рамках юрисдикции одного государства, но не распространяется автоматически на решения, вынесенные иностранными судебными органами. Что касается международного уголовного правосудия – здесь принцип *ne bis in idem* в большей степени имеет роль регулятора, определяющего выбор в пользу юрисдикции той или иной юрисдикции, нежели гаранта защиты прав обвиняемого.

* Скуратова Александра Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права МГИМО МИД России
e-mail: a.skuratova@inno.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0001-8513-8719

Введение

Институт уголовной ответственности индивида сущностно связан с категорией «справедливость», которая, будучи одновременно одной из целей этого принципа (в контексте справедливого наказания лица за совершенное преступление), является в то же время и специфической юридической гарантией, воплощенной в правовых ограничениях, не позволяющим судебным органам произвольно осуществлять репрессивную или карательную функцию в отношении индивида. Запрет на повторное осуждение лица за одно и то же преступление «является конкретизацией общеправового принципа справедливости и направлен на обеспечение правовой безопасности и правовой стабильности» [8. С. 67].

Исследование

Наряду с принципом законности, запрета придания закону обратной силы цели справедливого судебного разбирательства служит и нормативное закрепление принципа *ne bis in idem* («нельзя судить дважды за одно и то же деяние» или буквально «не дважды за одно и то же»), восходящее своими истоками еще к римскому праву. Встречающиеся в документах и доктринальных исследованиях формулировки «*ne bis in idem*» и «*non bis in idem*» являются синонимичными, равнозначными. Как отмечала Комиссия международного права ООН, «лицо, которое было надлежащим образом судимо и осуждено за то или иное преступление, должно быть лишь единожды подвергнуто наказанию, соразмерному тяжести преступления. Повторное назначение такого наказания в отношении этого лица за то же преступление будет означать превышение требований правосудия. Если же лицо, судимое надлежащим образом, было оправдано, оно не должно необоснованно снова нести все тяготы уголовного преследования»¹. Классическая правовая доктрина понимает принцип права как основополагающее начало и *ne bis in idem* рассматривает двойю: в материально-правовом аспекте как запрет привлечения лица к ответственности за одно и то же правонарушение; в процессуально-правовом аспекте как недопусти-

мость принятия повторного решения по ранее рассмотренному делу [6. С. 78].

Исходя из того, что принцип *ne bis in idem* получил закрепление как на международно-правовом, так и на национальном уровне в подавляющем большинстве государств, можно констатировать, что он присущ большинству правовых систем; это позволяет рассматривать его в качестве общего принципа права [14. Р. 319; 29. Р. 780], обладающего качествами императивной нормы международного права, «принятой в каждом государстве в интересах обеспечения права индивида на судебную и иную защиту и вместе с тем признанной международным сообществом государств в интересах поддержания единого правопорядка» [1. С. 86-87].

Как и в случае с иными принципами уголовной ответственности, принцип запрета на повторное привлечение к ответственности за одно деяние нашел отражение сперва на национально-правовом уровне и затем был закреплен в международном праве [13. Р. 11-107]. Отсюда логично следует вывод, что данный принцип имеет два аспекта – внутригосударственный и международный. В первом случае речь идет о защите лица от повторного осуждения в рамках одного и того же государства, во втором – о повторном осуждении, которое может осуществлять другое государство, либо орган международного уголовного правосудия. Отсюда и различия в терминологии. Формулировка принципа *ne bis in idem* характерна для стран романо-германской правовой системы, поскольку берет свои истоки еще из римского права («*Nemo debet bis vexari pro una et eadem causa*»). В англо-саксонской доктрине это положение получило наименование клаузулы о «двойной угрозе», или «двойной опасности» («*double jeopardy*») – риск привлечения к ответственности дважды за одно и то же деяние [17. Р. 624-641]. Оба принципа имеют схожее содержание, но при этом не являются тождественными друг другу. Принцип «*double jeopardy*» толкуется как запрещающий повторное рассмотрение дела в рамках одной судебной системы, хоть и на различных стадиях уголовного процесса; принцип *ne bis in idem* предполагает более широкий охват – запрет на рассмотрение дела в рамках той же или другой юрисдикции, т.е. именно принцип *ne bis in idem* предполагает запрет такой ситуации, когда

¹ Ежегодник Комиссии международного права, 1996. Том II, ч. 2. Нью-Йорк, Женева, 2004. С. 46.

одно лицо может быть привлечено за одно и то же деяние и в рамках национальной судебной системы, и международным судебным органом, поэтому в международном праве нашла закрепление именно латинская формулировка «ne bis in idem» [2. С. 296]. На это отличие обращалось внимание в ходе правоприменительной практики органов международного уголовного правосудия [25. Р. 94].

Что касается внутрисударственного аспекта, то принцип запрета повторного привлечения к ответственности отражен, как правило, в национальном законодательстве – в конституции или уголовном законодательстве. В России принцип ne bis in idem закреплен в ч. 1 ст. 50 Конституции («Никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление») и в ч. 2 ст. 6 Уголовного Кодекса РФ («Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление») в качестве одного из существенных начал принципа справедливости. Согласно V поправке к Конституции США ни одно лицо не должно за одно и то же преступление дважды подвергаться угрозе (отсюда – «double jeopardy») – двойная угроза) лишения жизни или телесного наказания. В решении по делу North Carolina v. Pearce Верховный суд США разъяснил, что клаузула предоставляет гражданину три формы конституционной защиты: от повторного уголовного преследования за одно и то же преступление после вынесения оправдательного приговора; от повторного уголовного преследования за одно и то же преступление после вынесения обвинительного приговора; от многократных наказаний за одно и то же преступление [7. С. 20].

Среди международно-правовых актов, в которых нашел свое закрепление принцип ne bis in idem, отметим документы как универсального, так и регионального характера. К первым можно отнести Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (п. 7 ст. 14), Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов 1977 г. (пп. h п. 4 ст. 75), проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г. (ст. 12), Римский статут Международного

уголовного суда (ст. 20), Устав МТБЮ (ст. 10), Устав МТР (ст. 9), Устав Специального суда по Сьерра-Леоне (ст. 9), Устав Специального трибунала по Ливану (ст. 5).

Во вторую группу входит Протокол № 7 к Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека 1950 г. (ст. 4), Американская конвенция о защите прав человека 1969 г. (пакт Сан-Хосе) (п. 4 ст. 8), Конвенция СНГ об основных правах и свободах человека 1995 г. (п. 2 ст. 7), Хартия ЕС об основных правах 2000 г. (ст. 50), Декларация о правах человека АСЕАН 2012 г. (п. 2 ст. 20), Конвенция о применении Шенгенского соглашения 1985 г. о постепенной отмене проверок на общих границах (глава 3, ст. 54-58).

Так, п. 7 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. предусматривает: «Никто не может быть повторно судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-процессуальным законодательством каждого государства». Иные документы в области прав человека в той или иной степени ориентированы на эту формулировку при некоторых терминологических нюансах. Акцент в данном случае сделан на исключении возможности привлечения лица к уголовной ответственности в рамках одного государства; вопрос о том, допустимо ли повторное привлечение к ответственности лица, если оно было осуждено (или оправдано по итогам процесса) за то же деяние в другом государстве, напрямую не затрагивается, а значит, не запрещается³, что позволяет констатировать, что принцип ne bis in idem, несмотря на его практически всеобщее признание, безусловно применим только в рамках одной юрисдикции [11. Р. 41]. Это вполне объяснимо, поскольку универсальный подход к этому вопросу не сложился и государства решают его в отдельном порядке, как правило – посредством заключения договоров о правовой помощи и выдаче, содержащих в качестве основания для отказа в выдаче или в оказании правовой помощи наличие вступившего в силу приговора или постановления о прекращении производства по делу в отношении лица, выдача которого запрашивается. Так, например, ст. 9 Европейской конвенции

² Эта позиция была сформулирована Комитетом по правам человека в 1986 г. в деле A.P. v. Italy, указавшем, что правило ne bis in idem гарантируется только в рамках одной судебной системы и неприменимо по отношению к юрисдикции двух или более государств (Communication No.204/1986, CCPR/C/31/D/204/1986, para. 73.).

о выдаче 1957 г. («non bis in idem») предусматривает, что выдача не осуществляется, если компетентные органы запрашиваемой стороны вынесли окончательное решение в отношении лица, требуемого в связи с преступлением (преступлениями), по поводу которых запрашивается выдача. Схожие положения отражены в п. «в» ст. 57 Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г., Европейской конвенции о передаче судопроизводства по уголовным делам, часть V которой посвящена принципу *ne bis in idem*, а также находят закрепление в двусторонних договорах между государствами.

Таким образом, договоры о правах человека исключают возможность привлечения индивида к уголовной ответственности в рамках юрисдикции одного государства, а договоры о правовой помощи и выдаче содержат условия для реализации этого принципа в отношении юрисдикций двух и более государств [7. С. 19]. В целом законодательная практика государств в вопросе признания иностранных судебных решений характеризуется неоднородностью и имеет широкий диапазон – «от полного непризнания судебных решений до практически полного их признания» [10. Р. 67]. Так, например, США и Нидерланды признают правило *res judicata*, в Бельгии, наоборот, разрешено начинать уголовное преследование за преступление, по которому иностранный суд вынес обвинительный или оправдательный приговор. Тот же подход действует в Германии, Австрии, во Франции. Этот подход, впрочем, имеет некоторые нюансы, прежде всего исходя из различных аспектов: характера преступления (правонарушения), на территории какого государства оно было совершено, что понимать под «окончательным решением», был ли приговор приведен в исполнение [29. Р. 783–784]. На доктринальном уровне озвучивалась инициатива в пользу расширения сферы действия принципа признания его транснационального характера, сообразно которому государства распространяют этот принцип не только на свою юрисдикцию, но и на юрисдикцию других государств, однако это предложение не нашло существенной поддержки [19. Р. 477–499].

Что касается документов в области международного уголовного права, то принцип *ne bis in idem* в их положениях регламентируется в большей степени с точки зрения возможного соотношения судебного преследования лица в рамках национальных органов с преследованием на международно-правовом уровне и в целом в аспекте допустимости такого «дублирования» [28. Р. 195–216]. Так, например, ст. 12 проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г., предусматривает:

1. Никто не должен быть судим за преступление против мира и безопасности человечества, за совершение которого данное лицо уже было окончательно осуждено или оправдано международным уголовным судом.

2. Лицо не может быть вновь привлечено, судимо за преступление, за которое оно уже было окончательно осуждено или оправдано³ национальным судом, за исключением следующих случаев:

a) в случае международного уголовного суда, если:

i) деяние, которое являлось основанием для приговора, вынесенного национальным судом, было квалифицировано этим судом как обычное преступление, а не как преступление против мира и безопасности человечества; или

ii) судебное разбирательство в национальном суде не являлось беспристрастным или независимым, или преследовало цель укрыть обвиняемого от международной уголовной ответственности или если дело не велось с должной тщательностью;

b) в случае национального суда другого государства, если:

i) деяние, которое являлось основанием для ранее вынесенного приговора, имело место на территории данного государства; или

ii) данное государство явилось основной жертвой преступления.

3. В случае повторного осуждения в соответствии с настоящим Кодексом суд при вынесении приговора засчитывает ту часть срока наказания, которое уже отбыло это лицо по приговору национального суда за то же деяние.

³ Термины «окончательно осуждено или оправдано» используются в п. 1 и 2 ст. 12 для указания на то, что принцип *non bis in idem* будет применяться только к окончательному решению по существу обвинений, не подлежащему дальнейшему обжалованию или пересмотру. При этом термин «оправдано» относится к факту оправдания на основании вынесения по существу дела приговора, но не в результате прекращения дела в отношении нарушителя.

Указанная формулировка, по мнению Комиссии, воплощает искомое равновесие между необходимостью сохранения в максимально возможной степени целостности принципа non bis in idem и требованиями, касающимися надлежащего отправления правосудия⁴. Этот баланс имеет существенное значение, поскольку предусмотренная проектом Кодекса потенциально совпадающая юрисдикция международных и национальных судебных органов открывает возможность того, что лицо не один раз может быть привлечено к уголовной ответственности и понести наказание.

Именно это предопределяет смещение фокуса рассмотрения значения принципа ne bis in idem в первую очередь в качестве регулятора, определяющего выбор в пользу юрисдикции того или иного судебного органа - при одновременном наличии юрисдикции у национальных судебных органов и органа международного уголовного правосудия, и только во вторую очередь в качестве гаранта защиты прав обвиняемого. Это не умаляет защитной роли этого принципа, но главным образом принцип ne bis in idem выступает в данном случае «в качестве механизма рационального распределения юрисдикции» [12. P. 864].

Статья 12 проекта Кодекса предусматривает различные юридические варианты реализации принципа non bis in idem.

Первый вариант - лицо уже было судимо за преступление, охватываемое Кодексом, международным уголовным судом⁵ и при этом было осуждено или оправдано. В таком случае принцип non bis in idem применяется в полной мере, без каких-либо исключений: указанное лицо не может быть повторно судимо за то же преступление любым другим судом, будь то национальным или международным.

Второй вариант - лицо уже претерпело судебное разбирательство в национальном суде. В отличие от предыдущего данный вариант предполагает множественность вариаций дальнейшего развития ситуации. Согласно общему правилу, государство или

орган международной уголовной юстиции может учесть наказание, наложенное другим государством; в таком случае будет в полной мере реализован принцип ne bis in idem. Эту ситуацию можно условно обозначить «идеальной», не отягощенной какими-либо проблемами. Однако из этого общего правила предусмотрены исключения, которые предполагают возможность существования некоего «негативного элемента». Такие исключения могут явиться основанием для повторного рассмотрения вопроса о виновности лица за то же деяние как судебными органами другого государства, так и на международном уровне.

Если лицо претерпело судебное разбирательство в национальном суде, то вопрос о том, может ли оно повторно предстать перед органом международного уголовного правосудия, напрямую увязан с наличием условий: национальным судом была дана «упрощенная» квалификация деяния (например, деяние было квалифицировано в качестве общеуголовного преступления - убийства, но не в качестве преступления против человечности) или - иной вариант - в государстве был проведен фиктивный процесс с целью оградить лицо от ответственности с последующей ссылкой на принцип ne bis in idem. Фиктивный процесс может быть нацелен на вынесение оправдательного приговора или назначение слишком мягкого (несоразмерного деянию) наказания, которое бы позволило лицу избежать осуждения или более строгого наказания в другом государстве.

Основания, дающие другому государству не принимать в расчет судебное решение другого государства и самостоятельно (при этом - повторно) решать вопрос о виновности лица и определении ему меры наказания, указанные в пп. b п. 2 ст. 12 проекта Кодекса, требуют, чтобы государство было непосредственно затронуто совершенным преступлением⁶. Указанные государства (и то, на чьей территории произошло преступление, и «затронутое» им государство) имеют право возбудить повторное судебное

⁴ Ежегодник Комиссии международного права, 1996. Том II, ч. 2. Нью-Йорк, Женева, 2004. С. 46.

⁵ В силу того, что проект Кодекса был принят раньше, чем учрежден Международный уголовный суд, указания именно на этот орган нет. Вместе с тем Комиссия - как орган, работавший над проектом текста учредительного договора МУС, - очевидно имела в виду именно его.

⁶ Под государством, явившимся «основной жертвой преступления» понимается государство, чьи граждане стали основными жертвами преступления или интересы которого были непосредственно и существенным образом затронуты; ему наносится более значительный и прямой ущерб в результате совершенного преступления по сравнению с другими государствами.

преследование в случае, если они полагают, что принятое ранее решение не соответствует надлежащей оценке совершенных деяний или их тяжести, но ни одно из них не обязано делать этого, если они удовлетворены тем, каким образом правосудие было совершено⁷.

По мнению А.Г. Кибальника, исключение, предусмотренное проектом Кодекса, «не имеет под собой формально-юридических оснований, так как негативная юридическая оценка деянию уже содержится в обвинительном приговоре другого суда. «Повторное признание виновным другим судом всего лишь требует учета меры наказания, вынесенной первым судом, и такие нормативные установления прямо противоречат действующим международным нормам. Так, например, в соответствии с Европейской конвенцией о передаче судопроизводства по уголовным делам (1972 г.), лицо, в отношении которого вынесен окончательный приговор, не может за то же самое деяние ни преследоваться, ни быть приговоренным, ни подвергнуться наказанию в другом государстве» [3. С. 64].

При этом Комиссией международного права ООН было отмечено, что международное право не обязывает государства признавать решение по уголовному делу, принятое в иностранном государстве. Комиссия, очевидно, в данном контексте имела в виду отсутствие такой международно-правовой нормы о признании иностранных судебных решений на универсальном уровне. Созвучное мнение высказывается и в доктрине: «большинство государств не позволяют своей судебной власти несколько раз действовать *in idem*, но они никоим образом не устанавливают признание иностранных судебных решений *in idem*. Как представляется, не существует общего правила: государства могут принять решение о признании иностранных решений на основе определенных условий и, следовательно, могут заключать двусторонние соглашения в этом отношении, но общей системы защиты, по-видимому, как таковой не существует» [12. P. 865].

Принцип *ne bis in idem* закреплен и в учредительных актах органов международного уголовного правосудия. Создание таких институтов остро поставило вопрос о соответствии этому принципу с учетом того, что и трибуналы *ad hoc* и созданный

позднее постоянно действующий Международный уголовный суд функционируют наряду с национальными судебными системами. Положения ст. 9 Устава Международного трибунала по Руанде (МТР), ст. 10 Устава по бывшей Югославии (МТБЮ), ст. 9 Устава Специального суда по Сьерра-Леоне (СССЛ), ст. 5 Устава Специального трибунала по Ливану (СТЛ) в целом содержат тождественные формулировки принципа *ne bis in idem*, согласно которому никакое лицо не может быть судимо никаким национальным судом за серьезные нарушения международного гуманитарного права, за которое оно уже предстало перед соответствующим трибуналом *ad hoc*. Однако этот принцип защищает индивида лишь в ограниченной степени: гарантия не быть судимым дважды за одно и то же деяние не является абсолютной, если только первое решение не было вынесено соответствующим международным трибуналом. Если же лицо было осуждено национальным судом, то оно может быть впоследствии судимо в трибуналах только в случаях, если:

а) деяние, за которое оно было осуждено, было квалифицировано как обычное преступление; или

б) судебное разбирательство в национальном суде не было беспристрастным и независимым, предназначалось для того, чтобы оградить обвиняемого от международной уголовной ответственности, или же дело не было расследовано должным образом или проводилось необстоятельно.

Таким образом, можно констатировать, что уставы трибуналов *ad hoc* закрепляют некоторые возможные ограничения принципа *ne bis in idem* в интересах международного правосудия [2. С. 297].

Принцип *ne bis in idem* закреплен и в Римском статуте, но примечательно, что он стоит особняком – отдельно от других принципов – в части 2 Римского статута («Юрисдикция, приемлемость, применимое право»), тогда как иные принципы сгруппированы в части 3 («Общие принципы уголовного права»). Это «необычное расположение» [9. P. 3] принципа *ne bis in idem* подтверждает ранее обозначенный выше тезис, что указанный принцип в большей степени рассматривается не в качестве «защитного» положения для индивида, но в качестве ответа на вопрос: в пользу какой юрисдикции (международного органа или национального судебного

⁷ Ежегодник Комиссии международного права, 1996. Том II, ч. 2. Нью-Йорк, Женева, 2004. С. 47–48.

органа) будет сделан выбор в каждом конкретном случае. В доктрине встречается образное сравнение данного принципа со стрелками железнодорожных путей – именно от них зависит направление дальнейшего движения поезда (в данном случае – направление в сторону национального судопроизводства или же международного) [12. Р. 863]. В этом случае на первый план выходит уже не принцип справедливости применительно к индивиду, но принцип неотвратимости наказания, а также цели, обозначенные в Статуте – не оставить безнаказанными самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность всего международного сообщества, обеспечить их действенное преследование и тем самым способствовать предупреждению подобных преступлений.

Правило *ne bis in idem* содержится в ст. 20 Римского статута в следующей формулировке:

- никакое лицо не может быть судимо Судом за деяние, в отношении которого данное лицо было признано виновным или оправдано Судом.

- никакое лицо не может быть судимо никаким другим судом за преступление, в связи с которым это лицо уже было признано виновным или оправдано Судом.

- никакое лицо, которое было судимо другим судом, не может быть судимо Судом за то же деяние, за исключением случаев, когда разбирательство в другом суде:

- а) предназначалось для того, чтобы оградить соответствующее лицо от уголовной ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда; или

- б) по иным признакам не было проведено независимо или беспристрастно в соответствии с нормами надлежащей законной процедуры, признанными международным правом, и проводилось таким образом, что, в существующих обстоятельствах, не отвечало цели предать соответствующее лицо правосудию.

Таким образом, можно констатировать, что формулировка принципа *ne bis in idem* в Римском статуте не является тождественной изложенным в учредительных актах международных трибуналов *ad hoc*, имеет ряд особенностей [16. Р. 351–383], что позволяет некоторым авторам обозначать природу этого принципа в Статуте как *sui generis* [11. Р. 42]. На основе сопоставления формулировок принципа *ne bis in idem* в Римском статуте МУС и учредительных актах трибуналов *ad hoc* можно выявить следующие различия:

- согласно положениям учредительных актов трибунала лицо не может быть судимо национальным судом за те же деяния, если оно уже за них было судимо трибуналами. Римский статут термин «судимо» трактует шире и указывает, что лицо могло Судом быть признано виновным или оправдано;

- уставы трибуналов предусматривают возможность повторного привлечения к ответственности *in idem* в рамках трибуналов в случае, если деяние было квалифицировано как обычное преступление. Римский статут подобного основания для повторного осуждения не содержит;

- принцип *ne bis in idem* в Римском статуте распространяется только на четыре категории преступлений, указанных в ст. 5, но неприменим к преступлениям против отправлений правосудия, которые также входят в юрисдикцию Суда, но не указаны в ст. 5.

Как вытекает из смысла ст. 20 Статута безусловно признается *res judicata* только применительно к решениям МУС, этот же принцип не распространяется на решения, вынесенные национальными судебными органами [10. Р. 69]. В силу того, что принцип *ne bis in idem* сущностно связан с категорией «справедливость», положениями Статута предусмотрены прямые исключения из этого принципа по причине «несправедливого» применения уголовного права или отсутствия некоторых необходимых компонентов судебного процесса (независимости, беспристрастности, подлинного намерения привлечь обвиняемого к ответственности). При этом наличие или отсутствие оснований для применения этих исключительных положений находятся полностью на усмотрении Суда. Подобное положение юридически допустимо, так как основанием повторного предания суду (но уже международному) является факт неосуждения лица национальным судом за предположительно совершенное им преступление. Действительно, рассматриваемый принцип подразумевает в итоге не невозможность повторного предания суду за совершенное преступление, а невозможность факта повторного осуждения лица за одно и то же преступление [3. С. 63–64].

Таким образом, учредительными актами органов международной уголовной юстиции был выработан своеобразный правовой компромисс: судебное преследование осуществляется ими на основе принципа *ne bis in idem*, но наряду с этим предусмотрены

условия, чтобы такой принцип сам по себе не стал способом обойти ответственность за счет проведения фиктивного уголовного процесса в том или ином государстве с целью избежания ответственности и наказания, при этом презюмируется, что процесс, проведенный в рамках МУС, не будет иметь никаких изъятий, потенциально возможных в национальных судах, что и предопределяет значение решения МУС как *res judicata*.

Важным аспектом в контексте рассмотрения принципа запрета на повторное привлечение к ответственности является вопрос о соотношении юрисдикции национальных судебных органов и органов международной уголовной юстиции. Уставы международных трибуналов устанавливают соотношение их юрисдикции с юрисдикцией национальных судебных органов. С одной стороны, международные трибуналы и национальные суды имеют параллельную юрисдикцию в отношении судебного преследования лиц, совершивших преступления, зафиксированных в Уставе. С другой стороны, юрисдикция международных трибуналов имеет приоритет (или верховенство) по отношению к юрисдикции национальных судов. Это выражается в том, что на любом этапе судебного разбирательства соответствующий международный трибунал может официально просить национальные суды передать ему производство по делу (ст. 9 Устава МТБЮ, ст. 8 Устава МТР, ст. 4 Устава СТЛ, ст. 8 Устава СССЛ). Так, например, правом на приоритетное рассмотрение дела МТБЮ воспользовался в 1994 г. в отношении дела Д.Тадича - уголовное дело в отношении обвиняемого находилось на рассмотрении в германском суде (была завершена стадия предварительного расследования), но после получения официального запроса данное дело было передано Германией для рассмотрения международным трибуналом. В связи с такой передачей дела в трибунал подсудимый утверждал, что тем самым нарушается его право не привлекаться к ответственности за одно и то же дважды⁸, однако трибунал указал, что этот принцип не нарушен в силу того, что в Германии не было вынесено решение по этому делу [19. Р. 152-153]. Аналогичным образом МТР истребовал уголовные дела у властей Бельгии, Швейцарии, Замбии [22. Р. 82-83]. В целом, можно отметить, что применительно

к соблюдению принципа *ne bis in idem* в отличие от принципа *nullum crimen sine lege* и *ex post facto* в контексте деятельности МТБЮ и МТР критических замечаний было существенно меньше [25. Р. 93]. Так, по мнению Михайлова Н.Г., «толкование Судьями трибунала по бывшей Югославии принципа *pop bis in idem* не расходится с общепринятым и способствует лучшему уяснению его содержания и вытекающих из него требований» [5. С. 18].

Вопрос соотношения юрисдикции в Римском статуте решен иначе: здесь зафиксирован принцип дополнительного характера международного уголовного правосудия. В ст. 1 Статута указано, что Суд «дополняет национальные органы уголовной юстиции». Ряд авторов предпочитают говорить о «взаимодополняемости» Суда и органов национальной уголовной юстиции; в процессе их взаимодействия данному принципу отводится роль ключевого [15. Р. 162]. Принцип комплементарности предполагает, что МУС дополняет национальные системы уголовного правосудия лишь в тех случаях, когда соответствующие судебные органы или не могут функционировать надлежащим образом, или их деятельность оказывается неэффективной. В частности, статья 17 Римского статута перечисляет ситуации, когда дело не может быть принято Судом к производству:

- если данное дело расследуется или в отношении его возбуждено уголовное преследование государством, которое обладает в отношении его юрисдикцией, за исключением случаев, когда это государство не желает или не способно вести расследование или возбудить уголовное преследование должным образом;

- если государство, обладающее юрисдикцией в отношении данного дела, провело расследование и решило не возбуждать уголовного преследования, кроме случаев, когда это решение стало результатом нежелания или неспособности государства возбудить уголовное преследование должным образом;

- если лицо уже было судимо за преступления, входящие в юрисдикцию Суда, кроме случаев, когда судебное разбирательство было проведено для того, чтобы оградить соответствующее лицо от ответственности за данные преступления, или не являлось независимым и беспристрастным.

⁸ Prosecutor v. Tadić, Decision on the Defence Motion on the Principle of Non Bis in Idem, Case No. IT-94-1-T, T. Ch. II, 14 November 1995, § 1.

В тексте Римского статута уточняются используемые в тексте ст. 17 термины «нежелание» и «неспособность». Установлению Судом в каждом конкретном случае нежелания государства вести расследование или возбуждать уголовное преследование способствует наличие следующих факторов:

- судебное разбирательство было проведено либо решение было вынесено национальным судом с целью оградить соответствующее лицо от уголовной ответственности за преступления, входящие в предметную юрисдикцию Суда;
- имела место необоснованная задержка с проведением судебного разбирательства, которая свидетельствует об отсутствии у государства намерения предать соответствующее лицо правосудию;
- судебное разбирательство не проводилось или не проводится независимо и беспристрастно и порядок, в котором оно проводилось или проводится, является несовместимым с намерением государства предать соответствующее лицо правосудию.

В правовой литературе обращалось внимание на то, что термины «неспособность» и «нежелание» носят условный характер и предполагают вынесение в каждом конкретном случае решения на основе субъективных оценок, что предопределяет вывод о том, что «расплывчатые формулировки» п. 3 ст. 20 Римского статута делают ее «слабой» [9. Р. 3]. В целом, мнение международных трибуналов и Международного уголовного суда, действительно, подразумевает вынесение оценочного суждения в отношении независимости и беспристрастности национального судебного разбирательства. В случае с международными органами *ad hoc* воспринятый формат их приоритетной юрисдикции («*primacy clause*») был обусловлен индивидуальными обстоятельствами конкретной ситуации – будь то крах судебного аппарата в Руанде, организационные сложности в судах в бывшей Югославии или признаваемое самими властями Камбоджи и Сьерра-Леоне отсутствие возможности провести полноценный судебный процесс

в данных государствах. Иными словами, трибуналами *ad hoc* предполагалось компенсировать неэффективную на тот момент – в силу ряда причин – национальную судебную систему. В случае с МУС приоритет отдается государствам с учетом их суверенитета в области осуществления уголовного правосудия, поскольку недостатки их судебной системы не презюмируются; однако если Суд выявит и констатирует такие изъяны, МУС может осуществить свою юрисдикцию, признав дело приемлемым [12. Р. 870].

Таким образом, положения ст. 17 Римского статута предоставляют возможность привлекать виновных лиц к уголовной ответственности в первую очередь в рамках национальных правовых систем, и только в случае их бездействия или неэффективности может быть задействован механизм Международного уголовного суда [23. Р. 428-432]. Эта оригинальная институциональная система представляет собой баланс между стремлением предотвратить потенциальную возможность безнаказанности, ухода от ответственности и желанием государств сохранить суверенитет, независимость, нежеланием «позволить международному органу посягать на их священную судебную власть» [27. Р. 170].

Иной аспект приобретает принцип *ne bis in idem* в случае кумулятивных обвинений, т.е. ситуации, когда одно и то же преступление, вменяемое лицу, подпадает под два и более пункта обвинения. Можно выделить четыре разновидности данного института: 1) вменение лицу в вину двух и более преступных деяний на базе одних материальных фактов (наиболее распространенная форма); 2) «излишнее обвинение», при котором один или более пунктов обвинения соотносятся с другим как общее и частное⁹ [4. С. 26, 28]; 3) включение в обвинительное заключение идентичных составов, относящихся тем не менее к различным категориям преступных деяний (например, убийство как преступление против человечности и убийство как военное преступление)¹⁰; 4) вменение лицу одного и того же

⁹ Такой формат обвинений встречается, в частности, в деле Купрешкича: «С того момента, как все элементы преступления меньшей тяжести имеют место при совершении преступления большей тяжести, осуждение за более тяжкое преступление целиком и полностью включает в себя ответственность за менее тяжкое» (*Le Procureur c. Kupreskić et consorts* (IT-95-16) «*Vallée de la Lašva*». *Mémoire de l'Appelant*. IT-95-16-A. § 494).

¹⁰ Так, например, в деле Д.Тадича изнасилование обвиняемым женщины-заключенной в лагере Омарска было квалифицировано по 3 составам как: 1) серьезное нарушение Женевских конвенций согласно ст. 2 (с) Устава МТБЮ (умышленное причинение тяжелых страданий или серьезного увечья или нанесение ущерба здоровью); 2) нарушение законов и обычаев войны (жестокое обращение) согласно ст. 3 Устава МТБЮ; 3) преступление против человечности согласно ст. 5 (g) Устава МТБЮ.

противоправного деяния одновременно по национальному законодательству и международному праву [24. Р. 73-146]. Представляется, что кумулятивное обвинение, особенно его четвертая разновидность, может вступать в противоречие с принципом *ne bis in idem*. Этот подход был воспринят в решении Чрезвычайных палат в судах Камбоджи в деле против Кан Гиеав, бывшего председателя центра безопасности красных кхмеров в Пномпене. По мнению судей Чрезвычайных палат, «преступления умышленного убийства и пыток, предусмотренные национальным уголовным кодексом, не поглощаются аналогичными международными преступлениями»¹¹; отсюда следует, что обвинение лицу может быть предъявлено на базе одних и тех же деяний по двум правовым системам. В практическом плане принцип *ne bis in idem* будет задействован в таком случае при определении меры наказания, поскольку как правило, проблема кумулятивного обвинения встает именно на этом этапе. Лицо может быть признано виновным по неограниченному количеству пунктов обвинения с идентичной фактической основой без нарушения принципа *ne bis in idem* при условии, что наказание не будет назначено за каждый состав в отдельности [4. С. 25-26]. Как отмечается в доктрине, применительно к принципу *ne bis in idem* «в сфере правосудия трудности еще больше усугубляются тем фактом, что военные преступления, преступления против человечности и геноцид по своей природе представляют собой совокупность нескольких преступлений. Если только обвиняемый на первом судебном процессе не будет признан виновным или оправдан во всем, что он сделал или не сделал, почти всегда существует вероятность того, что тщательный или чрезмерно усердный прокурор выдвинет дополнительные обвинения в национальной судебной системе. Этот риск особенно велик, когда национальные власти недовольны результатом международного судебного разбирательства, результатом которого является оправдание или мягкий приговор» [21. Р. 369-390].

Однако, как свидетельствует практика Суда, даже в случае вынесения обвинительного приговора МУС возможно и иное развитие ситуации. Это наглядно проявилось в случае с Ж. Катанга (Germain Katanga), дело которого было рассмотрено Международным уголовным судом¹². Характерно, что еще на этапе решения вопроса о приемлемости данного дела в доктрине уже были высказаны критические замечания применительно к позиции МУС [18. Р. 331-342].

Ж. Катанга был признан виновным в совершении преступлений против человечности и военных преступлений в населенном пункте Богоро региона Итури (Демократическая Республика Конго) и приговорен к 12 годам лишения свободы¹³. Факт признания МУС лица виновным по смыслу ст. 20 Римского статута предполагает запрет на последующее уголовное преследование за те же деяния, однако на практике обстоятельства сложились именно так. После отбытия части срока наказания Ж. Катанга был отправлен в ДРК для отбытия оставшегося срока¹⁴, где в отношении него национальными властями было возбуждено уголовное дело по тем же деяниям, которые легли в основу приговора МУС (преступления против человечности, военные преступления). Такой сценарий допускается ст. 108 Римского статута в сочетании со ст. 214 Правил процедуры и доказывания МУС; так п. 1 ст. 108 предусматривает:

«Лицо, которому вынесен приговор и которое находится под стражей в государстве исполнения приговора, не подлежит уголовному преследованию или наказанию либо выдаче третьему государству за любые деяния, совершенные этим лицом до его передачи государству исполнения приговора, если только такое уголовное преследование, наказание или выдача не были утверждены Судом по просьбе государства исполнения приговора».

Таким образом, МУС должен «утвердить», то есть разрешить (одобрить) начало последующего уголовного преследования лица, осужденного ранее Судом. Такое «разрешение» или «одобрение» («Authorization

¹¹ The Prosecutor v. Kaing Guek Eav «Duch». Decision on appeal against closing order indicating Kaing Guek Eav alias «Duch». 001/18-07-2007-ECCC (PTC 02). 2008, 5 dec. § 85.

¹² Prosecutor v. Katanga. Case No. ICC-01/04-01/07.

¹³ В рамках апелляционного рассмотрения срок заключения был сокращен на 3 года 8 месяцев.

¹⁴ Это, в частности, предусматривалось Соглашением между ДРК и МУС об отбытии Ж.Катангой оставшегося срока наказания в ДРК от 24 ноября 2015 г.

Decision») на уголовное преследование Высшим военным судом ДРК («Haute Cour Militaire») Международный уголовный суд дал властям ДРК в апреле 2016 г.¹⁵ Оно было основано на предоставленных ДРК Суду документах, содержащих описание предполагаемого судебного преследования, включая изложение фактических и юридических аспектов, а также на принципе дополнительности, в соответствии с которым центральное место в уголовном преследовании отводится государствам, а МУС должен только дополнять органы национального уголовного правосудия. Таким образом, после окончания срока наказания согласно приговору МУС (январь 2016 г.) Ж. Катанга не был освобожден из-под стражи в силу нового уголовного преследования, инициированного властями ДРК. Подсудимый подал заявление о пересмотре указанного «разрешения», однако Апелляционная палата МУС признала запрос неприемлемым к рассмотрению без разъяснений причин¹⁶. Применительно к вопросу о том, в каком случае «разрешение» по смыслу ст. 108 может быть дано, а каком – нет, Президиум Суда признал, что указанная статья не содержит четких критериев, которыми можно было бы руководствоваться в процессе принятия решения, однако отметил, что в выдаче такого «разрешения» может быть отказано только в том случае, если это повлияет на целостность Суда или может подорвать основополагающие принципы его деятельности¹⁷.

В документах, представленных в МУС, ДРК указывала, что данным уголовным преследованием принцип *ne bis in idem* нарушен не будет, поскольку в основу преследования лягут не те преступления, по которым он был признан виновным МУС. Здесь важно отметить терминологический нюанс: в п. 2 ст. 20 Статута («*ne bis in idem*») запрещается повторное (после МУС) преследование за *преступление* («*crime*»), а ст. 108 Статута допускает с согласия МУС последующее

привлечение к ответственности за *поведение*¹⁸ («*conduct*»), что терминологически не является тождественным. Аргументируя, в том числе, этим смысловым различием, ДРК обосновывала отсутствие потенциального нарушения право Ж. Катанги не быть судимым дважды *in idem* [26. Р. 16–20]. Отметим, что ни ДРК, ни МУС не дают разъяснения, в чем будет различие между составами преступлений, явившихся основанием для уголовного преследования в рамках МУС и теми, которые ему будут вменены в ДРК. Вместо того, чтобы дать толкование содержательного различия терминов «*crime*» и «*conduct*», Суд ограничился тем, что перечислил, в каких преступлениях МУС обвинял подсудимого и затем сделал ничем не подкрепленный вывод, что преследование в ДРК будет осуществляться не за эти преступления¹⁹. Этот вывод представляется крайне спорным также по той причине, что все обвинения со стороны ДРК, обосновывавшей необходимость дальнейшего судебного разбирательства в рамках национальной судебной системы, были весьма расплывчатыми, неопределенными, нечеткими, на что подсудимый неоднократно обращал внимание Суда²⁰. При этом МУС не стал настаивать на получении более подробной информации о юридической стороне данного уголовного дела и ограничился заверениями ДРК, что в основу лягут иные преступления. Исходя из того, что в рамках национального уголовного разбирательства Ж. Катанге были снова предъявлены обвинения в совершении военных преступлений и преступлений против человечности, единственным возможным объяснением может служить то, что в основу обвинения легли иные действия, совершенные подсудимым не в Богоро (МУС рассматривал только преступления, совершение в этом населенном пункте) [21. Р. 369–390]. Однако такой достаточно поверхностный подход Суда к вопросу четкого разграничения составов преступлений, вменяемых в

¹⁵ Decision pursuant to Article 108 (1) of the Rome Statute, Katanga (ICC-01/04-01/07-3679), ICC Presidency, 7 April 2016. URL: https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/CourtRecords/CR2016_02675.PDF (дата обращения 09.12.2023).

¹⁶ Decision on the admissibility of Mr. Katanga's appeal against the "Decision pursuant to article 108 (1) of the Rome Statute, Katanga (ICC-01/04-01/07 OA 15), Appeals Chamber, 9 June 2016.

¹⁷ Decision pursuant to Article 108 (1) of the Rome Statute, Katanga (ICC-01/04-01/07-3679), ICC Presidency, 7 April 2016, para. 20.

¹⁸ В тексте Римского статута на русском языке «*conduct*» переводится как «*деяние*».

¹⁹ Decision pursuant to Article 108 (1) of the Rome Statute, Katanga (ICC-01/04-01/07-3679), § 24–25.

²⁰ Declaration Katanga, (ICC-01/04-01/07-3666) Annex V to the Rapport du Greffe dans le cadre des consultations entre la Présidence de la Cour et les autorités congolaises sur l'application de l'article 108 du Statut de Rome.

вину в рамках МУС и впоследствии в рамках судебной системы ДРК, вызвал критические замечания, был охарактеризован как «вызывающий беспокойство» [11. Р. 48]. Сам Суд аргументировал свою позицию тем, что, применяя ст. 108, он не мог расширить сферу ее действия, поскольку она содержит запрет на судебное преследование лишь за преступление, указанное в ст. 5 Статута, за которое данное лицо уже было осуждено или оправдано Судом²¹.

Помимо этого, чтобы убедить Суд дать «одобрение» по ст. 108 Статута, власти ДРК также дали письменные гарантии, что хотя за совершение преступлений против человечности и военных преступлений в их государстве предусмотрена смертная казнь, к Ж. Катанге она применяться не будет²². Однако в своих заявлениях, поданных Суду, Ж. Катанга отмечал, что имеет обоснованные опасения ожидать несправедливого судебного разбирательства в силу ряда причин: непредоставление правовой защиты и гарантий, отсутствие возможности апелляции в системе органов военной юстиции²³. Эти аргументы, впрочем, не были приняты Судом во внимание (некоторые исследователи характеризуют это как то, что «Суд отмахнулся («brush aside») от этих доводов») [21. Р. 385] с достаточно странной аргументацией, что МУС не является контрольным органом по защите прав человека, не может в этом вопросе надзирать за ДРК, но исходит из того, что, будучи участником Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., ДРК будет соблюдать права Ж. Катанги в местах заключения²⁴. Эта аргументация выглядит откровенно слабой и поверхностной, особенно если принять во внимание то обстоятельство, что Ж. Катанга воевал в ходе вооруженного конфликта в ДРК на стороне ополчения (чего члены МУС не могли не знать), что и лежит в основе столь активного стремления ДРК привлечь его к ответственности национальными судебными органами и даже практики угроз прервать любое дальнейшее сотрудничество с МУС в случае, если предстоящее национальное уголовное

преследование Ж. Катанги не будет одобрено Судом на основании ст. 108 Римского статута [20].

Рассмотренная ситуация демонстрирует наличие как юридических, так и политических проблем в части применения Римского статута. Предусмотренный запрет повторного привлечения к ответственности национальными судебными органами лица за те же деяния после вынесения приговора Международным уголовным судом, предусмотренный ст. 20 Статута и не предусматривающий исключения из этого правила, на практике оказывается нарушенным применением ст. 108 Статута. Очевидно, что принятие двух противоречащих друг другу статей в рамках одного документа не могло быть намеренным, из чего можно сделать вывод, что применение ст. 108 Статута не предполагалось в контексте ответственности лица *in idem*. Однако на практике это привело именно к такому результату, что стало возможным в силу политических моментов. Для Суда приоритетным оказалось сохранение дальнейшего сотрудничества с государством-участником Статута, что привело к тому, что он решил пожертвовать «меньшим» (перспективой проведения судебного процесса над лицом *in idem* в нарушение ст. 20 Статута), при этом явно дистанцируясь от предстоящего судебного процесса и «закрывая глаза» на факты нарушения прав подсудимого, для сохранения «большого» - сотрудничества ДРК с МУС.

Заключение

Принцип *ne bis in idem* осуществляет несколько задач: обеспечение лицу гарантии от повторного привлечения к уголовной ответственности, а также решение вопроса выбора юрисдикции – либо в пользу национального судебного органа, либо международного. Таким образом, лицо не может быть судимым дважды за одно и то же деяние. Определенные исключения из этого общего правила допускаются Римским статутом МУС для недопущения проведения

²¹ Decision pursuant to Article 108 (1) of the Rome Statute, Katanga (ICC-01/04-01/07-3679), § 23.

²² Ibid., § 28.

²³ Further matters concerning the «Preliminary observations made by the defence concerning the continued and unlawful detention of Mr. Germain Katanga by the Democratic Republic of Congo», 25 January 2016, ICC-01/04-01/07-3638-Red; ICC-01/04-01/07-3640, §7; Final Observations, § 39.

²⁴ Decision pursuant to Article 108 (1) of the Rome Statute, Katanga (ICC-01/04-01/07-3679), § 33.

национальными судебными органами заведомо фиктивных процессов с целью избежания наказания. Однако проведенное исследование выявляет и иной вариант, когда принцип *ne bis in idem* может быть нарушен – если МУС применит ст. 108 Статута, не получив гарантий от государства-члена, что предстоящий национальный судебный процесс будет охватывать иные преступления чем те, которые лежали в основе обви-

нений по делу в рамках МУС. В этом случае действия Международного уголовного суда не будут способствовать его оценке в качестве беспристрастного, неполитизированного органа, одной из задач которого провозглашена «решимость создать прочные гарантии уважения к осуществлению международного правосудия и обеспечения его соблюдения».

Литература:

1. Игнатенко Г.В. Запрет повторного привлечения к ответственности (*non bis in idem*) как общий принцип права // Российский юридический журнал. 2005. № 1 (45). С. 75-87.
2. Игнатенко Г.В. Международное право и внутригосударственное право: проблемы сопряженности и взаимодействия. Сборник научных публикаций за сорок лет (1972–2011 годы). М., 2012.
3. Кибальник А.Г. Преступление и ответственность в международном уголовном праве. Ставрополь, 2002.
4. Копылова Е.А. Кумулятивное обвинение в практике органов международной уголовной юстиции // Международное уголовное право и международная юстиция. 2012. № 3. С. 25-28.
5. Михайлов Н.Г. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии как институт международной уголовной юстиции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10. М., 2006.
6. Пономарева В.В. Принцип *ne bis in idem*: особенности происхождения и современного толкования // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: Материалы XXII международной научно-практической конференции / Отв. ред. Н.Н. Цуканов. Т. 1. Красноярск, 2019. С. 78–82. DOI: 10.51980/2019_1_78.
7. Рабцевич О.И. Принцип однократности привлечения к ответственности за одно правонарушение (*ne bis in idem*): международные и внутригосударственные аспекты // Международное уголовное право и международная юстиция. 2010. № 4. С. 17-23.
8. Рундквист А.Н. Взаимосвязь принципа справедливости с правовыми аксиомами // Юридические исследования. 2020. № 10. С. 64-78. DOI: 10.25136/2409-7136.2020.10.33504.
9. Ambos K. General Principles of Criminal Law in the Rome Statute // Criminal Law Forum. 1999. Vol. 10. No. 1. P. 1-32.
10. An Introduction to International Criminal Law and Procedure / Ed. by R. Cryer, H. Friman, D. Robinson, E. Wilmschurst. Cambridge University Press. 2007.
11. Anderson K., Sinclair-Blakemore A. *Ne bis in idem*, *nulla poena sine lege* and Domestic Prosecutions of International Crimes in the Aftermath of a Trial at the International Criminal Court // International Criminal Law Review. 2021. Vol. 21(1). P. 35-66. DOI: <https://doi.org/10.1163/15718123-21010001>.
12. Bernard D. *Ne bis in idem* —Protector of Defendants' Rights or Jurisdictional Pointsman? // Journal of International Criminal Justice. 2011. Vol. 9. Issue 4. P. 863–880. DOI: <https://doi.org/10.1093/jicj/mqr018>.
13. Bernard D. *Juger et juger encore les crimes internationaux. Etude du principe Ne bis in idem*. Larcier. 2014.
14. Cassese A. International Criminal Law. Oxford University Press. 2008.
15. Commentary on the Rome Statute of International Criminal Court: Observers' Notes, Article by Article / Ed. by O. Triffterer. 2nd edition. Beck/Hart. 2008.
16. Conway G. *Ne bis in idem* and the International Criminal Tribunals // Criminal Law Forum. 2003. Vol. 14. No 4. P. 351–383.
17. De Than, C., Shorts, E. Double Jeopardy – Double Trouble // The Journal of Criminal Law. 2000. Vol. 64. Issue 6. P. 624-641.
18. Jacobs D. The Importance of Being Earnest: The Timeliness of the Challenge to Admissibility in Katanga // Leiden Journal of International Law. 2010. Vol. 23. Issue 2. P. 331-342.
19. Klip A., Sluiter G. Annotated Leading Cases of International Criminal Tribunals. Volume I: The International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia 1993 – 1998. Intersentia. Hart. Verlag Osterreich. 1999.
20. Labuda P. Complementarity Compromised? The ICC Gives Congo the Green Light to Re-Try Katanga // *Opinio Juris*. 2016. URL: <http://opiniojuris.org>.
21. Labuda P. The Flipside of Complementarity: Double Jeopardy at the International Criminal Court // Journal of International Criminal Justice. 2019. Vol. 17. Issue 2. P. 369-390. DOI: <https://doi.org/10.1093/jicj/mqz019>.
22. Mégret F. Le tribunal penal international pour le Rwanda. Pedone-Paris. 2002.

23. Nsereko D. The ICC and Complementarity in Practice // *Leiden Journal of International Law*. 2013. Vol. 26. Issue 2. P. 427-447.
24. Olusanya O. Double Jeopardy Without Parameters: Re-characterization in International Criminal Law. Intersentia. 2004.
25. Raimondo F.O. General Principles of Law in Decisions of International Criminal Courts and Tribunals. Martinus Nijhoff Publishers. 2008.
26. Rastan R. What is «Substantially the Same Conduct»? Unpacking the ICC's «First Limb» Complementarity Jurisprudence // *Journal of International Criminal Justice*. 2017. Vol. 15. Issue 1. P. 1-29. DOI: <https://doi.org/10.1093/jicj/mqx004>.
27. Solera O. Complementary jurisdiction and international criminal justice // *International Revue of the Red Cross*. 2000. Vol. 84. No. 845. P. 145-171.
28. Theofanis R. The doctrine of Res Judicata in International Criminal Law // *International Criminal Law Review*. 2003. Vol. 3. Issue 3. P. 195-216. DOI: <https://doi.org/10.1163/157181203322599101>.
29. Wyngaert C., Stessens G. The International Non Bis In Idem Principle Resolving Some of the Unanswered Questions // *International and Comparative Law Quarterly*. 1999. Vol. 48. Issue 4. P. 779–804. DOI: 10.1017/S0020589300063685.

NE BIS IN IDEM PRINCIPLE: CURRENT PROBLEMS OF IMPLEMENTATION IN INTERNATIONAL CRIMINAL LAW

Introduction. *The individual criminal liability is characterized by several principles that clarify its international legal content. In this article, the author focuses on the principle of prohibiting the repeated prosecution of a person for the same crime (ne bis in idem principle). It seems appropriate to consider not only the history of fixing this principle in the international law, but also the features of its content, legal nature, as well as to identify the problems arising along the enforcement practice. The issue of the risk of repeated prosecution of the individual for the same crime gets a great importance considering the international criminal justice institutions operating alongside national judicial systems.*

Materials and methods. *The study is relied on the following general scientific and special methods of knowledge: historical, legal, comparative legal, the method of logical and structural analysis, systemic approach.*

Research results. *The analysis of the international law, academic research and enforcement practice made possible to identify some differences in the ne bis in idem principle as formulated in the*

acts of ad hoc international criminal tribunals and in the Rome Statute of the International Criminal Court. The problems of applying of the ne bis in idem principle in the practice of the ICC in Katanga were identified, specifically in the Court's interpretation of Art. 108 of the Rome Statute, which allows us to conclude that this principle has been violated.

Discussion and conclusion. *An analysis of the ne bis in idem principle leads us to conclusion that its sine qua non character is applicable only to the national jurisdiction, but not to the jurisdiction of another state as well as it doesn't automatically cover the decisions made by foreign judicial authorities. As for international criminal justice, here the principle of ne bis in idem plays a greater role as a regulator (pointsman), determining the choice of the jurisdiction rather than as a guarantee of the rights of the accused.*

Alexandra Yu. Skuratova,
PhD in Law, Associate professor,
International Law Chair, MGIMO University,
Moscow, Russia

Ключевые слова:

ne bis in idem, res judicata, национальная юрисдикция, иностранная юрисдикция, трибуналы ad hoc, Международный уголовный суд, индивидуальная уголовная ответственность.

Keywords:

ne bis in idem, res judicata, national jurisdiction, foreign jurisdiction, ad hoc tribunals, the International Criminal Court, individual criminal responsibility.

References:

1. Ignatenko G.V., 2005. Zapret povtornogo privlecheniya k otvetstvennosti (non bis in idem) kak obshchii printsip prava [The prohibition of re-prosecution (non bis in idem) as a general principle of law]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal [Russian law journal]*. No. 45. S. 75-87.
2. Ignatenko G.V., 2012. Mezhdunarodnoe pravo i vnutrigosudarstvennoe pravo: problemy sopryazhennosti i vzaimodeistviya. Sbornik nauchnykh publikatsii za sorok let (1972–2011 gody) [International Law and national law: problems of conjugation and interaction. Collection of scientific publications over 40 years (1972–2011)]. Moscow.
3. Kibal'nik A.G., 2002. Prestuplenie i otvetstvennost' v mezhdunarodnom ugovnom prave [Crime and responsibility in international criminal law]. Stavropol'.
4. Kopylova E.A., 2012. Kumulyativnoe obvinenie v praktike organov mezhdunarodnoi ugovnoi yustitsii [Practice of cumulative charging in international criminal justice institutions]. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya [International criminal law and international justice]*. No. 3. S. 25–28.
5. Mikhailov N.G., 2006. Mezhdunarodnyi ugovnyi tribunal po byvshei Yugoslavii kak institut mezhdunarodnoi ugovnoi yustitsii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.10. [International criminal tribunal for the former Yugoslavia as an institution of international criminal justice]. Moscow.
6. Ponomareva V.V., 2019. Printsip ne bis in idem: osobennosti proiskhozhdeniya i sovremennogo tolkovaniya [Ne bis in idem principle: features of origin and modern interpretation] in *Current problems in the fight against crime: issues of theory and practice: Proceedings of the XXII International Scientific and Practical Conference*. Krasnoyarsk, S. 78–82. DOI: 10.51980/2019_1_78.
7. Rabtsevich O.I., 2010. Printsip odнократnosti privlecheniya k otvetstvennosti za odno pravonarushenie (ne bis in idem): mezhdunarodnye i vnutrigosudarstvennye aspekty [The principle of one-time prosecution for the same offense (Ne bis in idem): international and national aspects]. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya [International criminal law and international justice]*. No. 4. S. 17–23.
8. Rundkvist A.N., 2020. Vzaimosvyaz' printsipa spravedlivosti s pravovymi aksiomami [The relationship between the principle of justice and legal axioms]. *Yuridicheskie issledovaniya [Legal studies]*. No. 10. S. 64–78. DOI: 10.25136/2409-7136.2020.10.33504.
9. Ambos, K., 1999. General Principles of Criminal Law in the Rome Statute. *Criminal Law Forum*. Volume 10. No. 1. P. 1-32.
10. An Introduction to International Criminal Law and Procedure / Ed. by R. Cryer, H. Friman, D. Robinson, E. Wilmshurst. Cambridge University Press. 2007.
11. Anderson, K., Sinclair-Blakemore, A., 2021. Ne bis in idem, nulla poena sine lege and Domestic Prosecutions of International Crimes in the Aftermath of a Trial at the International Criminal Court. *International Criminal Law Review*. Volume 21 (1). P. 35-66. <https://doi.org/10.1163/15718123-21010001>.
12. Bernard, D., 2011. Ne bis in idem — Protector of Defendants' Rights or Jurisdictional Pointsman? *Journal of International Criminal Justice*. Volume 9. No. 4. P. 863–880. DOI: <https://doi.org/10.1093/jicj/mqr018>
13. Bernard, D., 2014. Juger et juger encore les crimes internationaux. Etude du principe Ne bis in idem. Bruxelles.
14. Cassese, A., 2008. International Criminal Law. Oxford.
15. Commentary on the Rome Statute of International Criminal Court: Observers' Notes, Article by Article. Ed. by O. Triffterer. 2nd edition. Beck/Hart. München, 2008.
16. Conway, G., 2003. Ne bis in idem and the International Criminal Tribunals. *Criminal Law Forum*. Volume 14. No 4. P. 351–383.
17. De Than, C., Shorts, E., 2000. Double Jeopardy – Double Trouble. *The Journal of Criminal Law*. Volume 64. No. 6. P. 624-641. DOI: <https://doi.org/10.1177/002201830006400610>
18. Jacobs, D., 2010. The Importance of Being Earnest: The Timeliness of the Challenge to Admissibility in Katanga. *Leiden Journal of International Law*. Volume 23. No. 2. P. 331-342. DOI: 10.1017/S0922156510000063.
19. Klip, A., Sluiter, G., 1999. Annotated Leading Cases of International Criminal Tribunals. Volume I: The International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia 1993–1998. Antwerp/Groningen/Oxford/Vienna.
20. Labuda, P., 2016. Complementarity Compromised? The ICC Gives Congo the Green Light to Re-Try Katanga. *Opinio Juris*. URL: <http://opiniojuris.org>.
21. Labuda, P., 2019. The Flipside of Complementarity: Double Jeopardy at the International Criminal Court. *Journal of International Criminal Justice*. Volume 17. No. 2. P. 369–390. DOI: <https://doi.org/10.1093/jicj/mqz019>.
22. Mégret, F., 2002. Le tribunal penal international pour le Rwanda [The international criminal tribunal for Rwanda]. Paris.
23. Nsereko, D., 2013. The ICC and Complementarity in Practice. *Leiden Journal of International Law*. Volume 26. No. 2. P. 427-447. DOI: 10.1017/S0922156513000101
24. Olusanya, O., 2004. Double Jeopardy Without Parameters: Re-characterization in International Criminal Law. Oxford.
25. Raimondo, F.O., 2008. General Principles of Law in Decisions of International Criminal Courts and Tribunals. Amsterdam.

26. Rastan, R., 2017. What is «Substantially the Same Conduct»? Unpacking the ICC's «First Limb» Complementarity Jurisprudence. *Journal of International Criminal Justice*. Volume 15. No. 1. P. 1–29. DOI: <https://doi.org/10.1093/jicj/mqx004>.
27. Solera, O., 2000. Complementary jurisdiction and international criminal justice. *International Revue of the Red Cross*. Volume 84. No. 845. P. 145-171.
28. Theofanis, R., 2003. The doctrine of Res Judicata in International Criminal Law. *International Criminal Law Review*. Volume 3. No. 3. P. 195-216. DOI: <https://doi.org/10.1163/157181203322599101>.
29. Wyngaert, C., Stessens, G., 1999. The International Non Bis In Idem Principle Resolving Some of the Unanswered Questions. *International and Comparative Law Quarterly*. Volume 48. No. 4. P. 779-804. DOI: 10.1017/S0020589300063685.

«УМНЫЙ» АУТСОРСИНГ: ГУМАНИЗАЦИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ЭКОНОМИКЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Денис Матыцин*
Агнесса Иншакова**

DOI 10.24833/2073-8420-2024-2-71-45-58

***Введение.** В центре внимания исследования находится проблема оптимизации управления человеческими ресурсами при системном охвате экономической эффективности и корпоративной социальной ответственности. Цель статьи заключается в исследовании роли аутсорсинга в гуманизации предпринимательства в экономике искусственного интеллекта. Потенциал аутсорсинга в области развития предпринимательства в экономике искусственного интеллекта обосновывается через эконометрическое моделирование с использованием метода регрессионного анализа на примере компаний из “Global-500” в 2022 г. Перспективные направления развития «умного» аутсорсинга в поддержку гуманизации предпринимательства в экономике с помощью метода сравнительного анализа определяются через идентификацию его преимуществ по сравнению с традиционным аутсорсингом для гуманизации предпринимательства. С помощью метода кейс-стади систематизированы успешные примеры использования «умного» аутсорсинга в различных бизнес-операциях предпринимательства.*

***Материалы и методы.** Статья опирается на количественно-качественную методологию в соответствии с системным подходом для формирования наиболее полного и достоверного представления об использовании аутсорсинга в предпринимательстве в экономике искусственного интеллекта. Исследование в статье проводится на микроуровне экономики искусственного интеллекта*

* **Матыцин Денис Евгеньевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН) Волгоградского государственного университета, Россия
e-mail: dmatytsin@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-4038-4032

** **Иншакова Агнесса Олеговна**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН) Волгоградского государственного университета, Россия
e-mail: ainshakova@list.ru
ORCID ID: 0000-0001-8255-8160

при изучении практики предпринимательства. Фундаментальную основу проводимого в этой статье исследования сформировала Теория управления человеческими ресурсами (HRM). Авторы использовали как общенаучные, так и частнонаучные методы познания, среди которых можно выделить диалектический, сравнительный, структурно-функциональный и т. д.

Результаты исследования. Полученные результаты развивают и дополняют научные положения Теории управления человеческими ресурсами (HRM). В результате проведенного исследования авторы статьи доказали, что применение аутсорсинга не должно ограничиваться отдельными случаями и целесообразно массовое применение аутсорсинга для повышения эффективности управления человеческими ресурсами в предпринимательстве. Тем самым обоснована ключевая роль аутсорсинга в реализации ЦУР 8 в экономике искусственного интеллекта. Вклад исследования в науку состоит в переосмыслении сущности и роли аутсорсинга в экономике искусственного интеллекта. Полученные результаты отразили аутсорсинг в новом свете, который впервые представлен не только как инструмент, но так же, как объект автоматизации.

Обсуждение и заключение. Ключевой вывод заключается в том, что в экономике искусственного интеллекта гуманизация предпринимательства может обеспечиваться с помощью «умного» аутсорсинга, который более предпочтителен по сравнению с традиционным аутсорсингом в силу своей повышенной гибкости, рациональности и эффективности. Теоретическая значимость заключается в уточнении специфики аутсорсинга в экономике искусственного интеллекта, а также в обосновании предпочтительности и в обеспечении научной методологии осуществления «умного» аутсорсинга. Практическая значимость связана с тем, что предложенные практические рекомендации по осуществлению «умного» аутсорсинга позволяют повысить эффективность предпринимательской деятельности и повысить устойчивость бизнеса к экономическим кризисам, поддерживают экономический рост через «умный» аутсорсинг.

Введение

Гуманизация представляет собой новый тренд развития предпринимательства в поддержку реализации цели устойчивого развития под номером 8, которая звучит как «достойная работа и экономический рост» (ЦУР 8) [30. С. 461]. В качестве основного инструмента обеспечения гуманизации предпринимательства выступает корпоративная социальная ответственность [5. С. 176]. Сущность гуманизации предпринимательства состоит в создании на рабочих местах и в трудовых командах, в корпоративной культуре и организационной структуре благоприятных условий для развития и наиболее полного раскрытия человеческого потенциала [8. С. 101].

Проявлениями гуманизации предпринимательства являются создание новых (дополнительных) рабочих мест в поддержку занятости (и соответственно борьбы с безработицей) и трудоустройства по профессии, создание знаниеемких и творческих (связанных с инновационной деятельностью

работников) рабочих мест, а также создание высокопроизводительных и высокооплачиваемых рабочих мест и обеспечение возможностей для построения карьеры работниками [13].

Реализация ЦУР 8 является краеугольным камнем экономики искусственного интеллекта, препятствуя гуманизации предпринимательства в ней из-за противоречия интересов заинтересованных сторон. С одной стороны, под влиянием растущей цифровой конкуренции в условиях Четвертой промышленной революции предприятия заинтересованы в переходе к более высокому технологическому укладу [1. С. 91]. Это сопровождается «умной» автоматизацией на базе искусственного интеллекта, при которой человеческий труд вытесняется из множества бизнес-операций [2. С. 109].

Это позитивно трактуется с позиций устойчивого развития, так как поддерживает практическую реализацию цели устойчивого развития под номером 9, которая звучит как «индустриализация, инновации и инфраструктура» (ЦУР 9). Это также

обеспечивает высокотехнологичный экономический рост, но снижает потребность предприятий в работниках и подталкивает их к сокращению штата.

С другой стороны, работники, общество и государство заинтересованы в борьбе с безработицей. Искусственное сохранение рабочих мест для работников, функции которых заменили машины, не может обеспечить раскрытие человеческого потенциала, но тормозит экономический рост, в связи с чем это противоречит ЦУР 8. Поставленная проблема еще более усложняется в условиях экономических кризисов, когда хозяйственная деятельность нуждается в оптимизации [27].

Требования к росту эффективности предпринимательской деятельности, диктуемые рынком в условиях высокой конкуренции и кризиса, вынуждают бизнес сокращать затраты при сокращении или наращивании производительности. В условиях пандемии и кризиса COVID-19 даже социально-ответственные компании оказались перед выбором между дальнейшей автоматизацией бизнес-операций для продолжения загрузки производственных мощностей и длительным простоем бизнеса из-за введенных мер социального дистанцирования и локдауна [31]. Наиболее ответственные компании проявили изобретательность и перевели работников на удаленную занятость с сохранением оплаты труда и социальных гарантий даже в ущерб экономической эффективности бизнеса [31].

Перспективным решением поставленной проблемы является аутсорсинг, представляющий собой перевод части бизнес-операций на внешнее обслуживание с выводом задействованных в этих операциях работников за пределы штата организации. Это позволяет сохранить рабочие места (избежать сокращения штата и роста безработицы), но за пределами компании. Преимущества аутсорсинга для бизнеса связаны с сокращением расходов на управление человеческими ресурсами (HRM), в частности, расходов на подбор и обучение персонала, а также социальных (включая пенсионные) и налоговых отчислений на работников.

В дополнение к этому предприятия получают возможность гибкого изменения численности и состава работников в зависимости от меняющихся потребностей в человеческих ресурсах. Обеспечивая преимущества для предприятий, аутсорсинг не всегда соответствует принципам корпоративной социальной ответственности и потому

нуждается в специальном управлении для гуманизации предпринимательства.

В существующей литературе подробно изучена теория и практика аутсорсинга [19. С. 251; 20. С. 321]. Однако особенности аутсорсинга в экономике искусственного интеллекта недостаточно проработаны и не ясны. Это определило постановку цели данной статьи как исследования роли аутсорсинга в гуманизации предпринимательства в экономике искусственного интеллекта. За приведенным введением в этой статье следует литературный обзор, включающий в себя анализ пробелов и постановку исследовательских вопросов (RQs).

После этого описываются материалы и методология, раскрывающие порядок и методический аппарат исследования. Далее приводятся результаты исследования, включающие в себя: 1) оценку потенциала аутсорсинга в области развития предпринимательства в экономике искусственного интеллекта; 2) обоснование перспективных направлений развития «умного» аутсорсинга в поддержку гуманизации предпринимательства в экономике искусственного интеллекта.

Затем в обсуждении полученные результаты сравниваются с имеющейся литературой и определяется вклад статьи в область исследования. В заключительной части статьи тезисно формулируются основные выводы, идентифицируется теоретическая и практическая значимость авторских результатов, указываются их ограничения и перспективы будущих исследований.

Исследование

Фундаментальную основу проводимого в этой статье исследования сформировала Теория управления человеческими ресурсами (HRM). В доцифровую эпоху в прогрессивных обществах управление человеческими ресурсами предполагало проявление корпоративной социальной ответственности. Потребность в человеческих ресурсах была высока, в связи с чем репутация ответственных работодателей обеспечивала предприятиям конкурентные преимущества благодаря привлечению и удержанию лучших кадров на рынке труда [10. С. 105]. Ответственный HRM проявлялся в повышенном комфорте рабочих мест, неукоснительном соблюдении трудового законодательства, а также принятии на себя работодателем расширенных социальных обязательств [33. С. 1205].

Переход к экономике искусственного интеллекта коренным образом изменил ситуацию. Хотя корпоративная социальная ответственность все так же остро актуальна, основу конкурентных преимуществ современного бизнеса составляет высокотехнологичность, достигаемая через «умную» автоматизацию [18. С. 369]. При этом каждый случай цифровой модернизации предприятия уникален. В одних случаях, особенно на рынках B2C, машинные технологии вытесняют человеческие ресурсы лишь в некоторых бизнес-операциях [28. С. 363]. Вместе с этим операции, предполагающие социальные коммуникации, продолжают осуществляться при значительном участии работников предприятий, которых пока не способны заменить чат-боты и «умные» помощники на базе искусственного интеллекта [16].

В других случаях, в основном на рынках B2B, создаются полностью автономные «умные» производства, в которых роль человеческих ресурсов сводится к техническому обслуживанию машинных технологий [35. С. 1]. В третьих случаях, в наиболее высокотехнологичных рыночных сегментах, предприятия заинтересованы в непрерывной цифровой модернизации и высокой инновационной активности [21. С. 3]. Для них человеческие ресурсы являются ключевым фактором производства, поскольку обеспечивают стратегические конкурентные преимущества [29. С. 227]. Для них также выгодна автоматизация, но утрата ценных кадров и корпоративных знаний грозит утратой рыночных позиций [40. С. 371].

Аутсорсинг во всех рассмотренных случаях обеспечивает баланс корпоративной социальной ответственности, экономической эффективности бизнеса и его цифровой конкурентоспособности. В первом случае на условиях аутсорсинга может осуществляться коммуникация бизнеса с клиентами [26. С. 117]. Во втором случае по аутсорсингу могут привлекаться технические специалисты для обслуживания машинных технологий бизнеса [17. С. 877]. В третьем случае через аутсорсинг бизнес может получать высококвалифицированные кадры и образовывать из них инновационные рабочие команды [11. С. 1597].

Проблема заключается в том, что при аутсорсинге ослабевает связь между работниками и бизнесом, из-за чего существует угроза де-эволюции человеческих ресурсов как индивидуализированного социального капитала обратно до обезличенного труда как фактора производства. Это затрудняет

гуманизацию предпринимательства в экономике искусственного интеллекта. В качестве перспективного решения поставленной проблемы в этой статье предлагается «умный» аутсорсинг, барьером на пути развития которого является несформированность научной базы [23; 36].

Проведенный обзор литературы выявил в целом высокую степень проработанности вопросов применения аутсорсинга в предпринимательстве. Тем не менее, наряду с этим выявлено два следующих пробела. Первый пробел в литературе состоит в неясности того, насколько в целом востребован аутсорсинг в предпринимательстве. В существующих публикациях приводятся отдельные примеры из практики и отмечается целесообразность использования аутсорсинга в отдельных случаях, к примеру, *electric sector* (электрический сектор) [9. С. 1], *quality control in the automotive industry* (контроль качества в автомобильной промышленности) [37], *ax processes outsourcing* (аутсорсинг осевых процессов) [4. С. 1226], *outsourcing in logistics* (аутсорсинг в логистике) [24. С. 27].

При этом непонятно, востребован ли аутсорсинг в исключительных случаях при определенных условиях, или он может применяться массово. Это вызывает RQ1: Может ли аутсорсинг массово применяться в предпринимательстве в экономике искусственного интеллекта? В этой статье выдвигается гипотеза H1 о том, что аутсорсинг востребован в предпринимательстве, в экономике искусственного интеллекта и целесообразно его массовое применение. Благодаря своей гибкости аутсорсинг универсален.

Второй пробел в литературе связан с неопределенностью того, как осуществлять аутсорсинг в экономике искусственного интеллекта. В имеющихся трудах Erasmus et al. [12], Queiroz et al. [32. С. 1075], Yoon [38. С. 56] большое внимание уделено преимуществам использования «умных» технологий для внутреннего управления бизнесом. При этом вопросы использования искусственного интеллекта при организации внешнего управления бизнесом, в частности, аутсорсинга, недостаточно освещены в литературе.

Agarwal et al. [6], Furszyfer Del Rio et al. [14], Popkova et al. [31] в своих работах указывают на ограниченную доступность «умных» технологий для современного предпринимательства из-за их высокой стоимости, технической сложности внедрения и потребности в высококвалифицированных кадрах, которыми обладает далеко не каждое предприятие. Это вызывает RQ2: Как искусственный

интеллект позволяет усовершенствовать аутсорсинг? В этой статье выдвигается гипотеза H2 о том, что искусственный интеллект позволяет осуществлять «умный» аутсорсинг, преимуществами которого являются повышенная гибкость и эффективность, позволяющие наиболее полно раскрыть потенциал вклада аутсорсинга в гуманизацию предпринимательства.

Под «умным» аутсорсингом понимается использование «умных» технологий, основанных на искусственном интеллекте, при аутсорсинге [7. С. 710; 34; 39]. Авторы статьи стремятся заполнить выявленные пробелы в литературе, найти ответы на поставленные исследовательские вопросы (RQs) и проверить выдвинутые гипотезы (H1 и H2). Для этого в статье систематизируется и подробно обсуждается практический опыт использования аутсорсинга в предпринимательстве в экономике искусственного интеллекта.

Авторы опираются на количественно-качественную методологию в соответствии с системным подходом для формирования наиболее полного и достоверного представления об использовании аутсорсинга в предпринимательстве в экономике искусственного интеллекта. Исследование в статье проводится на микро-уровне экономики искусственного интеллекта при изучении практики предпринимательства.

Для поиска ответа на RQ₁ и определения потенциала аутсорсинга в области развития предпринимательства в экономике искусственного интеллекта применяется метод регрессионного анализа. С его помощью моделируется зависимость revenues (rev) и profit (pft) от number of employees (ne) – составляется простая (однофакторная) линейная регрессия. В качестве эмпирической базы исследования выступают компании из рейтинга “Global-500” за 2022 г. [13]. Исследовательская модель этой статьи представляет собой следующую систему уравнений:

$$\begin{cases} \text{rev} = a_{\text{rev}} + b_{\text{rev}} * \text{ne} \\ \text{prt} = a_{\text{prt}} + b_{\text{prt}} * \text{ne} \end{cases} \quad (1)$$

Гипотеза H1 признается доказанной в случае, если в модели (1) b_{rev} окажется значительно больше, чем b_{prt} . Это будет

означать, что человеческие ресурсы вносят гораздо больший вклад в доходы компаний, чем в их прибыль, и потому выгоден аутсорсинг, позволяющий сохранить численность работников, но вывести их за пределы штата компаний.

Для поиска ответа на RQ₂ и определения перспективных направлений развития «умного» аутсорсинга в поддержку гуманизации предпринимательства в экономике искусственного интеллекта используется метод кейс-стади. С помощью выбранного метода систематизируются успешные примеры использования «умного» аутсорсинга в различных бизнес-операциях предпринимательства. С помощью метода сравнительного анализа идентифицируются преимущества «умного» аутсорсинга по сравнению с традиционным аутсорсингом. Гипотеза H2 признается доказанной в случае, если «умный» аутсорсинг окажется предпочтительнее и будет обеспечивать преимущества для ключевых бизнес-операций.

Потенциал аутсорсинга в области развития предпринимательства в экономике искусственного интеллекта

Для поиска ответа на RQ₁ и определения потенциала аутсорсинга в области развития предпринимательства в экономике искусственного интеллекта с использованием метода регрессионного анализа смоделирована зависимость revenues (rev) и profit (pft) от number of employees (ne) в компаниях из “Global-500” за 2022 г. [13]. Получена следующая система уравнений простой (однофакторной) линейной регрессии:

$$\begin{cases} \text{rev} = 15976,76 + 0,27 * \text{ne} \\ \text{prt} = 2579,66 + 0,022 * \text{ne} \end{cases} \quad (2)$$

Полученные уравнения регрессии (2) уточнили исследовательскую модель (1) и свидетельствуют о том, что при увеличении численности работников на 1 чел. доход компаний из “Global-500” в 2022 г. возрастает на 0,27 млн. долл., а прибыль увеличивается лишь на 0,022 млн. долл. Надежность результатов эконометрического моделирования подтверждает регрессионная статистика в табл. 1.

Таблица 1. Регрессионная статистика

Регрессионная статистика	Revenues	Profit
Number of employees (b)	brev=0,27 (t-статистика: 23,22)	bppt=0,02 (t-статистика: 7,03)
Cons (a)	arev=15976,76 (t-статистика: 8,79)	appt=2579,66 (t-статистика: 6,38)
Obs.	500	500
R-squared	0,55199	0,0903
Значимость F	2,26*10-81*	6,8-10-12*

*p < 0.01.

Источник: рассчитано и составлено авторами.

Согласно табл. 1, оба уравнения регрессии надежны на уровне значимости 0,01. Следовательно, человеческие ресурсы вносят гораздо больший вклад в доходы компаний, чем в их прибыль. Это подтверждает гипотезу H1 и доказывает целесообразность массового использования аутсорсинга в предпринимательстве в современной экономике искусственного интеллекта. Благодаря аутсорсингу возможно сохранение вклада человеческих ресурсов в доходы компаний при одновременном сокращении расходов на персонал. Это позволит нарастить вклад человеческих ресурсов в прибыль компаний.

Перспективные направления развития «умного» аутсорсинга в поддержку гуманизации предпринимательства в экономике искусственного интеллекта

Для поиска ответа на RQ₂ и определения перспективных направлений развития «умного» аутсорсинга в поддержку гуманизации предпринимательства в экономике с помощью метода сравнительного анализа идентифицированы преимущества «умного» аутсорсинга по сравнению с традиционным аутсорсингом для гуманизации предпринимательства (табл. 2).

Таблица 2. Сравнительный анализ традиционного и «умного» аутсорсинга с позиций вклада в гуманизацию предпринимательства

Критерии сравнения	Традиционный аутсорсинг	«Умный» аутсорсинг
Подход к управлению человеческими ресурсами (HRM)	ответственный HRM (корпоративная социальная ответственность)	ESG-управление человеческими ресурсами
Принятие решений об аутсорсинге	принятие решений об аутсорсинге менеджером при наличии «человеческого фактора»	интеллектуальная поддержка принятия решений об аутсорсинге
Выбор поставщика аутсорсинговых услуг	ограниченная аналитика рынка менеджером, управляющим аутсорсингом	«умная» – наиболее полная аналитика рынка аутсорсинга
Смена организационной модели при аутсорсинге	шаблонное организационное проектирование	«умное» организационное проектирование
Управление персоналом на аутсорсинге	обобщенный менеджмент персонала, подрыв конкуренции работников	машинное зрение: индивидуальный подход, «здоровая» конкуренция работников
Подход к внедрению искусственного интеллекта	внедрение собственного искусственного интеллекта на предприятии	аутсорсинг искусственного интеллекта

Источник: авторская разработка.

Как продемонстрировано в табл. 2, «умный» аутсорсинг в теории обеспечивает целый комплекс преимуществ для гуманизации предпринимательства по сравнению с традиционным аутсорсингом. Для подтверждения этих преимуществ на практике с помощью метода кейс-стади систематизированы успешные примеры использования «умного» аутсорсинга в различных бизнес-операциях предпринимательства.

Во-первых, подход к управлению человеческими ресурсами (HRM) при тра-

диционном аутсорсинге предполагает ответственный HRM с фокусом на корпоративной социальной ответственности. При «умном» аутсорсинге осуществляется ESG-менеджмент человеческих ресурсов, позволяющий управлять ими не только с позиций корпоративной социальной ответственности (S), но также с позиций экологической ответственности (E – обеспечивать «зеленую» занятость) и с позиций экономической эффективности (G). К примеру, IQITO предлагает услуги «IT-директора напрокат» [22].

Во-вторых, традиционно принятие решений об аутсорсинге осуществляется менеджером при наличии «человеческого фактора» и отсутствии гарантии рациональности, из-за чего аутсорсинг может внедряться там, где он невыгоден и нецелесообразен. В отличие от этого при «умном» аутсорсинге обеспечивается интеллектуальная поддержка принятия решений об аутсорсинге. Искусственный интеллект объективен и рационален, он рекомендует аутсорсинг только там, где он действительно необходим и целесообразен. К примеру, мобильное приложение и электронный портал «Prodexu» позволяют определять оптимальные условия аутсорсинга с использованием технологий интеллектуальной поддержки принятия решений [22].

В-третьих, выбор поставщика аутсорсинговых услуг при традиционном аутсорсинге осуществляется через ограниченную аналитику рынка менеджером, управляющим аутсорсингом. В противоположность этому «умная» – наиболее полная аналитика рынка аутсорсинга гарантирует выбор оптимального поставщика аутсорсинговых услуг по всему набору критериев – от их выгодной цены для бизнеса до возможностей гуманистического управления кадрами на аутсорсинге.

В-четвертых, смена организационной модели при аутсорсинге традиционно означает шаблонное организационное проектирование. «Умный» аутсорсинг в отличие от него обеспечивает «умное» организационное проектирование – более гибкое и адаптивное. К примеру, «умный» сервис IQITO-360 обеспечивает интеллектуальную поддержку перевода сотрудников на удаленную занятость [22].

В-пятых, управление персоналом на аутсорсинге традиционно означает обобщенный менеджмент персонала при общей системе мотивации и стимулирования труда, что подрывает конкуренцию работников. К примеру, при командной работе их индивидуальный вклад не учитывается. «Умный» аутсорсинг вместо этого применяет машинное зрение и обеспечивает индивидуальный подход к мотивации и стимулированию труда каждого работника через учет его индивидуальных результатов. Это стимулирует «здоровую» конкуренцию работников.

В качестве примера из практики можно привести «умный» сервис по управлению персоналом “Sever AI”, который оценивает

резюме работников с помощью машинного обучения и автоматически приглашает работников на собеседование. Сервис “Image Recognition” с помощью компьютерного зрения с высокой точностью проводит мониторинг и контроль индивидуальных результатов каждого работника. SFA-системы автоматически анализируют производительность и другие характеристики труда каждого работника, а также поддерживают конкуренцию кадров на базе системы мотивации и стимулирования труда с помощью геймификации – перевода рутинных бизнес-операций в игру, интерактивное соревнование работников [25].

В-шестых, подход к внедрению искусственного интеллекта традиционно предполагает внедрение собственного искусственного интеллекта на предприятии. Из-за высокой стоимости это делает «умные» технологии недоступными (элитарными) для бизнеса. «Умный» аутсорсинг предполагает аутсорсинг искусственного интеллекта. Это позволяет более гибко производить автоматизацию бизнеса, лишь частично модернизируя бизнес-операции. При этом сохраняется большинство работников, а также достигается экономия расходов на машинные технологии.

К примеру, компания «Умный» сервис предлагает услугу аутсорсинга IT-инфраструктуры, в том числе искусственного интеллекта и «умных» технологий [3]. Это обеспечивает создание автоматизированных рабочих мест, организацию удаленной работы сотрудников, контроль и обеспечение информационной безопасности и др. Многие крупные компании в России воспользовались этой услугой – среди них розничные торговые сети «Лента», «Дикси», «Lamoda», «Детский мир», «Леонардо», «Окей», «Магнит», а также «Почта России».

Вышеизложенное сформировало доказательную базу гипотезы H2 и свидетельствует о предпочтительности «умного» аутсорсинга в силу его преимуществ для ключевых бизнес-операций в поддержку гуманизации предпринимательства.

Таким образом, проведенное исследование развивает и дополняет научные положения Теории управления человеческими ресурсами (HRM). Полученные результаты сопоставлены с существующей литературой в табл. 3.

Таблица 3. Сопоставление полученных результатов с существующей литературой

RQs	Научные положения имеющейся литературы	Источники литературы	Полученные новые научные результаты
RQ1: Может ли аутсорсинг массово применяться в предпринимательстве в экономике искусственного интеллекта?	Применение аутсорсинга в отдельных случаях	Abedi et al. (2014), Braunert and Figueiredo (2021), Cheung and Kim (2022), Iannuzzi and Sacchetto (2022), Joshi and Raman, 2022; Su et al. (2022), Kormanáková and Rypáková (2014), Li et al. (2022), Ulewicz (2018)	Массовое применение аутсорсинга
RQ2: Как искусственный интеллект позволяет усовершенствовать аутсорсинг?	Использование искусственного интеллекта для организации внутреннего управления бизнесом	Erasmus et al. (2020), Queiroz et al. (2020), Yoon, (2021)	Использование искусственного интеллекта для организации внешнего управления бизнесом, включая аутсорсинг
	Опора на собственный искусственный интеллект	Agarwal et al. (2022), Furszyfer Del Rio et al. (2020), Popkova et al. (2021)	Аутсорсинг искусственного интеллекта, в том числе, для целей «умного» аутсорсинга

Источник: авторская разработка.

В отличие от ранее опубликованных работ, среди которых: Abedi et al. [4. С. 1226], Braunert and Figueiredo [9], Cheung and Kim [11. С. 1597], Iannuzzi and Sacchetto [17. С. 877], Joshi and Raman [23]; Su et al. [36], Kormanáková and Rypáková [24. С. 27], Li et al. [26. С. 117], Ulewicz [37], в статье доказано, что применение аутсорсинга не должно ограничиваться отдельными случаями, и целесообразно массовое применение аутсорсинга для повышения эффективности управления человеческими ресурсами в предпринимательстве. Тем самым обоснована ключевая роль аутсорсинга в реализации ЦУР8 в экономике искусственного интеллекта.

В отличие таких работ, как: Erasmus et al. [12], Queiroz et al. [32. С. 1075], Yoon [38. С. 56], в данной статье обосновано, что использование искусственного интеллекта целесообразно не только для организации внутреннего управления бизнесом, но и для организации внешнего управления бизнесом, включая аутсорсинг. Для этого рекомендован «умный» аутсорсинг, предполагающий опору на искусственный интеллект и «умные» технологии во всех бизнес-операциях, связанных с аутсорсингом, включая принятие решений об аутсорсинге, выбор поставщика аутсорсинговых услуг, смена организационной модели при аутсорсинге, а также управление персоналом на аутсорсинге.

В отличие от научных трудов Agarwal et al. [6], Furszyfer Del Rio et al. [14], Popkova et al. [31] в данной работе доказано, что опора на собственный искусственный интеллект не обязательна. Вместо этого возможен аутсорсинг искусственного интеллекта, в том числе для целей «умного» аутсорсинга, который становится массово доступным и еще более эффективным.

Вклад научной статьи в литературу состоит в переосмыслении сущности и роли аутсорсинга в экономике искусственного интеллекта. Полученные результаты отразили аутсорсинг в новом свете, который впервые представлен не только как инструмент, но так же, как объект автоматизации. Ключевой вывод исследования заключается в том, что в экономике искусственного интеллекта гуманизация предпринимательства может обеспечиваться с помощью «умного» аутсорсинга, который более предпочтителен по сравнению с традиционным аутсорсингом в силу своей повышенной гибкости, рациональности и эффективности.

Заключение

Итак, можно сказать, что проведенное исследование заполнило выявленные пробелы в литературе, предоставило ответы на поставленные исследовательские вопросы (RQs) и доказало выдвинутые гипотезы (H1 и H2). В качестве ответа на RQ1 авторы доказали гипотезу H1 и на примере опыта компаний из рейтинга “Global-500” в 2022 г. обосновали, что аутсорсинг востребован в предпринимательстве в экономике искусственного интеллекта, и целесообразно его массовое применение. Аутсорсинг позволяет увеличить вклад человеческих ресурсов в прибыль, который при содержании работников в основном штате бизнеса гораздо меньше вклада работников в доходы компаний.

В качестве ответа на RQ2 доказана гипотеза H2 и обосновано, что искусственный интеллект позволяет осуществлять «умный» аутсорсинг, преимуществами которого являются повышенная гибкость и эффективность, позволяющие наиболее полно

раскрыть потенциал вклада аутсорсинга в гуманизацию предпринимательства.

Преимущества «умного» аутсорсинга выявлены во всем спектре связанных с аутсорсингом бизнес-операций. «Умный» аутсорсинг обеспечивает более совершенный подход к управлению человеческими ресурсами (HRM) – ESG-управление человеческими ресурсами. Интеллектуальная поддержка принятия решений об аутсорсинге поддерживает гуманизацию предпринимательства через гармоничное сочетание корпоративной социальной ответственности и экономической эффективности бизнеса.

«Умная» – наиболее полная аналитика рынка аутсорсинга и «умное» организационное проектирование позволяют максимально смягчить социальные последствия перевода работников на аутсорсинг, включая удаленную занятость. Машинное зрение обеспечивает индивидуальный подход к управлению персоналом на аутсорсинге, а также стимулирует «здоровую» конкуренцию работников. Новый подход к внедрению искусственного интеллекта, основанный на его аутсорсинге, делает «умный» аутсорсинг массово доступным, в том числе, для субъектов малого и среднего предпринимательства и для местного бизнеса.

Тем самым решена поставленная проблема и доказано, что «умный» аутсорсинг позволяет сохранять существующую и налаживать новую связь между работниками и бизнесом. «Умный» аутсорсинг подстраивается не только под потребности бизнеса, но и под особенности каждого работника. Он может принимать форму удаленной занятости, которая в условиях пандемии и кризиса COVID-19 успешно применялась для сохранения социального капитала бизнеса и поддержки занятости.

«Умный» аутсорсинг поддерживает дальнейшую эволюцию человеческих ресурсов, которые становятся индивидуализированным социальным капиталом, за который начинают конкурировать предприятия. Это принципиально меняет ситуацию на рынке труда – на смену стремления работников к сохранению текущих условий занятости

приходит конкуренция предприятий за сохранение предоставляемых им на условиях аутсорсинга кадров и сформированных из них профессиональных команд. Благодаря этому корпоративные знания и человеческие ресурсы становятся еще более ценными для бизнеса. «Умный» аутсорсинг позволяет перевести корпоративную социальную ответственность из разряда ограничителя в разряд источника эффективности предприятия. Это открывает новые перспективы для гуманизации предпринимательства.

Теоретическая значимость сделанных выводов заключается в уточнении специфики аутсорсинга в экономике искусственного интеллекта, а также в обосновании предпочтительности и в обеспечении научной методологии осуществления «умного» аутсорсинга. Практическая значимость полученных результатов связана с тем, что предложенные практические рекомендации по осуществлению «умного» аутсорсинга позволяют повысить эффективность предпринимательской деятельности и повысить устойчивость бизнеса к экономическим кризисам, поддерживают экономический рост через «умный» аутсорсинг.

Социальная значимость работы объясняется тем, что она сформировала научное видение и обозначила перспективы гармоничной и сбалансированной практической реализации ЦУР 8 и ЦУР 9 через раскрытие потенциала гуманизации предпринимательства в экономике искусственного интеллекта на базе «умного» аутсорсинга.

В качестве ограничения полученных результатов выступает социальный ракурс изучения «умного» аутсорсинга с позиций гуманизации предпринимательства в экономике искусственного интеллекта. С позиций выбранного ракурса статья осветила организационные вопросы и социальные преимущества «умного» аутсорсинга в аспекте корпоративной социальной ответственности. При этом технические вопросы остались за пределами проведенного исследования – их раскрыть предстоит будущим научным изысканиям.

Литература:

1. Иншакова А.О. Распределенные реестры в интернет-торговле как ключевые технологии Индустрии 4.0 и объект правового регулирования // Legal Concept = Правовая парадигма. 2023. Т. 22. № 2. С. 91–101. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.12>.

2. Матыцин Д. Е. Развитие правового регулирования ключевых технологий Индустрии 4.0: цифровые токены как особые инвестиционные инструменты // *Legal Concept = Правовая парадигма*. 2023. Т. 22. № 2. С. 109–113. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.14>.
3. «Умный» сервис. Услуга аутсорсинга IT-инфраструктуры // URL: <https://www.umserv.ru>.
4. Abedi M., Monshizadeh M., Shekari G.A. The review rate of taxpayers satisfaction from tax processes outsourcing (case study: Tax affaires offices' of subassistance of Sabzevar's tax incooms) // *Advances in Environmental Biology*. 2014. 8 (13). P. 1226-1232.
5. Abzalava, A., Javelidze, N. Business Humanization and Order: an Interdisciplinary Approach from the Perspective of Order Theory // *Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences*. 2021. 15(4). P. 176-181.
6. Agarwal, P., Swami, S., Malhotra, S.K. Artificial Intelligence Adoption in the Post COVID-19 New-Normal and Role of Smart Technologies in Transforming Business: a Review // *Journal of Science and Technology Policy Management*. 2022. DOI: <https://doi.org/10.1108/JSTPM-08-2021-0122>.
7. Annarelli, A., Fonticoli, L.F., Nonino, F., Palombi, G. An Evaluation Model Supporting IT Outsourcing Decision for Organizations // *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2022. Vol. 508. P. 710-734. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-10467-1_43.
8. Bluma, L. "Humanization of work": A watershed in German hard coal mining? In L. Bluma, M. Farrenkopf, T. Meyer (Eds) // *Boom - Crisis - Heritage: King Coal and the Energy Revolutions after 1945*. 2021. P. 101-106. De Gruyter Oldenbourg. DOI: <https://doi.org/978-311072994-8, 978-311073476-8>.
9. Braunert, M.B., Figueiredo, I.S. Outsourcing and precariousness in Brazil's electric sector [Externalisation et précarité dans le secteur électrique Brésilien] // *Caderno CRH, Salvador*. Vol. 34. P. 1-16, e021012. 2021. DOI: <https://doi.org/10.9771/ccrh.v34i0.35938>.
10. Chanda, U., Goyal, P. A Bayesian network model on the interlinkage between Socially Responsible HRM, employee satisfaction, employee commitment and organizational performance // *Journal of Management Analytics*. 2020. 7(1). P. 105-138. DOI: <https://doi.org/10.1080/23270012.2019.1650670>.
11. Cheung, A.K.-L., Kim, E.H.-W. Domestic Outsourcing in an Ultra-Low Fertility Context: Employing Live-in Domestic Help and Fertility in Hong Kong // *Population Research and Policy Review*. 2022. 41(4). P. 1597-1618. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11113-022-09709-3>.
12. Erasmus, J., Vanderfeesten, I., Traganos, K., Keulen, R., Grefen, P. The HORSE project: The application of business process management for flexibility in smart manufacturing // *Applied Sciences (Switzerland)*. 2020. 10(12). DOI: <https://doi.org/10.3390/APP10124145>.
13. Fortune. Global-500. URL: <https://fortune.com>.
14. Furszyfer Del Rio, D.D., Sovacool, B.K., Bergman, N., Makuch, K.E. Critically reviewing smart home technology applications and business models in Europe // *Energy Policy*. 2020. 144, 111631. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2020.111631>.
15. Greu, C., Thompson, R., Gowthaman, V., (...), Williams, N., Prendiville, A. A visualisation tool to understand disease prevention and control practices of stakeholders working along the poultry supply chain in southern India // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2022. 9 (1). DOI: <https://doi.org/10.1057/s41599-022-01188-3>.
16. He, J., Kim, H. The effect of socially responsible hrn on organizational citizenship behavior for the environment: A proactive motivation model // *Sustainability (Switzerland)*. 2021. 13(14), 7958. DOI: <https://doi.org/10.3390/su13147958>.
17. Iannuzzi, F.E., Sacchetto, D. Outsourcing and workers' resistance practices in Venice's hotel industry: The role of migrants employed by cooperatives // *Economic and Industrial Democracy*. 2022. 43(2). P. 877-897. DOI: <https://doi.org/10.1177/0143831X20960227>.
18. Inshakova, A.O., Anisimov, A.P. Legal Regulation of the Development of Renewable Energy Sources in Russia, the BRICS, and EAEU Countries // *Smart Innovation, Systems and Technologies*. 2022. 254. P. 369-383. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_30.
19. Inshakova, A.O., Goncharov, A.I., Goncharova, M.V. Priorities and Principles for the Development of the Space for the Use of New-Industrial Digital Technologies 4.0 by Foreign Trade Companies of the EAEU and the BRICS Member States // *Smart Innovation, Systems and Technologies*. 2022. 254. P. 251-261. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_21.
20. Inshakova, A.O., Goncharov, A.I., Matytsin, D.E. Development of Legal Regulation of Key Technologies for the Implementation of the Fourth Industrial Revolution: Digital Tokens as Special Investment Instruments // *Smart Innovation, Systems and Technologies*. 2022. 288. P. 321–330. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-9808-8_34.
21. Inshakova, A.O., Goncharov, A.I., Salikov, D.A. Electronic-Digital Smart Contracts: Modernization of Legal Tools for Foreign Economic Activity // *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2020. 91. P. 3-13. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-32015-7_1.
22. IQITO. «Smart» outsourcing. URL: <https://iqito.ru>.

23. Joshi, C.S., Raman, A.V. Perils and Paradoxes of Outsourcing: An Ethnographic Study Exploring Hopes and Dissonances Emanating from IT Employment in India // *Management and Labour Studies*. 2022. DOI: <https://doi.org/10.1177/0258042X221097808>.
24. Kormanáková, V., Rypáková, M. Outsourcing in logistics // *Transport Means - Proceedings of the International Conference 2014-January*. P. 27-30.
25. Leader Team. Innovation changes everything: smart outsourcing here and now. URL: <https://leaderteam.ru/blog/articles/innovation-changes-all>.
26. Li, H., Wang, X., Peng, J. A hybrid differential evolution algorithm for flexible job shop scheduling with outsourcing operations and job priority constraints // *Expert Systems with Applications*. 2022. 201. P. 117-182. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2022.117182>.
27. Malik, M.A., Singh, S.P., Jyoti, J., Pattanaik, F. Work stress, health and wellbeing: evidence from the older adults labor market in India // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2022. 9(1). DOI: <https://doi.org/10.1057/s41599-022-01192-7>.
28. Matytsin, D.E. Blockchain turnover of securities placed for financing foreign trade transactions by the business entities under the jurisdiction of the EEU and BRICS // *Advances in Research on Russian Business and Management* 2022. P. 363–373.
29. Matytsin, D.E. Digital Technologies of the Bank of Russia for Regulating Investment Relations // *Smart Innovation, Systems and Technologies*. 2022. 254. P. 227–240. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_19.
30. Moreno, Á.J. A Historical Perspective on Entrepreneurship and Business Humanization: From the Eighteenth Century to the Present // *Issues in Business Ethics*. 2022. 53. P. 461-471. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-72204-3_32.
31. Popkova, E., Bogoviz, A.V., Sergi, B.S. Towards digital society management and 'capitalism 4.0' in contemporary Russia // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2021. 8(1):77. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41599-021-00743-8>.
32. Queiroz, M.M., Fosso Wamba, S., Machado, M.C., Telles, R. Smart production systems drivers for business process management improvement: An integrative framework // *Business Process Management Journal*. 2020. 26(5). P. 1075-1092. DOI: <https://doi.org/10.1108/BPMJ-03-2019-0134>.
33. Ramos-González, M.M., Rubio-Andrés, M., Sastre-Castillo, M.Á. Effects of socially responsible human resource management (SR-HRM) on innovation and reputation in entrepreneurial SMEs // *International Entrepreneurship and Management Journal*. 2022. 18(3). P. 1205-1233. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11365-020-00720-8>.
34. Reza-Gharehbagh, R., Hafezalkotob, A., Makui, A., Sayadi, M.K. Financing green technology development and role of digital platforms: Insourcing vs. outsourcing // *Technology in Society*. 2022. 69:101967. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2022.101967>.
35. Sobhani, F.A., Haque, A., Rahman, S. Socially responsible hrm, employee attitude, and bank reputation: The rise of CSR in Bangladesh // *Sustainability (Switzerland)*. 2021. 13(5). 2753: P. 1-17. DOI: <https://doi.org/10.3390/su13052753>.
36. Su, J., Huang, H., Li, G., Li, X., Hao, Z. Self-Organizing Neural Scheduler for the Flexible Job Shop Problem With Periodic Maintenance and Mandatory Outsourcing Constraints // *IEEE Transactions on Cybernetics*. 2022. DOI: <https://doi.org/10.1109/TCYB.2022.3158334>.
37. Ulewicz, R. Outsourcing quality control in the automotive industry // *MATEC Web of Conferences* 183. 2018. DOI: <https://doi.org/10.1051/mateconf/201818303001>.
38. Yoon, C.Y. Measurement of enterprise smart business performance on a smart business management // *IEICE Transactions on Information and Systems*. 2021. E104D(1). P. 56-62. DOI: <https://doi.org/10.1587/transinf.2020MPP0002>.
39. Zhai, F., Yang, T., Zhao, B., Chen, H. Privacy-Preserving Outsourcing Algorithms for Multidimensional Data Encryption in Smart Grids // *Sensors*. 2022. 22(12). 4365. DOI: <https://doi.org/10.3390/s22124365>.
40. Zhao, H., Zhou, Q., He, P., Jiang, C. How and When Does Socially Responsible HRM Affect Employees' Organizational Citizenship Behaviors Toward the Environment? // *Journal of Business Ethics*. 2021. 169(2). P. 371-385. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10551-019-04285-7>.

«SMART» OUTSOURCING: HUMANIZING ENTREPRENEURSHIP IN THE AI ECONOMY

Introduction. The study focuses on the problem of optimizing human resource management with systematic coverage of economic efficiency and corporate social responsibility. The purpose of the article is to investigate the role of outsourcing in humanizing en-

trepreneurship in the AI economy. The potential of outsourcing in the development of entrepreneurship in the artificial intelligence economy is substantiated through econometric modeling using the method of regression analysis on the example of companies from

the "Global-500" in 2022. Prospective directions of development of "smart" outsourcing in support of humanization of entrepreneurship in the economy with the help of the method of comparative analysis are determined through the identification of its advantages in comparison with traditional outsourcing for humanization of entrepreneurship. Using the case study method, successful examples of smart outsourcing in various business operations of entrepreneurship are systematized.

Materials and methods. The article relies on the quantitative-qualitative methodology in accordance with the systemic approach to form the most complete and reliable picture of the use of outsourcing in entrepreneurship in the artificial intelligence economy. The research in the paper is conducted at the micro level of the AI economy in the study of entrepreneurship practices. The fundamental basis of the research conducted in this article was formed by the Human Resource Management (HRM) Theory. The authors used both general scientific and private-scientific methods of cognition, among which we can distinguish dialectical, comparative, structural and functional, etc.

Results of the study. The obtained results develop and supplement the scientific provisions of the Theory of Human Resource Management (HRM). As a result of the research, the authors of the article proved that the application of outsourcing should not be limited to individual cases, and it is advisable to mass application of outsourcing to improve the efficiency of human resource management in entrepreneurship. Thereby, the key role of outsourcing in realizing SDG8 in the AI economy is substantiated. The contribution of the article to science is to redefine the

essence and role of outsourcing in the AI economy. The results reflect outsourcing in a new light, which for the first time is presented not only as a tool, but also as an object of automation.

Discussion and Conclusion. The key conclusion is that in the artificial intelligence economy the humanization of entrepreneurship can be ensured through smart outsourcing, which is more preferable to traditional outsourcing due to its increased flexibility, rationality and efficiency. The theoretical significance lies in clarifying the specifics of outsourcing in the artificial intelligence economy, as well as in justifying the preference and in providing a scientific methodology for the implementation of smart outsourcing. Practical significance is related to the fact that the proposed practical recommendations for the implementation of "smart" outsourcing can improve the efficiency of business activities and increase business resilience to economic crises, support economic growth through smart outsourcing.

Denis E. Matytsin,
Doctor of Law, Candidate of Economic
Sciences, Professor of the Department
of Civil and International Private Law
(Basic Department of the UNC RAS),
Volgograd State University, Russia

Agnessa O. Inshakova,
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Civil
and International Private Law (Basic
Department of the UNC RAS),
Volgograd State University, Russia

Ключевые слова:

«умный» аутсорсинг, гуманизация
предпринимательства, экономика
искусственного интеллекта, корпоративная
социальная ответственность, ЦУР 8, ЦУР 9.

Keywords:

«smart» outsourcing, humanization of
entrepreneurship, artificial intelligence
economy, corporate social responsibility,
SDG 8, SDG 9.

References:

1. Inshakova, A.O., 2023. Raspredelelynye reestry v internet-torgovle kak klyuchevye tekhnologii Industrii 4.0 i ob"ekt pravovogo regulirovaniya [Distributed registries in Internet commerce as key technologies of Industry 4.0 and an object of legal regulation]. *Legal Concept = Legal paradigm*. Vol. 22. №. 2. P. 91-101. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.12>.
2. Matytsin, D.E., 2023. Razvitie pravovogo regulirovaniya klyuchevykh tekhnologij Industrii 4.0: cifrovye tokeny kak osobyie investicionnye instrumenty [Development of legal regulation of key technologies of Industry 4.0: digital tokens as special investment instruments]. *Legal Concept = Legal paradigm*. Vol. 22. №. 2. P. 109-113. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.14>.
3. «Umnyj» servis, 2022. Usluga outsorsinga IT-infrastruktury ["Smart" service. The servant of outsourcing IT infrastructure]. URL: <https://www.umserv.ru/services/servis-it-infrastruktury/>
4. Abedi, M., Monshizadeh, M., Shekari, G.A., 2014. The review rate of taxpayers satisfaction from tax processes outsourcing (case study: Tax affaires offices' of subassistance of Sabzevar's tax incooms). *Advances in Environmental Biology*. 8(13): P. 1226-1232.

5. Abbralava, A., Javelidze, N., 2021. Business Humanization and Order: an Interdisciplinary Approach from the Perspective of Order Theory. *Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences*. 15(4): P. 176-181.
6. Agarwal, P., Swami, S., Malhotra, S.K., 2022. Artificial Intelligence Adoption in the Post COVID-19 New-Normal and Role of Smart Technologies in Transforming Business: a Review. *Journal of Science and Technology Policy Management*. DOI: <https://doi.org/10.1108/JSTPM-08-2021-0122>.
7. Annarelli, A., Fonticoli, L.F., Nonino, F., Palombi, G., 2022. An Evaluation Model Supporting IT Outsourcing Decision for Organizations. *Lecture Notes in Networks and Systems* 508 LNNS: P. 710-734. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-10467-1_43.
8. Bluma, L., 2021. "Humanization of work": A watershed in German hard coal mining? In L. Bluma, M. Farrenkopf, T. Meyer (Eds) *Boom - Crisis - Heritage: King Coal and the Energy Revolutions after 1945*. P. 101-106. *De Gruyter Oldenbourg*. DOI: <https://doi.org/978-311072994-8>, [978-311073476-8](https://doi.org/978-311073476-8).
9. Braunert, M.B., Figueiredo, I.S., 2021. Outsourcing and precariousness in Brazil's electric sector | [Externalisation et précarité dans le secteur électrique Brésilien]. *Caderno CRH* 34:e021012. DOI: <https://doi.org/10.9771/ccrh.v34i0.35938>.
10. Chanda, U., Goyal, P., 2020. A Bayesian network model on the interlinkage between Socially Responsible HRM, employee satisfaction, employee commitment and organizational performance. *Journal of Management Analytics*. 7(1). P. 105-138. DOI: <https://doi.org/10.1080/23270012.2019.1650670>.
11. Cheung, A.K.-L., Kim, E.H.-W., 2022. Domestic Outsourcing in an Ultra-Low Fertility Context: Employing Live-in Domestic Help and Fertility in Hong Kong. *Population Research and Policy Review*. 41(4). P. 1597-1618. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11113-022-09709-3>.
12. Erasmus, J., Vanderfeesten, I., Traganos, K., Keulen, R., Grefen, P., 2020. The HORSE project: The application of business process management for flexibility in smart manufacturing. *Applied Sciences (Switzerland)*. 10(12). 4145. DOI: <https://doi.org/10.3390/APP10124145>.
13. Fortune, 2022. Global-500. URL: <https://fortune.com/fortune500>.
14. Furszyfer Del Rio, D.D., Sovacool, B.K., Bergman, N., Makuch, K.E., 2020. Critically reviewing smart home technology applications and business models in Europe. *Energy Policy*. 144:111631. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2020.111631>.
15. Greu, C., Thompson, R., Gowthaman, V., (...), Williams, N., Prendiville, A., 2022. A visualisation tool to understand disease prevention and control practices of stakeholders working along the poultry supply chain in southern India. *Humanities and Social Sciences Communications*. 9(1):169. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41599-022-01188-3>.
16. He, J., Kim, H., 2021. The effect of socially responsible hrM on organizational citizenship behavior for the environment: A proactive motivation model. *Sustainability (Switzerland)*. 13(14) 7958. DOI: <https://doi.org/10.3390/su13147958>.
17. Iannuzzi, F.E., Sacchetto, D., 2022. Outsourcing and workers' resistance practices in Venice's hotel industry: The role of migrants employed by cooperatives. *Economic and Industrial Democracy*. 43(2). P. 877-897. DOI: <https://doi.org/10.1177/0143831X20960227>.
18. Inshakova, A.O., Anisimov, A.P., 2022. Legal Regulation of the Development of Renewable Energy Sources in Russia, the BRICS, and EAEU Countries. *Smart Innovation, Systems and Technologies*. 254. P. 369-383. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_30.
19. Inshakova, A.O., Goncharov, A.I., Goncharova, M.V., 2022. Priorities and Principles for the Development of the Space for the Use of New-Industrial Digital Technologies 4.0 by Foreign Trade Companies of the EAEU and the BRICS Member States. *Smart Innovation, Systems and Technologies*. 254. P. 251-261. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_21.
20. Inshakova, A.O., Goncharov, A.I., Matytsin, D.E., 2022. Development of Legal Regulation of Key Technologies for the Implementation of the Fourth Industrial Revolution: Digital Tokens as Special Investment Instruments. *Smart Innovation, Systems and Technologies*. 288. P. 321-330. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-9808-8_34.
21. Inshakova, A.O., Goncharov, A.I., Salikov, D.A., 2020. Electronic-Digital Smart Contracts: Modernization of Legal Tools for Foreign Economic Activity. *Lecture Notes in Networks and Systems*. 91. P. 3-13. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-32015-7_1.
22. IQITO, 2022. «Smart» outsourcing. URL: <https://iqito.ru>.
23. Joshi, C.S., Raman, A.V., 2022. Perils and Paradoxes of Outsourcing: An Ethnographic Study Exploring Hopes and Dissonances Emanating from IT Employment in India. *Management and Labour Studies*. DOI: <https://doi.org/10.1177/0258042X221097808>.
24. Kormanáková, V., Rypáková, M., 2014. Outsourcing in logistics. *Transport Means - Proceedings of the International Conference*. 2014-January. P. 27-30.
25. Leader Team. Innovation changes everything: smart outsourcing here and now. URL: <https://leaderteam.ru/blog/articles/innovation-changes-all>.

26. Li, H., Wang, X., Peng, J., 2022. A hybrid differential evolution algorithm for flexible job shop scheduling with outsourcing operations and job priority constraints. *Expert Systems with Applications*. 201. P. 117-182. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2022.117182>.
27. Malik, M.A., Singh, S.P., Jyoti, J., Pattanaik, F., 2022. Work stress, health and wellbeing: evidence from the older adults labor market in India. *Humanities and Social Sciences Communications*. 9(1). 204. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41599-022-01192-7>.
28. Matytsin, D.E., 2022. Blockchain turnover of securities placed for financing foreign trade transactions by the business entities under the jurisdiction of the EEU and BRICS. *Advances in Research on Russian Business and Management*. 2022: P. 363–373.
29. Matytsin, D.E., 2022. Digital Technologies of the Bank of Russia for Regulating Investment Relations. *Smart Innovation, Systems and Technologies*. 254. P. 227–240. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-4621-8_19.
30. Moreno, Á.J., 2022. A Historical Perspective on Entrepreneurship and Business Humanization: From the Eighteenth Century to the Present. *Issues in Business Ethics*. 53. P. 461-471. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-72204-3_32.
31. Popkova, E., Bogoviz, A.V., Sergi, B.S., 2021. Towards digital society management and 'capitalism 4.0' in contemporary Russia. *Humanities and Social Sciences Communications*. 8(1). 77. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41599-021-00743-8>.
32. Queiroz, M.M., Fosso Wamba, S., Machado, M.C., Telles, R., 2020. Smart production systems drivers for business process management improvement: An integrative framework. *Business Process Management Journal*. 26(5). P. 1075-1092. DOI: <https://doi.org/10.1108/BPMJ-03-2019-0134>.
33. Ramos-González, M.M., Rubio-Andrés, M., Sastre-Castillo, M.Á., 2022. Effects of socially responsible human resource management (SR-HRM) on innovation and reputation in entrepreneurial SMEs. *International Entrepreneurship and Management Journal*. 18(3). P. 1205-1233. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11365-020-00720-8>.
34. Reza-Gharehbagh, R., Hafezalkotob, A., Makui, A., Sayadi, M.K., 2022. Financing green technology development and role of digital platforms: Insourcing vs. outsourcing. *Technology in Society*. 69. 101967. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2022.101967>.
35. Sobhani, F.A., Haque, A., Rahman, S., 2021. Socially responsible hrm, employee attitude, and bank reputation: The rise of CSR in Bangladesh. *Sustainability (Switzerland)*. 13(5). 2753. P. 1-17. DOI: <https://doi.org/10.3390/su13052753>.
36. Su, J., Huang, H., Li, G., Li, X., Hao, Z., 2022. Self-Organizing Neural Scheduler for the Flexible Job Shop Problem With Periodic Maintenance and Mandatory Outsourcing Constraints. *IEEE Transactions on Cybernetics*. DOI: <https://doi.org/10.1109/TCYB.2022.3158334>.
37. Ulewicz, R., 2018. Outsourcing quality control in the automotive industry. *MATEC Web of Conferences*. 183. DOI: <https://doi.org/10.1051/mateconf/201818303001>.
38. Yoon, C.Y., 2021. Measurement of enterprise smart business performance on a smart business management. *IEICE Transactions on Information and Systems*. E104D(1). P. 56-62. DOI: <https://doi.org/10.1587/transinf.2020MPP0002>.
39. Zhai, F., Yang, T., Zhao, B., Chen, H., 2022. Privacy-Preserving Outsourcing Algorithms for Multidimensional Data Encryption in Smart Grids. *Sensors*. 22(12). 4365. DOI: <https://doi.org/10.3390/s22124365>.
40. Zhao, H., Zhou, Q., He, P., Jiang, C., 2021. How and When Does Socially Responsible HRM Affect Employees' Organizational Citizenship Behaviors Toward the Environment? *Journal of Business Ethics*. 169(2). P. 371-385. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10551-019-04285-7>.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В НАЛОГООБЛОЖЕНИИ

Марина Моисеенко*
Ольга Короткова**

DOI 10.24833/2073-8420-2024-2-71-59-66

Введение. В статье предпринята попытка определить факторы, оказавшие влияние на декриминализацию современной уголовно-правовой политики в налогообложении и ее степень влияния на состояние налоговой дисциплины и налоговой безопасности в целом. В статье анализируется влияние изменений уголовного законодательства, о необходимости которых было указано в Посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию в 2023¹ и 2024 годах², на финансовую безопасность государства в двух аспектах: 1) иерархической взаимосвязи между уголовной политикой и уголовной политикой в налогообложении; 2) соотношения уголовной политики в налогообложении и бюджетно-налоговой политики. Особое внимание уделено влиянию изменений отдельных норм УК РФ по налоговым составам преступлений в сторону декриминализации законодательства на показатели налоговой преступности.

Материалы и методы. При написании статьи применялись общенаучные методы (анализ, синтез, логический метод) и частно-правовые методы (правовое моделирование, правовое прогнозирование, правовая статистика).

* **Моисеенко Марина Анатольевна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия
e-mail: m_a_moiseenko@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-9367-1393

** **Короткова Ольга Валерьевна**, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия
e-mail: oklusy@mail.ru
ORCID ID: 0009-0009-8616-6768

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.02.2023 // СПС Консультант Плюс

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 // СПС Консультант Плюс

***Результаты исследования.** Анализ последних изменений в уголовном законодательстве позволил уточнить значение актуальной уголовно - правовой политики в налоговой сфере, а также в структуре национальной безопасности и финансовой устойчивости государства.*

***Обсуждение и заключение.** Уголовно - правовая политика в налогообложении - это динамичное явление, основанное на: 1) органичном применении подхода «криминализация-декриминализация» в сочетании с иными мерами принуждения, предусмотренными налоговым и административным законодательством; 2) выявлении причин и закономерностей, лежащих в основе преступных деяний. Налоговая безопасность, обеспеченная эффективным налоговым контролем и принуждением в налоговой сфере, позволяет смягчать уголовно-правовую политику в налогообложении. К числу основных факторов, оказывающих влияние на уголовную политику в налогообложении, относятся параметры бюджетной и налоговой политики, эффективность налогового администрирования, включая цифровизацию.*

Введение

На протяжении последних лет в фокусе внимания как хозяйствующих субъектов, так и правоохранительных органов находится тенденция декриминализации уголовной политики в сфере налогообложения. С точки зрения налогоплательщиков - это положительная тенденция. Однако возникают риски игнорирования налогоплательщиками требований налогового законодательства с вытекающими негативными для бюджета последствиями. Поскольку общественные отношения в сфере налогообложения традиционно характеризуются высокой степенью конфликтности, обусловленной зачастую несовпадением интересов участников налоговых правоотношений, то актуальны следующие проблемы: определение факторов, оказывающих влияние на уголовно - правовую политику в налогообложении; соотношение послаблений в уголовном наказании и налоговой дисциплине.

Исследование

Российская уголовно-правовая политика, функции и задачи которой определяются государством, реализуется в изменениях уголовного законодательства [1. С. 346; 6] и направлена, в том числе, «на либерализацию, гуманизацию и оптимизацию уголов-

ных репрессий» [1. С 348; 6]. В свою очередь, современная уголовная политика в налогообложении, как часть уголовно-правовой политики, определяет наиболее эффективные на конкретный момент исторического развития методы и формы деятельности государства, направленные на защиту от преступных явлений в налоговой сфере и обеспечение налоговой безопасности, которая рассматривается в литературе в аспекте безопасности состояния бюджетной системы [4], обеспечивающей «гарантированное поступление налоговых платежей в бюджеты бюджетной системы» [4], несмотря на риски нарушений законодательства о налогах и сборах субъектами налоговых правоотношений, включающие налоговые преступления.

С учетом роли и значения налогообложения в деятельности государства и муниципальных образований, его несомненного влияния на различные сферы социальной действительности, возможно рассматривать уголовную политику в данной сфере в нескольких аспектах. Во-первых, как часть уголовной политики Российской Федерации, обеспечивающей национальную безопасность и, во-вторых, в аспекте изменений бюджетно-налоговой политики.

Для анализа первого аспекта уголовной политики в налогообложении обратимся к документам стратегического планирования Российской Федерации³. В «Стратегии национальной безопасности Российской

³ См.: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»// <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>; Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // www.kremlin.ru/acts/bank/41921

Федерации»⁴ указано, что «система обеспечения национальной безопасности - совокупность осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов публичной власти и находящихся в их распоряжении инструментов»⁵, а в числе целей обеспечения государственной и общественной безопасности намечено «снижение уровня преступности в экономической сфере»⁶, в том числе в финансовой и налоговой. Таким образом, очевидно, что уголовная политика в налогообложении не должна способствовать росту налоговой преступности.

Об угрозе экономических преступлений подчеркивается также и в «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»⁷ (далее - Стратегия), определяя в числе основных задач «устойчивого развития национальной финансовой системы»⁸ - «обеспечение устойчивости и сбалансированности бюджетной системы Российской Федерации, в том числе государственных внебюджетных фондов»⁹. Эта задача обеспечивается также минимизацией числа налоговых преступлений. Но при этом в указанной Стратегии выделяется, что в целях реализации баланса публичных и частных интересов в экономике страны необходима «оптимизация регулятивной и налоговой нагрузки на хозяйствующие субъекты»¹⁰, что должно оказать влияние на снижение конфликтности в налоговых отношениях. Таким образом, в данном документе акцентируется роль и значение параметров налоговой системы, которые закладываются не в уголовной, а именно в бюджетно-налоговой политике государства.

Второй этап реализации указанной выше Стратегии¹¹ (2019-2030 гг.) совпал с широкомасштабным введением антироссийских экономических санкций и иными негативными угрозами и рисками. Характерно, что в данном программном документе, наряду с иными целями, именно «недопуще-

ние снижения качества жизни населения»¹² обозначено в качестве «целеполагания государства в общей системе обеспечения экономической безопасности»¹³, что подчеркивает значение не только фискальной функции налогов, но и перераспределительной, социальной и пр., т.е. полифункциональность налогов. Следовательно, и рост налоговой преступности, как риск - фактор недополучения налоговых доходов бюджетов оказывает влияние на качество жизни населения.

Таким образом, долгосрочное обеспечение финансовой безопасности и финансовой устойчивости государства и муниципальных образований относится к одной из стратегических целей национальной безопасности Российской Федерации, в основу создания правового механизма обеспечения которой заложен системный подход. Это позволило выделить в научной литературе последних лет отдельное направление «финансовая безопасность» [2], изучить показатели устойчивости и защищенности финансовой системы, соотношение экономической безопасности и национальной безопасности [2], поскольку именно «состояние защищенности финансовой системы позволяет осуществлять непрерывное и достаточное финансирование публичных расходов даже в условиях внутренних и внешних финансово-экономических угроз на основе использования денежных средств бюджетов, иных публичных фондов, включая золотовалютные резервы» [3. С. 64]. Следовательно, при системном подходе к экономической безопасности, налоговая безопасность справедливо может рассматриваться как составная часть экономической безопасности и, соответственно, должна обеспечиваться соответствующей эффективной уголовной политикой.

В литературе достаточно внимания уделяется уголовной политике в области обеспечения финансовой безопасности и предлагается ее рассматривать, как

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»// <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 "О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года" //www.kremlin.ru/acts/bank/41921

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

«самостоятельный вид (направление) российской уголовной политики - это выработанная на научной основе система принципов, политико-правовых предписаний, правовых и иных социальных норм антикриминального характера, которые реализовываются в деятельности уполномоченных органов государственной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества, направлены на противодействие финансовой преступности и ее предупреждение, а также минимизацию и возмещение причиненного вреда» [6; 7]. Полагаем, что уголовная политика в налогообложении это часть уголовной политики в области обеспечения финансовой безопасности, имеющая самостоятельную цель и обеспечивающая эффективное решение задач, указанных в ст. 2 УК РФ¹⁴, в том числе это: «охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности от преступных посягательств и предупреждение преступлений»¹⁵ именно в налоговой сфере.

В качестве способов достижения указанных задач в налоговой сфере уголовным законодательством устанавливаются принципы уголовной ответственности, общественно опасные деяния, признаваемые налоговыми преступлениями, виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение налоговых преступлений.

Таким образом, уголовное законодательство в налоговой сфере имеет задачу обеспечить: 1) соблюдение правопорядка и 2) возмещение ущерба, причиненного государству налоговым преступником. При расследовании налоговых преступлений возникает необходимость применения норм налогового законодательства, регулирующих конкретные налоговые правоотношения, при эффективном взаимодействии следственных и налоговых органов.

Второй аспект, который следует учитывать при определении параметров уголовной политики в сфере налогообложения, связан с соотношением уголовной, бюджетной, налоговой политики. Бюджетно-налоговая политика государства оказывает непосредственное влияние на уголовную политику в налогообложении, поскольку определяет параметры налоговой системы, ключевые

изменения на планируемый период, которые могут привести или к росту налоговых конфликтов, или наоборот, к их снижению. Налоговое законодательство, реагируя на корректировку параметров бюджетно-налоговой политики, определяет систему налогов и сборов, страховых взносов и круг их плательщиков; уровень налоговой нагрузки и налоговые льготы; полномочия органов налогового администрирования и меры налогового принуждения; виды нарушений законодательства о налогах и сборах и ответственность за их совершение и пр. В свою очередь налоговая дисциплина, при нарушении которой уголовное законодательство, наряду с налоговым и административным, обеспечивает соблюдение правопорядка в налоговой сфере, предопределяется не только правосознанием налогоплательщиков, социальной значимостью должного исполнения налоговой обязанности, но и, прежде всего, конкурентноспособностью налоговой системы, уровнем развития налогового администрирования, включая его эффективность, налоговым законодательством. Чем выше уровень налогового администрирования и правовой определенности - тем выше налоговая дисциплина и наоборот. Исключительно ужесточение уголовной политики при несовершенном налоговом законодательстве и налоговом контроле не приведет к снижению уклонений от уплаты налогов. Конечно, и налоговое право исторически активно и эффективно использует метод принуждения в отношении неплательщиков налогов во всем мире. Но уголовная ответственность в налоговой сфере, как крайняя, самая серьезная мера ответственности, играет дополнительную к налоговой и административной ответственности роль, что и определяет конструкцию уголовно-правовых норм и их содержание. Действительно, налоговые преступления, предусмотренные в УК РФ, закрепляют уголовную ответственность за нарушение установленного именно в НК РФ порядка исчисления и уплаты налогов, сборов и страховых взносов, но входят в систему преступлений в сфере экономической деятельности, установленную главой 22 Особенной части УК РФ¹⁶ [8].

Налоговая политика на 2024-25 годы включает в себя целый комплекс мер,

¹⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // СПС Консультант Плюс

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

необходимых для достижения национальных целей. Приоритетом остается «обеспечение стабильных налоговых условий для хозяйствующих субъектов»¹⁷, а также повышение эффективности стимулирующей функции налоговой системы. Например, внесенные в ст. 5 НК РФ поправки¹⁸ предусматривают, что налогоплательщики – участники специальных инвестиционных контрактов имеют право на неизменность условий предоставления налоговых льгот и иных преференций в течение срока действия данного инвестиционного контракта. Большое внимание уделено улучшению качества налогового администрирования, цифровизации налогового контроля, что должно снизить административную нагрузку для налогоплательщиков и конфликтность налоговых отношений. С другой стороны, именно качество налогового администрирования, основанное на законодательстве, с внедрением новых информационных технологий¹⁹ в контрольно-аналитическую деятельность налоговых органов позволило повысить собираемость налоговых доходов бюджетов, что в профилактике налоговых преступлений играет ключевую роль [10]. Например, введены и получили законодательное закрепление единый налоговый счет и единый налоговый платеж, предусмотрена возможность уплаты налога, сбора, недоимки третьим лицом, налоговые органы развивают электронный документооборот, налоговый мониторинг, совершенствуется правовой механизм погашения ущерба от неуплаты налогов для освобождения от уголовной ответственности. В НК РФ включены нормы, расширяющие применение налоговой ответственности, и в то же время совершенствуется досудебное урегулирование налоговых споров. Соотношение публичного и частного интереса в налоговом праве воплощено в полифункциональности налогов, т.е. их способности выполнять не только фискальные функции,

но и перераспределительные и стимулирующие. Министерство финансов Российской Федерации анонсировало корректировку налоговой системы, предусматривающую масштабные стимулирующие налоговые меры в виде налоговых вычетов для ряда категорий физических лиц²⁰, что должно отразиться в поправках в НК РФ.

С учетом эффективности налогового администрирования, основанного на информационно-аналитической составляющей, именно материалы налоговых проверок являются достоверным основанием для возбуждения уголовного дела в случае выявления в ходе налоговых проверок признаков налоговых преступлений. Поэтому обоснованна и логична корректировка уголовной политики в сфере налогообложения²¹, прежде всего, в порядке возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям.

Кроме того, в 2023 году уголовное законодательство по налоговым преступлениям существенно декриминализировано²², что должно способствовать развитию предпринимательской деятельности²³. При полной уплате недоимки, пеней, штрафов по налогам, сборам, страховым взносам, т.е. при возмещении ущерба, причиненного бюджету налоговым преступлением, уголовное дело не возбуждается, а возбужденное должно быть прекращено в связи с возмещением ущерба.

Изменения уголовного законодательства соотносятся с цифрами уголовного судопроизводства по делам о налоговых преступлениях и административных дел о взыскании налогов и сборов. В судебной статистике за 2023 г.²⁴ указаны следующие данные о назначенном наказании по статьям 198-199 УК РФ - всего осуждено 335 человек, из них лишены свободы -15, оштрафованы 180. По итогам первых трех кварталов 2023 г. количество поступивших в суды административных дел о взыскании с граждан налогов и сборов сократилось с 3 млн. 548 тыс. дел до

¹⁷ Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 "О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года" //www.kremlin.ru/acts/bank/41921

¹⁸ ФЗ от 02.08.2019 № 269-ФЗ // СПС Консультант Плюс.

¹⁹ ФЗ от 25.02.2022 № 17-ФЗ "О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Автоматизированная упрощенная система налогообложения // СПС Консультант Плюс.

²⁰ <https://www.interfax.ru>.

²¹ ФЗ от 9 марта 2022 г. № 51-ФЗ// СПС Консультант Плюс

²² ФЗ от 18 марта 2023 г. № 78-ФЗ // СПС Консультант Плюс

²³ Послание Президента Федеральному Собранию. URL: kremlin.ru.

²⁴ <https://stat.xn>.

²⁵ <https://www.vsrp.ru>

727 тыс. дел, а также сократились на 1 млн. 77 тыс. (на 19%) количество дел об административных правонарушениях²⁵.

Уголовная политика в сфере налогообложения является составной частью уголовной политики Российской Федерации в области обеспечения экономической безопасности и финансовой безопасности, в силу значимости налоговых доходов в формировании бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. И конечно, уголовная политика в налогообложении является частью уголовной политики в финансово-бюджетной сфере и направлена на выработку эффективных мер охраны налоговых отношений от противоправных посягательств [9]. Следовательно, для определения места, роли и задач уголовной политики в налоговой сфере в системе уголовной политики возможно предложить следующую классификацию: «уголовная политика» - «уголовная политика в сфере обеспечения национальной безопасности» - «уголовная политика в сфере обеспечения экономической безопасности» - «уголовная политика в обеспечении финансовой безопасности» - «уголовная политика в финансово-бюджетной сфере» - «уголовная политика в налогообложении».

Заключение

Налоговые преступления относятся к преступлениям, посягающим на финан-

совые отношения в области формирования доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации и внебюджетных фондов. Уголовная политика в налогообложении - динамичное явление, органично сочетающее методы криминализации - декриминализации, на которое оказывают влияние такие факторы, как параметры бюджетно-налоговой политики [5], эффективность налогового администрирования, налоговая безопасность, изменение степени общественной опасности деяния налогоплательщика (плательщика сборов), иные меры принуждения, предусмотренные налоговым и административным законодательством, Налоговая безопасность, обеспеченная законодательно закрепленным, эффективным налоговым контролем и принуждением в налоговой сфере, отсутствием правовых лазеек, способствующих совершению налоговых преступлений, позволяет смягчать уголовно-правовую политику в налогообложении. Системный, комплексный, интегрированный в стратегические задачи государства, характер сущности уголовной политики в налогообложении, взаимозависимость с бюджетно-налоговой политикой, предопределяет её функции и основные методы реализации - криминализация и декриминализация отдельных преступных посягательств, что находит отражение в изменениях уголовного законодательства.

Литература:

1. Епифанова Е.В. О составляющих элементах доктрины уголовной политики // Вестник Воронежского государственного университета. 2018. С. 345-355.
2. Кудряшова Е.В. Финансовая безопасность в иерархии целей стратегического планирования в Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 124-138.
3. Кучеров И.И., Поветкина Н.А. Институты финансовой безопасности. М., 2017.
4. Лазарева Н.П., Зуева К.А. Налоговая безопасность: понятие, сущность, цели и функции [Электронный ресурс] // Наука и современность. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru>.
5. Молчанов Е.А. Перспективы бюджетной и налоговой политики на 2023 год и плановый период // Руководитель автономного учреждения. 2022. № 12.
6. Нудель С.Л. Тенденции современной Российской уголовной политики в контексте криминализации // Человек: преступление и наказание. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-sovremennoy-rossiyskoj-ugolovnoy-politiki-v-kontekste-r>
7. Нудель С.Л. Уголовная политика Российской Федерации в области обеспечения финансовой безопасности // Журнал российского права. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/>
8. Уголовно-правовая охрана финансово-бюджетной сферы: научное издание / Под ред. И.И. Кучерова, О.А. Зайцева, С.Л. Нудель. М., 2021.
9. Саттарова Н.А. Проблемы теории финансово-правового принуждения // Правовое государство: теория и практика. 2020.
10. Соловьев И.Н., Моисеенко М.А., Поветкина Н.А. Выявление налоговых преступлений: комплексное исследование. М., 2018.

FACTORS INFLUENCING THE FORMATION OF THE MODERN CRIMINAL LAW POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF TAXATION

Introduction. The article attempts to determine the factors that influenced the decriminalization of modern criminal law policy in taxation and its degree of influence on the state of tax discipline and tax security in general. The article analyzes the impact of changes in criminal legislation, the need for which was indicated in the Messages of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly in 2023 and 2024 on the financial security of the state in two aspects: 1) the hierarchical relationship between criminal policy and criminal policy in taxation; 2) the relationship between criminal policy in taxation and fiscal policy. Particular attention is paid to the impact of changes in certain norms of the Criminal Code of the Russian Federation on tax crimes in the direction of decriminalization of legislation on tax crime indicators.

Materials and methods. When writing the article, general scientific methods (analysis, synthesis, logical method) and private legal methods (legal modeling, legal forecasting, legal statistics) were used.

Research results. Analysis of recent changes in criminal legislation made it possible to clarify the significance of current criminal legal policy in the tax sphere, as well as in the structure of national security and financial stability of the state.

Discussion and conclusion. Criminal legal policy in taxation is a dynamic phenomenon based on: 1) the organic application of the "criminalization - decriminalization" approach in combination with other coercive measures provided for by tax and administrative legislation; 2) identifying the causes

and patterns underlying criminal acts. Tax security, ensured by effective tax control and enforcement in the tax sphere, makes it possible to mitigate criminal legal policies in taxation. The main factors influencing criminal tax policy include the parameters of budget and tax policy, the efficiency of tax administration, including digitalization. The article analyzes the hierarchical relationship between the concepts of "criminal policy" - "criminal policy in the field of ensuring national security" - "criminal policy in the field of ensuring economic security" - "criminal policy in ensuring financial security" - "criminal policy in the financial and budgetary sphere" - "criminal policy in taxation". The factors that influenced the decriminalization of criminal law policy in taxation, such as the parameters and directions of budget and tax policy, the level of tax administration, have been identified.

Marina A. Moiseenko,
Candidate of Science (Law),
Associate Professor of the Department
of Civil Law Disciplines of the Moscow
Academy of the Investigative Committee
named after A.Ya. Sukharev, Moscow,
Russia

Olga V. Korotkova,
Candidate of Science (Law), Senior Lecturer
at the Department of Civil Law Disciplines
of the Moscow Academy of the Investigative
Committee named after A.Ya. Sukharev,
Moscow, Russia

Ключевые слова:

уголовно-правовая политика, налогообложение, национальная безопасность, экономическая безопасность, уголовная политика в финансово-бюджетной сфере, уголовно-правовая политика в налогообложении, расследование налогового преступления, налоговый контроль, налоговое администрирование, бюджетно-налоговая политика.

Keywords:

criminal law policy, taxation, national security, economic security, criminal policy in the financial and budgetary sphere, investigation of tax crimes, tax control, tax administration, budget and tax policy

References:

1. Epifanova E.V., 2018. O sostavlyayushchikh elementakh doktriny ugovnoy politiki [On the constituent elements of the doctrine of criminal policy]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Voronezh State University]*. S. 345-355.

2. Kudryashova E.V., 2019. Finansovaya bezopasnost' v ierarkhii tselei strategicheskogo planirovaniya v Rossiiskoi Federatsii [Financial security in the hierarchy of strategic planning goals in the Russian Federation]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [// *Law. Journal of the Higher School of Economics*]. № 2. S. 124–138.
3. Kucherov I.I., Povetkina N.A., 2017. Instituty finansovoi bezopasnosti [Financial security institutions]. Moscow.
4. Lazareva N.P., Zueva K.A., 2016. Nalogovaya bezopasnost': ponyatie, sushchnost', tseli i funktsii [Tax security: concept, essence, goals and functions]. *Nauka i sovremennost'* [Science and modernity]. URL: <https://cyberleninka.ru>.
5. Molchanov E.A., 2022. Perspektivy byudzhethnoi i nalogovoi politiki na 2023 god i planovyi period [Prospects for budget and tax policy for 2023 and the planning period]. *Rukovoditel' avtonomnogo uchrezhdeniya* [Head of an autonomous institution]. № 12.
6. Nudel' S.L., 2019. Tendentsii sovremennoi Rossiiskoi ugovolnoi politiki v kontekste kriminalizatsii [Trends in modern Russian criminal policy in the context of criminalization]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* [Man: crime and punishment]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-sovremennoy-rossiyskoy-ugolovnoy-politiki-v-kontekste-r>
7. Nudel' S.L., 2021. Ugolovnaya politika Rossiiskoi Federatsii v oblasti obespecheniya finansovoi bezopasnosti [Criminal policy of the Russian Federation in the field of ensuring financial security]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law]. URL: <https://cyberleninka.ru/>
8. Ugolovno-pravovaya okhrana finansovo-byudzhethnoi sfery: nauchnoe izdanie [Criminal legal protection of the financial and budgetary sphere: scientific publication]. *Ed. by I.I. Kucherov, O.A. Zaitsev, S.L. Nudel'*. Moscow, 2021.
9. Sattarova N.A., 2020. Problemy teorii finansovo-pravovogo prinuzhdeniya [Problems of the theory of financial and legal coercion]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* [The Rule-of-Law state: theory and practice].
10. Solov'ev I.N., Moiseenko M.A., Povetkina N.A., 2018. Vyyavlenie nalogovykh prestuplenii: kompleksnoe issledovanie [Identification of tax crimes: a comprehensive study]. Moscow.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Владимир Шаповалов*

DOI 10.24833/2073-8420-2024-2-71-67-75

***Введение.** Инновационная деятельность играет важнейшую роль в современном экономическом развитии. За последние десятилетия исследования в этой области значительно расширились, охватив не только промышленный сектор, но и сферу услуг. Данная статья посвящена изучению различных подходов к оценке инновационной деятельности. В условиях цифровизации произошла существенная трансформация экономических условий. Для полноценной оценки инновационной деятельности необходимо применение комплексных подходов. Современные требования к инновациям продолжают эволюционировать, отражая повышение роли потребителей в оценке качества новой продукции и услуг. В этой связи возникает потребность в разработке новых подходов к оценке экономической ценности инновационной деятельности компаний с учетом специфики потребительских предпочтений.*

***Материалы и методы.** В данном исследовании использовались методы сравнительного анализа, обобщения и оптимизации.*

***Результаты исследования.** Результаты исследования показывают целесообразность расчёта не только количественных показателей, но и учета создания потребительской ценности при оценке эффективности инновационной деятельности.*

***Обсуждение и заключение.** Результаты исследования могут способствовать повышению эффективности инновационной деятельности российских компаний и их конкурентоспособности в условиях быстро меняющейся среды.*

* **Шаповалов Владимир Владимирович**, кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладного анализа международных проблем, декан факультета международного бизнеса МГИМО МИД России
e-mail: v.shapovalov@inno.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0001-5776-2274

Введение

Основные модели, описывающие инновационную деятельность, появились в 1980-1990-х гг. Главное внимание в то время уделялось производственным процессам, а именно технологическим, продуктовым и процессным инновациям. Впоследствии исследования стали охватывать предпринимательский сектор. С конца 1990-х гг. внимание ученых привлекли инновации в сфере услуг.

Цифровизация кардинальным образом меняет способы производства и потребления. Эти изменения вызывают необходимость переосмысления экономических концепций, чтобы более полно учитывать влияние процесса создания ценности в результате инновационной деятельности с целью наилучшего удовлетворения запросов потребителей. Исследование эволюции экономических теорий, таких как трудовая теория стоимости, теория предельной полезности, а также концепции трудовой теории потребительной стоимости и трудовой теории ценности, могут служить основой для разработки нового подхода к оценке эффективности инновационной деятельности.

Исследование

Числовые показатели, характеризующие инновационную деятельность

Для целей стандартизации сбора и интерпретации данных об инновационной активности публикуется так называемое Руководство Осло. Оно было совместно разработано Евростатом и ОЭСР с целью подготовки единых международных рекомендаций для анализа данных, относящихся к науке, технологиям и инновациям. В руководстве даются рекомендации по оценке инновационной деятельности в предпринимательском секторе на уровне компаний.

Существуют следующие основные группы числовых показателей, характеризующих инновационную деятельность: объемы финансирования, выделяемые на НИОКР, и статистика по зарегистрированным патентам.

Дополнительно можно анализировать число публикаций в научных и технических журналах, долю сотрудников с учеными сте-

пенями, однако эти показатели больше применимы к научным институтам и вузам, чем к корпоративному сектору.

Недостатки патентной статистики для оценки корпоративной инновационной активности заключаются в том, что патентуются не все открытия. Некоторые инновации защищаются сразу несколькими патентами, а существующие патенты могут иметь разную экономическую и технологическую ценность.

ЮНИДО для оценки эффективности инновационной деятельности рекомендует применять финансовые показатели, такие как чистый дисконтированный доход (NPV) и внутреннюю норму прибыли (IRR). Данные показатели используются и при анализе большинства инвестиционных проектов.

Оценка эффективности инвестиционно-инновационной составляющей проектов в Российской Федерации осуществляется на основе нормативно-правовых актов, включающих в себя «Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов и их отбору для финансирования», а также Федеральный закон от 25.02.1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»¹.

Чтобы выбрать наиболее перспективный проект, проводится сравнительный анализ расходов, связанных с его реализацией, представляющих сумму всех текущих расходов и части капитальных вложений. Также сравнивается нормативная величина (T_n) проекта и срок его окупаемости (T_p). Дополнительные издержки, связанные с реализацией проекта, считаются оправданными, если срок их окупаемости не превышает нормативного значения. Коэффициент сравнительной эффективности (\mathcal{E}_p) представляет собой величину, обратную сроку окупаемости проекта. Проводится сравнение расчетного значения \mathcal{E}_p с нормой дохода на капитал E_n . Если $\mathcal{E}_p > E_n$, то дополнительные издержки в инновационный проект являются целесообразными.

Достижение доли рынка можно оценить по удельному весу: высокотехнологичной продукции (услуги) в общем объеме производства компании; в мировой торговле высокотехнологичными продуктами; в общем объеме отраслевого производства;

¹ Федеральный закон об «Инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25.02.1999 № 39-ФЗ // Консультант. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22142/

экспортной интенсивности данной высокотехнологичной продукции (услуги) [8. С. 152]. Экспортная интенсивность высокотехнологичной продукции представляет собой количественный индикатор, отражающий удельный вес экспорта высокотехнологичных товаров и услуг, производимых конкретной компанией, в общем объеме экспорта данной категории продукции. Динамика данного показателя характеризует скорость структурных изменений в экспорте компании. Данный показатель отражает эластичность объема экспорта высокотехнологичной продукции относительно изменений общего объема экспорта транснациональной компании на 1%.

В процессе отбора инновационных проектов особое внимание уделяется минимизации рисков, в частности благодаря диверсификации и резервированию денежных средств. Распределение рисков осуществляется на этапе формирования финансового плана проекта. Временные задержки в ходе реализации инновационных проектов могут привести к увеличению бюджетных расходов. Резервирование средств для покрытия непредвиденных затрат предполагает установление корреляции между потенциальными факторами риска, влияющими на стоимость проекта, и объемом средств, необходимых для нивелирования отклонений от плановых показателей. Качественная оценка непредвиденных расходов способствует оптимизации средств, выделенных на реализацию проекта. Выделяют общий и специальный резервы, а также производится расчет непредвиденных расходов с разбивкой по статьям затрат (зарплатная плата, материалы и др.) [10. С. 220-224]. Детализация резерва по видам затрат дает возможность оценить уровень риска, ассоциированного с каждой статьей, и в дальнейшем учесть его на отдельных стадиях реализации проекта. Для последующей корректировки размеров непредвиденных расходов устанавливается взаимосвязь с элементами структуры разделения работ на различных этапах. Такая детализация способствует более точной оценке и корректировке непредвиденных расходов.

Влияние цифровизации на инновационную деятельность компании

Создание новых продуктов и технологий является органическим составным элементом функционирования любой современной компании. Доля затрат на исследования в общем обороте выше у крупных высоко-

технологичных компаний, разрабатывающих большую часть новых продуктов и услуг. Средние и мелкие фирмы лидируют по доле реализованных проектов из общего числа инициированных и срокам их реализации. Высокий технологический уровень сегодня характерен не только для сферы материального производства, но и для ряда отраслей сферы обслуживания, на которую приходится более 1/3 инноваций. Деятельность по обслуживанию населения, предприятий и организаций превратилась в сферу широкого применения достижений научно-технического прогресса.

Благодаря цифровизации сегодня каждый отдельный инновационный продукт (услуга) дифференцируется по потенциальным потребителям, и каждая разновидность продукта производится в соответствии с заранее выявленными потребностями покупателей. Производитель должен заблаговременно видеть своего конкретного покупателя. Массово-рыночное производство заменяется производством согласно предпочтениям непосредственных потребителей.

Современное внедрение инноваций в производство характеризуется смещением фокуса в сторону потребительских запросов. Возрастает значение потребительского восприятия как качества продукции, так и связанных с ней трудозатрат на всех этапах жизненного цикла. Наблюдается тенденция к индивидуализации производства и потребления, что требует от производителей большей гибкости и клиентоориентированности. При этом эффект от инноваций все чаще приобретает мультипликативный характер, распространяясь по всей технологической цепочке. Важной тенденцией становится разработка технологической продукции, направленной на возрастание полезности и качественных характеристик с одновременным сокращением трудозатрат на ее производство и потребление [2. С. 206].

Специализация производства инновационной продукции способствует повышению ее качественных характеристик. Развитие межотраслевой и межкорпоративной кооперации позволяет оптимизировать трудовые затраты на всех этапах создания инновационного продукта (услуги), что в свою очередь ведет к снижению трудозатрат потребления и производства.

Обычно технический прогресс сопровождается созданием и широким использованием новых продуктов (услуг) и технологий. При этом важно раскрыть приращение ценности новых продуктов (услуг)

и технологий, т.е. отношения их полезности к затратам труда с учетом его качественных характеристик.

По многим видам продукции сегодня достигнут максимально возможный уровень производства. В этих условиях развитие реализуется в первую очередь не в количестве производимых продуктов, а в их инновационном совершенствовании, что выражается в частой смене характеристик производимой продукции (услуги).

Основной характеристикой высокотехнологических отраслей является высокая степень и скорость обновляемости продуктов (услуг), что требует поддержания значительных расходов на научно-исследовательские и конструкторские работы и наличие большого числа научно-технических и инженерных работников.

В условиях цифровизации возникает необходимость в использовании новых, более универсальных экономических подходов к оценке инновационной деятельности. Таким подходом может стать изучение специфики инновационной деятельности компаний с применением концепции трудовой теории потребительной ценности.

Определение ценности инновационной деятельности

В экономической литературе зачастую отождествляются категории «стоимость» и «ценность», потребительная стоимость может обозначаться потребительной ценностью и т.д. Такого рода явление некоторые экономисты объясняют неточностью перевода слова «value» на русский язык.

Исследование вопросов экономической ценности, ее взаимосвязей с затратами труда началось с возникновения различных течений в школах предельной полезности. В данных школах зародилось понимание закономерностей субъективного поведения потребителя. С точки зрения социально-экономического анализа ценность товара или услуги заключается в их способности удовлетворять человеческие потребности оптимальным образом, что подразумевает соответствие качественных и количественных характеристик продукта существующим запросам.

Определение ценности благ является предметом научного дискурса на протяжении многих веков, начиная с периода Античности и вплоть до эпохи Просвещения. Проблема ценности анализировалась в работах Аристотеля и Платона, А. Великого

и Ф. Аквинского, А.Р.Ж. Тюрго и Ж.А. Кондорсе, Д. Юма и А.А.К. Шефтобери, И. Бентама и Э.Б.де Кондильяка.

В рамках эволюции экономической мысли проблема ценности анализировалась как комплексный феномен, отражающий дуализм человеческой деятельности, как производительной, так и потребительской. Концептуальный подход, основанный на том, что полезность является единственным фактором ценности, восходит к трудам Ж.-Ж. Руссо и А.Р.Ж. Тюрго. Развивая данное направление, И. Бентам, Ф. Галиани и Э.Б. де Кондильяк сформулировали тезисы, которые легли в основу субъективной теории ценности. Дальнейшее развитие данная теория получила в трактате Д. Бернулли «Опыт новой теории измерения жребия», которая была дополнена концепцией количественного соизмерения полезностей благ [11. С. 23-36].

А. Смит считал «богатство народов» естественным продолжением и развитием «Теории нравственных чувств» [19. С. 887-890]. Он отмечал, что стремление к максимизации удовлетворения своих потребностей является основной целью любой осознанной активности человека. Однако в современном обществе наблюдается тенденция к его получению за пределами материального потребления. Определение индивидом своих базовых потребностей и желаний, лежащих вне сферы чего-то материального, свидетельствует о формировании нового вида потребления, характеризующегося высокой степенью индивидуализации как в количественном, так и в качественном отношении.

Эволюция экономической мысли включает в себя несколько этапов. К ним относятся трудовая теория стоимости, теория предельной полезности, трудовая теория потребительной стоимости и, наконец, трудовая теория ценности [1. С. 7]. Важно отметить, что данные теории не являются взаимоисключающими и в современной экономической науке продолжают существовать параллельно, формируя основу для различных научных школ и направлений.

Трудовая теория стоимости, являясь одной из фундаментальных концепций экономической теории, нашла свое отражение в трудах таких выдающихся ученых, как А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс и др. В частности, А. Смит утверждал, что «один лишь труд, стоимость которого никогда не меняется, выступает единственным и действительным мериллом, позволяющим

оценивать и сопоставлять стоимость всех товаров независимо от времени и места их производства».

Д. Рикардо отмечал, что стоимость самого товара определяется стоимостью условий, необходимых для его производства [18. С. 181-194]. Он также подчеркивал, что товар, не обладающий полезностью, не имеет рыночной стоимости. К. Маркс, развивая трудовую теорию стоимости, рассматривал полезность - то есть способность блага удовлетворять потребности, - и ее величину в качестве одного из ключевых факторов, влияющих на формирование рыночной стоимости [15. С. 433-442].

В 70-х годах XIX века сформировалось субъективно-психологическое направление. В рамках данного направления, ведущими представителями которого выступили К. Менгер, Ф. Визер, Е. Бем-Баверк и др. (сторонники австрийской школы) и А. Маршалл, Д. Кларк (сторонники англо-американской школы), произошел радикальный теоретический переворот от понимания ценности как объективной характеристики блага к ее интерпретации как результата субъективных оценок покупателей и продавцов. Данная концепция легла в основу работ экономистов-математиков, таких как Г. Госсен, У. Джевонс, Л. Вальрас, которые сформулировали основные количественные принципы теории предельной полезности.

В своих трудах К. Менгер определял ценность как субъективное значение, которое индивид приписывает благам, исходя из их способности удовлетворять его потребности и влиять на уровень его благосостояния [16. С. 87-91]. Идеи К. Менгера получили дальнейшее развитие в работах Ф. Визера, О. Бем-Баверка и Д. Сакса.

Теория предельной полезности, в основе которой лежит субъективистский подход к анализу ценности, подразумевает, что удовлетворение, получаемое индивидом от потребления блага, уменьшается по мере насыщения соответствующей потребности. В рамках данной теории стоимость блага рассматривается как производная от субъективных оценочных суждений индивидов. Ее ключевые положения были сформулированы Г. Госсеном в работе «Развитие законов человеческого общения и вытекающих из них правил человеческой деятельности» (1854 г.) [13. С. 234-251]. Ж. Дюпои в работе «Измерение полезности общественного труда» (1844 г.) выдвинул идею о том, что ценность блага определяется полезностью его последней единицы, а английский эконо-

мист У.С. Джевонс, в свою очередь, ввел термин «предельная полезность» (final degree of utility) [14. С. 191-194].

А. Маршалл объединил теорию предельной полезности с теорией издержек производства. Дж. Б. Кларк, в свою очередь, предложил модифицировать теорию предельной полезности, определяя ценность не через полезность предельного блага, а через предельные приращения элементов его полезности. У.С. Джевонс и Ф. Визер отождествляли ценность блага с величиной его предельной полезности, понимаемой как наименьшая полезность, которую данное благо способно принести.

В своих трудах О. Бем-Баверк признавал, что фактор трудозатрат, определяемый как количество усилий, затрачиваемых индивидом на производство блага, может оказывать влияние на формирование ценности данного блага. Однако это возможно только в тех случаях, когда индивид обладает возможностью менять продолжительность своего рабочего времени. По мнению О. Бем-Баверка, существует два различных мерила ценности, свойственных человеческому обществу на разных стадиях его развития. На ранних этапах определяющим фактором является труд, в то время как по мере более высоких ступеней культурного развития приоритетным становится принцип предельной полезности. Согласно теории О. Бем-Баверка, ценность материального блага определяется значимостью наименее важной потребности, удовлетворяемой всем доступным запасом материальных благ данного рода. Другими словами, ценность блага эквивалентна величине его предельной полезности, которая, в свою очередь, определяется двумя факторами: субъективным и объективным [12. С. 632-638].

Э. Бернштейн, П. Струве, М.И. Туган-Барановский и К. Шмидт пытались объединить теорию полезности и трудовую теорию стоимости, однако понимание стоимости сводилось исключительно к трудовым затратам без учета рыночной стоимости.

Дж. Кларк, А. Маршалл, П. Самуэльсон и др. предприняли попытку объединить теорию предельной полезности и теорию издержек. В данном случае издержки рассматривались не как затраты общественного труда, а как издержки, связанные с использованием факторов производства (труда, капитала, земли).

В России вопрос относительно интеграции трудовой теории стоимости и теории «предельной полезности» был выдвинут

русским экономистом М.И. Туган-Барановским в 1890 г. Он полагал, что трудовая стоимость определяет предельную полезность, которая является основой цены [9. С. 192-230].

Л. Вальрас считал, что равновесная цена устанавливается в точке равновесия между полезностью блага для потребителя и предельными издержками его производства.

А. Маршалл, в свою очередь, полагал, что анализ потребностей, полезностей и спроса является определяющей проблемой экономики. В своих исследованиях он активно использовал понятие равновесной цены, рассматривая ее как результат взаимодействия факторов спроса и предложения [20. С. 523-534].

В своих исследованиях В. Парето подчеркивал, что критериями общественной полезности выступают достижение наиболее полного удовлетворения потребностей потребителей и максимизация производительности факторов производства [17. С. 344-352].

В рамках современной неоклассической экономической теории, основанной на принципах маржинализма, проблема количественной оценки и соизмерения субъективной полезности благ и услуг занимает одно из центральных мест.

Несмотря на использование сложных математических методов, попытки решить проблему измерения субъективной полезности не привели к выявлению ее экономической природы. Ученым не удалось охарактеризовать теорию предельной полезности с экономической точки зрения. Существующие интерпретации по-прежнему остаются в рамках субъективно-психологической парадигмы, основываясь на анализе поведения индивидуального потребителя и его субъективных представлений о ценности.

Развитие интеграционных процессов и обобществление производства выявили ограниченность трудовой теории стоимости с точки зрения объяснения новых экономических закономерностей, в частности, в решении проблемы соотношения стоимости и полезности. Так, принцип «высокое качество - низкая цена» не находит адекватной интерпретации в рамках данной теории. Это обусловило формирование потребительной стоимости, которая явилась дальнейшим развитием трудовой теории стоимости, ее дополнением. Она была призвана восполнить те пробелы, которые имели место в отношении потребительной стоимости

и полезности, сохраняя при этом объективистский подход в противовес субъективизму теории предельной полезности.

Концепция «трудовая теория потребительной стоимости», введенная в 1986 г. профессорами В.Я. Ельмеевым и В.Г. Долговым, предложила новую парадигму анализа экономических отношений, основанную на синтезе затратного и полезностного подходов [3. С. 218]. Разработка данной концепции явилась развитием трудовой теории стоимости и открыла возможность для ее интеграции с теорией потребительной стоимости, что создало теоретические предпосылки для формирования трудовой теории ценности.

В общеэкономическом смысле экономические отношения представляют собой единство двух противоположных сторон: полезностной и затратной. Первая сторона выражается экономией затрат труда потребителя, получаемой в процессе потребления им продукта с повышенными полезными свойствами. Вторая сторона выражает затраты труда в производстве данного продукта. Обе стороны находятся между собой в диалектическом единстве, взаимодействии: одна сторона оказывает влияние на другую и наоборот. Рыночные отношения представляют собой единство двух противоположных сторон - потребительной стоимости и стоимости. Полезность - это экономическое отношение, характеризующее соотношение и взаимосвязь между потребностью и потребляемым продуктом. Благодаря совокупности потребительских свойств в потреблении продукта проявляется степень удовлетворения заданной потребности в качественном и количественном отношениях. Продукт труда является, с одной стороны, носителем полезности, а с другой стороны, воплощает в себе определенную величину затрат труда. Экономическая ценность - это единство экономической полезности блага и экономических затрат на его производство. Ценностью обладают лишь ограниченные блага, поэтому редкость (ограниченность) блага является элементом ценности.

Академик С.Г. Струмилин отмечал, что «потребительная ценность при всех прочих равных условиях всегда пропорциональна стоимости благ» [7. С. 52]. Качественные и количественные соотношения между полезностью и затратами труда приводят к получению экономической ценности как общеэкономической категории. В результате

появилась концепция, которую В.И. Сиськов назвал «трудовой теорией ценности» [6. С. 132-135].

Термин «трудовая теория ценности» в отечественной литературе не является новым: его употребляли М.И. Туган-Барановский, Н.А. Столяров, В.К. Дмитриев и др., исследовавшие роль труда в создании ценности. Но в постановке В.И. Сиськова этот термин получил принципиально новое содержание: он означает органический синтез трудовой теории стоимости и трудовой теории потребительной ценности, чего не было у его предшественников.

Согласно концепции, разработанной В.И. Сиськовым и его коллегами, экономическим выражением потребительной ценности выступает экономия затрат труда потребителя, обусловленная изменениями полезности потребляемых продуктов и услуг [5. С. 538].

Термин «потребительная ценность» был впервые введен представителями английской классической экономической теории. Она является одной из составных частей товара и характеризует его предназначение для потребления покупателями, а не товаропроизводителем.

В основе концепции трудовой теории потребительной ценности лежат фундаментальные исследования К. Маркса и Ф. Энгельса. К. Маркс подчеркивал, что «величина стоимости определяется лишь количеством труда или количеством рабочего времени, общественно необходимого для ее изготовления» [4. С. 97].

Результатом инновационной деятельности компаний является экономия затрат труда потребителя в результате приобретения нового или обновленного продукта или услуги. Затраты труда могут выступать в форме затрат живого труда, затрат прошлого (овеществленного) труда и совокупных затрат живого и прошлого труда. Затраты живого труда - это расходование рабочей силы на производство совокупности потребительных ценностей. Затраты прошлого (овеществленного) труда - это величина израсходованных средств производства на создание данной совокупности потребительных ценностей. Совокупные затраты труда определяются как затраты живого труда и овеществленного труда на производство заданной совокупности потребительных ценностей.

Результативные показатели инновационной деятельности компаний отождествлены с количественными показателями. Они

могут иметь следующие выражения: объем продаж инновационной продукции (услуги); экономия затрат труда потребителя; полезный эффект продукции (услуги); созданная потребительная ценность; степень удовлетворения заданных потребностей. При определении полезного эффекта продукции (услуги) учитывается суммарный полезный эффект данного вида продукции (услуги) с учетом различных сфер потребления.

В контексте анализа экономии затрат труда потребителя целесообразно выделять полную и прямую экономию затрат. Полная экономия затрат труда представляет собой совокупную экономию, достигаемую на всех этапах создания добавленной стоимости и доведения конечного продукта (услуги) до потребителя. Данный показатель учитывает взаимосвязь между уровнем инновационности продукта (услуги), трудовыми затратами и экономией затрат труда всех участников цепочки создания ценности. Повышение уровня инновационности на любом из этапов производственной цепочки способствует экономии трудовых ресурсов. И наоборот, снижение инновационности ведет к ухудшению качественных свойств продукта (услуги) и, как следствие, к повышению затрат труда на последующих этапах.

В условиях цифровизации, расширения и углубления наукоемких межотраслевых и международных связей повышается роль трансграничных корпоративных форм создания потребительных ценностей. Сопоставление результатов продаж инновационной продукции (услуги), как следствие создания потребительной ценности в результате экономии затрат труда, с расходами на инновационную деятельность составляет основу решения ряда методологических задач, в частности определения эффективности инновационной деятельности компаний.

Заключение

Определение эффективности инновационной деятельности является важным аспектом развития современных компаний и требует комплексного подхода, с учетом различных аспектов и методов измерения. Для успешного выбора инновационных проектов и эффективного управления рисками необходимо учитывать не только количественные показатели, но и специфику создания потребительной ценности в результате инновационной деятельности. Эффективность корпоративной инновационной

деятельности можно определять не только с помощью классических количественных параметров, применяемых для оценки инвестиционных проектов, но и с использованием концепции трудовой теории потребительной ценности. Потребительная ценность - это динамичная концепция,

которая эволюционирует по мере развития технологий и меняющихся потребительских предпочтений. Изучение ее в контексте инновационной деятельности компаний имеет важное значение для понимания роли инноваций для потребителей и общества в целом.

Литература:

1. Аникин А.В. Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей экономистов до Маркса. М., 1985.
2. Анчишкин А.И. Наука-техника-экономика. М., 1986.
3. Долгов В.Г., Ельмеев В.Я., Попов М.В. Выбор нового курса. М., 1991.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. М.: Госполитиздат. 1954. Т. 4.
5. Сиськов В.И. Очерки по трудовой теории ценности // Экономическая мысль России: единство теории полезности и трудовой теории стоимости. 1997. № 8.
6. Сиськов В.И. Система экономического обеспечения качества продукции: Трудовая теория потребительной стоимости. М., 1992.
7. Струмилин С.Г. Богатство и труд. СПб., 1905.
8. Тодосийчук А.В. Инновационный процесс как объект управления экономическим развитием. М., 1993.
9. Туган-Барановский М.И. Учение о предельной полезности хозяйственных благ как причине их ценности // Юридический Вестник. 1890. № 10. С. 192-230.
10. Яковец Ю.В. Закономерности научно-технического прогресса и их планомерное использование. М., 1984.
11. Bernoulli D. Exposition of a New Theory on the Measurement of Risk // *Econometrica*. Vol. 22. No 1. 1954. P. 23-36.
12. Bohm-Bawerk O. The Positive Theory of Capital. 1891. London: Macmillan and Co.
13. Gossen H. The Laws of Human Relations and Rules of Human Action Derived Therefrom. 1854. Berlin: Verlag von R.E. Brager.
14. Jevons W. The Theory of Political Economy. 1871. London: Macmillan and Co.
15. Marx K. Capital. A Critique of Political Economy. Vol. 1. 1867. Hamburg: Verlag von Otto Meissner.
16. Menger C. Principles of Economics. 1871. Wien: Braumuller.
17. Pareto W. Manuel of Political Economy. Lausanne: F. Rouge. 1896.
18. Ricardo D. On The Principles of Economy and Taxation. 1817. London: John Murray.
19. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Vol. 1. 1776. London: William Strahan Thomas Cadell.
20. Walras L. Elements of Pure Economics. 1954. Homewood, Illinois: Economic Association and the Royal Economic Society by R.D. Irwin.

ASSESSMENT OF THE EFFECTIVENESS OF INNOVATION ACTIVITIES IN THE CURRENT CONTEXT

Introduction. *Innovations play crucial role in modern economic development. Over the past decades, research in this area has significantly expanded, covering not only the industrial sector but also services. A comprehensive approach is required to assess innovative activities, which includes analysis of economic indicators and applying new concepts, covering consumer value creation. This article studies various models and approaches to assessing innovative activities. Modern requirements for technological innovations continue to evolve, reflecting the increased role of consumers in evaluating products*

and services quality. Therefore, there is a need to develop new approaches in order to assess economic value of companies' innovative projects.

Materials and methods. *This paper utilized methods of comparative analysis, generalization, and optimization.*

Research results. *Results of the study are based on various numerical indicators and methods of assessing the innovative activities of companies.*

Discussion and conclusion. *The results of the research can help to improve innovative activities of Russian companies and enhance their*

competitiveness in a rapidly changing socio-economic environment.

Vladimir V. Shapovalov,
PhD in Economics, Associate Professor
at the Department of Applied International

Analysis, Dean of the School of International
Business, Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow,
Russia

Ключевые слова:

инновационная деятельность,
высокотехнологичные отрасли, методы
оценки инновационной деятельности.

Keywords:

innovative activities, high-tech industries,
methods of assessing the innovative activity of
companies.

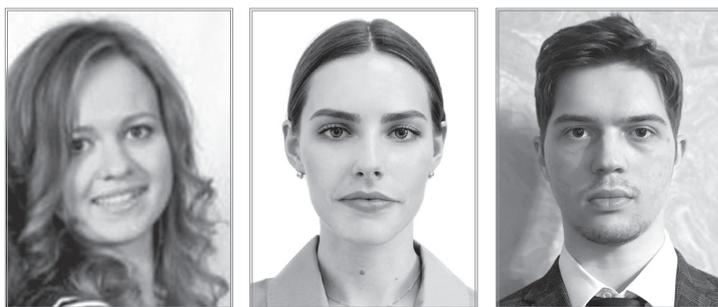
References:

1. Anikin A.V., 1985. Unost' nauki. Zhizn' i idei myslitelei ekonomistov do Marksa [A Science in its Youth: Pre-Marxian Political Economy]. Moscow.
2. Anchishkin A.I., 1986. Nauka-tehnika-ekonomika [Science, Technology, and the Economy]. Moscow.
3. Dolgov V.G., El'meev V.Ya., Popov M.V., 1991. Vybora novogo kursa [Choice of a New Course]. Moscow.
4. Marks K., Engel's F., 1954. Soch. [Works]. 2-e izd [2-nd Ed]. Moscow. Vol. 4.
5. Sis'kov V.I., 1997. Ocherki po trudovoi teorii tsennosti [Studies in the Labour Theory of Value]. *Ekonomicheskaya mysl' Rossii: edinstvo teorii poleznosti i trudovoi teorii stoimosti* [Russian Economic Thought: the Unity of Utility Theory and Labour Theory of Value]. No. 8.
6. Sis'kov V.I., 1992. Sistema ekonomicheskogo obespecheniia kachestva produktsii: Trudovaia teoriia potrebitel'noi stoimosti [System of Economic Assurance of Product Quality: Labour Theory of Consumer Value]. Moscow.
7. Strumilin S.G., 1905. Bogatstvo i trud [Wealth and Labour]. Saint Petersburg.
8. Todosiichuk A.V., 1993. Innovatsionnyi protsess kak obekt upravleniia ekonomicheskim razvitiem [Innovation Process as an Object of Economic Development Management]. Moscow.
9. Tugan-Baranovskii M.I., 1890. Uchenie o predel'noi poleznosti khoziaistvennykh blag kak prichine ikh tsennosti [A Doctrine of the Marginal Utility of Economic Goods as the Cause of Their Value]. *Yuridicheskii Vestnik* [Legal Bulletin]. No. 10. P. 192-230.
10. Yakovets Yu.V., 1984. Zakonomernosti nauchno-tehnicheskogo progressa i ikh planomernoe ispol'zovani [Regularities of Scientific and Technological Progress and their Systematic Use]. Moscow.
11. Bernoulli D., 1954. Exposition of a New Theory on the Measurement of Risk. *Econometrica*. Vol. 22. No. 1. P. 23-36.
12. Bohm-Bawerk O., 1891. The Positive Theory of Capital. London: Macmillan and Co.
13. Gossen H., 1854. The Laws of Human Relations and Rules of Human Action Derived Therefrom. Berlin: Berlag von R.E. Brager.
14. Jevons W., 1871. The Theory of Political Economy. London: Macmillan and Co.
15. Marx K., 1876. Capital. A Critique of Political Economy. Hamburg: Verlag von Otto Meissner. Vol. 1.
16. Menger C., 1871. Principles of Economics. Wien: Braumuller.
17. Pareto W., 1896. Manuel of Political Economy. Lausanne: F. Rouge.
18. Ricardo D., 1817. On The Principles of Economy and Taxation. London: John Murray.
19. Smith A., 1776. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. London: William Strahan Thomas Cadell. Vol. 1.
20. Walras L., 1954. Elements of Pure Economics. Homewood, Illinois: Economic Association and the Royal Economic Society by R.D. Irwin.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ КИТАЯ И РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Элина Шаманина*
София Летникова**
Александр Завьялов***

DOI 10.24833/2073-8420-2024-2-71-76-90

Введение. В данном исследовании рассмотрены состояние и тенденции развития транспортной инфраструктуры России и Китая. Представлена практика реализации проектных инициатив по созданию объектов транспортной инфраструктуры в России и Китае, а также проанализирован опыт совместных трансграничных проектов,

в том числе реализуемых на принципах государственно-частного партнерства (ГЧП) в целях выявления перспектив углубления российско-китайского сотрудничества.

Материалы и методы. В качестве материалов к исследованию были использованы российские и китайские официальные программные документы, аналитические отчеты и статистические данные Всемирного банка, агентства Global Infrastructure Hub, Национального центра ГЧП Китая (China Public-Private Partnerships Center), российского АНО «Национального центра развития ГЧП», российской платформы поддержки инфраструктурных проектов ROSINFRA, а также новостные источники российских и китайских СМИ.

* **Шаманина Элина Алексеевна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической политики и государственно-частного партнерства МГИМО МИД России
e-mail: e.shamanina@inno.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0002-7300-8631

Летникова София Николаевна, студентка магистратуры МГИМО МИД России
e-mail: s.letnikova@mail.ru
ORCID ID: 0009-0006-3806-6795

Завьялов Александр Дмитриевич, студент магистратуры МГИМО МИД России
e-mail: zavyalov_a_d@my.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0003-1038-8937

Методика исследования основана на теоретическом и статистическом анализе особенностей развития инфраструктуры транспортного комплекса в рамках реализации национальных программ и стратегий развития России и Китая, а также при организации совместных трансграничных мегапроектов. В ходе выполнения исследования были использованы экспертные и опросные методы, а также методики компаративного анализа. Результаты исследования базируются на применении системного подхода и других научных методов познания, таких как метод группировки, обобщения, классификации, аналогии, сравнения, формализации. В исследовании также использованы описательные методы, основанные на сборе и изучении практических примеров реализации проектов по развитию транспортного комплекса в России и Китае.

Результаты исследования. Сравнив состояние транспортной инфраструктуры России и Китая и проведя социологический опрос на тему возможностей российско-китайского сотрудничества в области инфраструктурного комплекса, авторами было установлено, что инфраструктура транспортного сектора обладает наибольшей перспективой для укрепления сотрудничества обеих стран. Проведенный анализ ряда приоритетных совместных трансграничных проектов позволил выявить проблемы недостатка бюджетных средств и растущего усиления нагрузки на государственный бюджет при распределении расходов на финансирование инфраструктурных мегапроектов. В этой связи авторами был предложен механизм государственно-частного партнёрства (ГЧП) в качестве источника дополнительного финансирования для поддержания развития транспортной инфраструктуры, а также его использования для углубления двустороннего сотрудничества Китая и России в рамках реализации трансграничных инфраструктурных проектов.

Обсуждение и заключение. В ходе проведенного исследования было установлено, что потенциал сотрудничества России и Китая наблюдается в отношении реализации совместных инфраструктурных проектов, в частности развития отдельных транспортных отраслей. А одним из перспективных инструментов для развития отраслей транспорта России и Китая, а также обеспечения устойчивого роста экономик обеих стран может стать реализация трансграничных проектов. Исследование демонстрирует, что на текущий период у России и Китая уже сформировался опыт в области реализации совместных трансграничных проектов.

Однако при сохраняющейся нагрузке на государственный бюджет и сокращении бюджетных расходов на развитие инфраструктурного комплекса, что, как было установлено в рамках исследования, приводит к усилению проблемы инфраструктурного разрыва, необходимы дополнительные источники финансирования. В целях решения данной проблемы авторами был предложен формат ГЧП для реализации совместных трансграничных проектов. Авторами было выявлено, что взаимодействие между государствами с привлечением частных инвестиций может способствовать ускорению инноваций, повышению эффективности, а также углублению и расширению российско-китайского сотрудничества.

Введение

Инфраструктура является одним из ключевых факторов развития страны и её социально-экономической устойчивости. Зарубежные и российские исследования подтверждают гипотезу, что от уровня развития инфраструктурного комплекса зависит эффективность функци-

онирования секторов экономики, формирование инвестиционной привлекательности страны, эффективность производства товаров и услуг, необходимых для экономического и социального развития и качества жизни населения.

Инфраструктурный комплекс играет одну из ключевых ролей в обеспечении конкурентоспособности страны и

на международной арене, а от уровня развития её отдельных секторов зависит устойчивый рост экономики.

Авторами исследования ставится вопрос о роли производственной инфраструктуры, непосредственно транспортного сектора, в развитии экономик двух стран – России и Китая. А также авторы анализируют перспективы развития и углубления российско-китайского сотрудничества, в т.ч. посредством реализации совместных проектов в области развития транспортной инфраструктуры.

В ходе выполнения исследования предполагается найти точки сопряжения России и Китая в развитии транспорта, как наиболее перспективной сферы для углубления межстранового территориального сотрудничества, которое прямо зависит от уровня развития транспортной инфраструктуры и её технической оснащённости.

Исследование

В состав транспортного комплекса принято включать: железнодорожный и автомобильный транспорт (в т.ч. вокзалы, железнодорожные и автобусные станции), морские и речные порты, тоннели, эстакады, мосты, метрополитены, аэродромы и аэропорты, объекты систем связи, навигации и управления движением транспортных средств, а также другие объекты (здания, сооружения, устройства и оборудование), которые обеспечивают функционирование транспортной инфраструктуры.

В данном исследовании речь пойдет в первую очередь о таких отраслях транспорта, как железнодорожная инфраструктура, воздушный и автомобильный транспорт, морские и речные порты.

Выборка данных направлений связана в первую очередь с тем, что реализация проектных инициатив по расширению общественной, в частности, транспортной инфраструктуры является одной из стратегических задач, поставленных Правительствами России и Китая.

Так, в ежегодном послании Президента Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. целый ряд вопросов был посвящен реализации транспортных проектов. Более

того, Президент РФ отметил, что развитый транспортный комплекс работает «на рост капитализации всех активов стран» [2]. В Китае же характерным подтверждением приоритета для государства в области развития транспортной инфраструктуры служит принятый китайским правительством стратегический документ «План построения мощной транспортной нации» (《交通强国建设纲要》)¹ на период до 2025 г.

Для начала следует провести сравнительный анализ современного состояния и темпов развития транспортной инфраструктуры в России и Китае. Стоит сказать, что роль транспортной системы в каждой стране непрерывно растет в связи с динамичным развитием экономики и повышением эффективности использования созданного производственного потенциала. По оценкам международной аналитической компании “IMARC Group” и инвестиционной компании «РЖД-Инвест», уже на 2018 г. объем мирового рынка транспортных услуг составлял порядка 4,7 млрд долл. США. При этом, ожидается, что к концу 2024 г. рынок будет расти и достигнет уровня в 6,2 млрд долл. США. Такой рост на мировом рынке транспортных услуг связан с увеличением спроса на пассажирские и грузовые перевозки. А в соответствии с прогнозами ОЭСР, в период до 2050 г. спрос на данные виды услуг увеличится в 3 раза [10].

Данные показатели демонстрируют важность транспортной системы для перемещения продукции, сырья, передвижения населения. Также она становится основой для формирования и расширения как региональной, так и межстрановой транспортной сети [4]. В современном мире, учитывая расширение направлений взаимодействия двух стран-партнёров, транспортная система постепенно становится основой для ускорения процессов сотрудничества России и Китая.

В России, как и в остальных странах мира, транспортная отрасль является важнейшей в гражданских и грузовых перевозках. Основную долю российской транспортной системы представляет железнодорожный транспорт, на который приходится 62% всех грузовых перевозок, в то время как на автомобильный приходится 47,4%. В пассажирском сегменте на железнодорожный

¹ План построения мощной транспортной нации (《交通强国建设纲要》) на период до 2025 г. Государственный совет Китайской Народной Республики (Центральное народное правительство КНР). URL: https://www.gov.cn/zhengce/2019-09/19/content_5431432.htm

транспорт приходится 35,4% всех перевозок и 29,4% на автомобильный. Воздушный транспорт занимает 22,6%.

Понимая высокую значимость транспорта, российские органы власти стараются в максимальной степени обеспечить территории транспортной инфраструктурой посредством реализации различных инструментов поддержки, региональных и национальных проектов и программ. Начиная с 2018 г. транспортная инфраструктура вошла в список приоритетных направлений государственной политики.

На сегодняшний день в России действует ряд комплексных стратегических программ и механизмов, направленных на расширение и совершенствование транспортной инфраструктуры. В их число входит «Транспортная стратегия на период до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года»², а также государственная программа по «Развитию транспортной системы»³, задачами которых являются обеспечение пространственной связанности и транспортной доступности территорий для повышения мобильности населения, туристических потоков, увеличения скорости транзита грузов, а также ликвидация инфраструктурных ограничений, в т.ч. развитие международных транспортных коридоров и расширение логистических путей.

Наряду с ними на федеральном уровне реализуются два масштабных национальных проекта «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры»⁴ и «Безопасные и качественные дороги»⁵. Благодаря данным национальным проектам транспортная инфраструктура стала крупнейшим направлением для бюджетного инвестирования. Реализация этих

проектов должна увеличить объем инвестиций в транспортную инфраструктуру в 1,5 раза в реальном выражении относительно предыдущего десятилетия, чтобы расходы на транспорт составляли от 3% ВВП и более, что соответствует показателям стран с похожим уровнем социально-экономического развития.

Благодаря реализации принимаемых государством программ Россия достигла значительных изменений в развитии транспортной инфраструктуры.

Эксплуатационная протяженность железнодорожных магистралей общего пользования (для пассажироперевозок) в России составила 87 тыс. км, а железнодорожных путей для осуществления грузоперевозок – 35 тыс. км, соответственно. Более того, за 2023 г. введено более 430 км. железнодорожных путей⁶.

Протяженность автомобильных дорог составляет более 1,5 млн км., что позволяет России входить в топ-5 стран по длине автодорог в мире. При этом в нормативном состоянии находятся 85% федеральных автодорог и 46% региональных дорог. А по состоянию на 2023 г. было отремонтировано около 28,5 тыс. км автомобильных дорог. Более того, реализованы мегапроекты в автодорожном секторе. Построена трасса М-11 «Нева» от Москвы до Санкт-Петербурга, протяженность которой составляет 669 км (стоимость 520 млрд руб.), а также трасса от Москвы до Казани М-12 протяженностью 800 км (900 млрд руб.) с перспективой её продления до Екатеринбурга и дальше до границы с Китаем.

В отрасли воздушного транспорта на начало 2023 г. приходится более 240 действующих аэродромов, которые обеспечивают

² Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года // Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р. URL: <https://rosavtdor.gov.ru/docs/transportnaya-strategiya-rf-na-period-do-2030-goda-s-prognozom-na-period-do-2035-goda>

³ Постановление Правительства РФ от 20 декабря 2017 г. № 1596 Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие транспортной системы». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102349850&backlink=1&&nd=102456047>

⁴ Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года. Утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2018 г. N 2101-р. Официальный портал Правительства России. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/867/events/>

⁵ Национальный проект «Безопасные качественные дороги». Федеральное дорожное агентство «Росавтодор». URL: <https://rosavtdor.gov.ru/about/upravlenie-fda/nacionalnyj-proekt-bezopasnye-i-kachestvennye-avtomobilnye-dorogi>

⁶ Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года // Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р. URL: <https://rosavtdor.gov.ru/docs/transportnaya-strategiya-rf-na-period-do-2030-goda-s-prognozom-na-period-do-2035-goda>

функционирование маршрутной сети воздушных перевозок России⁷. Построены новые аэропорты в Саратове («Гагарин»), Тольятти («Ремезов»), Москве («Жуковский») и Ростове-на-Дону («Платов»).

Свою деятельность в области гражданских и промышленных перевозок активно осуществляют 67 морских портов, расположенных в 5 морских бассейнах. По состоянию на 2023 г. морские порты обеспечили перевалку 883,8 млн тонн грузов (что на 5% больше, чем в 2022 г.) и перевезли 10,6 млн пассажиров. Совокупная мощность морских портов составила 1,3 млрд. тонн [7]. В России были построены новые и модернизированы существующие морские порты, в частности арктический круглогодичный порт Сабетта, Усть-Луга, Бронка и Высоцк на Балтике, порты Новороссийска и Тамани на юге [2].

На сегодняшний день Россия занимает второе после Китая место по объему перевозок по основным видам транспорта – железнодорожный и автомобильный. На железнодорожный транспорт приходится порядка 2493,4 млрд ткм, а на автоперевозки – 237,8 млрд ткм, соответственно. В то время как в Китае грузооборот железнодорожного транспорта составляет 2696,2 млрд ткм, а на автомобильный транспорт приходится 6677,2 млрд ткм объема грузоперевозок [10].

В отрасли транспортной инфраструктуры одно из ведущих мест в мире занимает Китай. В течение последних десятилетий Китай активно инвестировал в развитие своей транспортной системы, это привело к созданию одной из самых развитых и масштабных сетей транспорта в мире.

Китай имеет одну из самых обширных железнодорожных сетей в мире. Она охватывает огромные расстояния и связывает практически все уголки страны. Кроме того, Китай строит и развивает высокоскоростные железные дороги, что позволяет значительно сократить время переезда между крупными городами.

Воздушная транспортная инфраструктура в Китае также беспрецедентна – в стране насчитывается более 2300 аэропортов, что составляет самую большую сеть в мире.

У него есть множество крупных международных аэропортов, включая Пекинский и Шанхайский аэропорты, которые являются одними из самых больших и самых загруженных в мире. Китай также активно развивает гражданскую авиацию и строит новые аэропорты по всей стране.

Транспортная инфраструктура Китая также включает развитие портов и внутренних водных путей. Страна имеет несколько крупных морских портов на своих побережьях, таких как порт Шанхай, который является одним из самых загруженных портов в мире. Он также имеет обширную сеть внутренних водных путей, которая играет важную роль в перевозках грузов внутри страны.

Как и для России, развитие транспортной инфраструктуры традиционно является приоритетом для китайского правительства. В рамках указанного «Плана построения мощной транспортной нации» («交通强国建设纲要»)⁸ на период до 2025 г., намечены цели по формированию мощной транспортной сети. Планом предусмотрено ускоренное создание и модернизация транспортного комплекса, в частности, комплексное развитие магистральных и междугородных железных дорог, совершенствование сети скоростных автомагистралей, строительство объектов городского общественного транспорта и многое другое. Наряду с представленным комплексным планом государством принимаются дополнительные программы по развитию отдельных отраслей транспортной инфраструктуры.

Принимаемыми государственными программами предлагается координировать планирование и строительство инфраструктуры, такой как железные дороги, автомагистрали, водный транспорт, гражданская авиация, трубопроводы и почтовые службы, тем самым укрепляя инфраструктуру регионов всей страны.

Более того, правительством страны отмечается, что в случае кризисных ситуаций в экономике, под давлением замедления экономического роста строительство транспортной инфраструктуры будет

⁷ Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года // Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р. URL: <https://rosavtdor.gov.ru/docs/transportnaya-strategiya-rf-na-period-do-2030-goda-s-prognozom-na-period-do-2035-goda>

⁸ План построения мощной транспортной нации («交通强国建设纲要») на период до 2025 г. Государственный совет Китайской Народной Республики (Центральное народное правительство КНР). URL: https://www.gov.cn/zhengce/2019-09/19/content_5431432.htm

играть одну из ключевых ролей в стабилизации роста экономики.

Благодаря усилиям, предпринимаемым китайским правительством, транспортная инфраструктура Китая за последние десятилетия претерпела значительные изменения, став на сегодняшний день одной из самых развитых и масштабных в мире.

Китай является лидером в числе стран АТР по объему инвестиций в отрасли транспортной инфраструктуры, в частности в проекты по развитию железнодорожного комплекса. Так, в 2019 г. Китай проинвестировал около 125 млрд долл. США на развитие железнодорожной сети в стране. В частности, на строительство 6 800 км железнодорожных путей, 4 100 км из которых будут являться высокоскоростными. Более того, в развитии сети высокоскоростных железных дорог страна достигла огромных успехов. К их числу относятся такие, как «Шанхай-Пекин» и «Шанхай-Ханчжоу-Хазянг», представляющие значительные масштабы и техническую сложность.

Уже к 2023 г. в стране было построено более 42 тыс. км дорог, что составляет около 77% от всей мировой сети. Сегодня на Китай приходится более 127 000 км железных дорог, что составляет почти 1/3 от общей длины железнодорожной сети АТР [10].

Была сформирована крупная сеть автомобильных дорог, протяженность которых составляет более 5,8 млн км. Это вторая по величине автодорожная сеть в мире после США. Крупные инфраструктурные проекты включают строительство не только магистралей, но и новых мостов, таких как мост «Хонг-Конг – Жухай – Макао» и мост «Чжухай».

Модернизация также произошла и в отрасли воздушного транспорта. На сегодняшний день в Китае уже отстроено и функционирует более 2,4 тыс. аэропортов, включая крупные международные хабы в Пекине, Шанхае и Гуанчжоу. Количество пассажиров, обслуживаемых китайскими аэропортами, достигает нескольких миллиардов в год. Китай активно строит и модернизирует аэропорты в различных частях страны, включая расширение «Терминала 3» в Пекинском аэропорту и строительство новых международных аэропортов. Это превратило страну в одну из ведущих стран

в мире по количеству и распределению аэропортов.

На восточном и южном побережье страны расположены крупные порты, такие как порт Шанхай и порт Шэньчжэнь, которые являются одними из самых загруженных портов в мире. Эти порты обеспечивают крупномасштабные морские перевозки, связывая Китай с другими странами.

Китай стремится стать мировым лидером в области транспортной инфраструктуры. Постоянные инвестиции страны в развитие транспортной системы способствуют повышению эффективности и увеличению масштабов перевозок как на внутренних, так и на международных маршрутах. Как следствие, Китай занимает важное место в мировой транспортной индустрии и продолжает активно развиваться в этой сфере.

Проведя сравнительный анализ состояния транспортного комплекса в двух странах, авторы поставили вопрос о перспективах российско-китайского сотрудничества в области развития транспортной инфраструктуры. В этих целях экспертным коллективом был проведен социологический опрос⁹ на предмет интереса Китая в отношении сотрудничества с Россией в текущей геополитической ситуации. Опрос был проведен среди 80 человек в возрасте 30-45 лет из 14 провинций материкового Китая, имеющих высшее образование, занятых в различных секторах экономики.

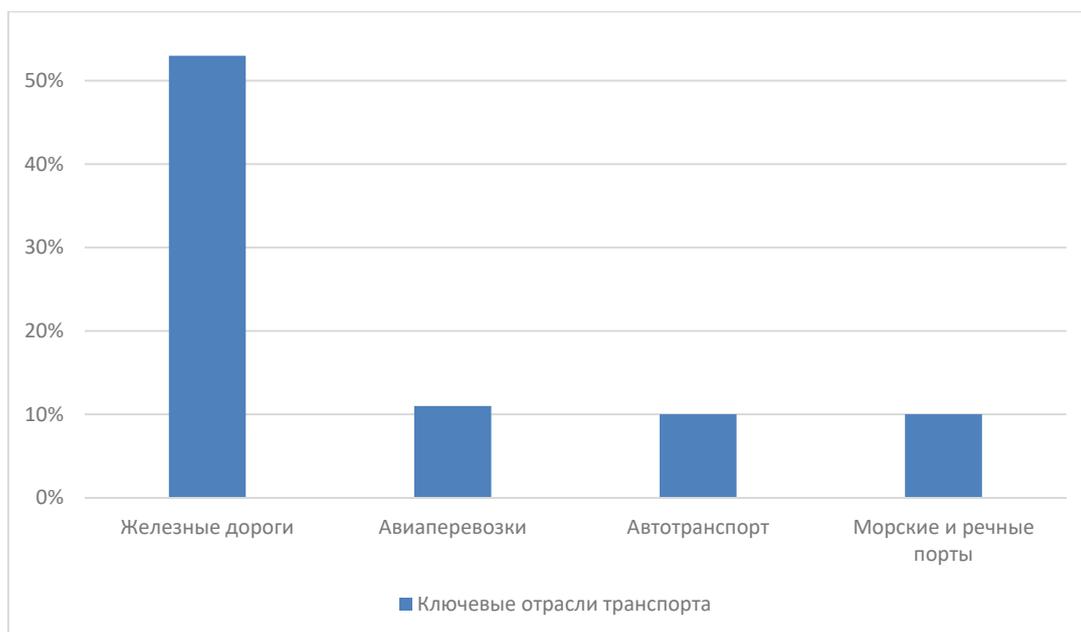
Согласно результатам опроса, 96% респондентов считают, что китайско-российские отношения будут активно развиваться в сфере экономического сотрудничества в среднесрочной перспективе (5-10 лет). В свою очередь, большинство (60%) считают, что сотрудничество России и Китая в области создания инфраструктуры в ближайшие 5-10 лет будет активно развиваться. А 59% опрошенных видят наибольшую перспективу для российско-китайского сотрудничества в транспортной сфере.

При определении инфраструктурных отраслей, имеющих в настоящее время наибольшие взаимные интересы у двух стран, опрашиваемые посчитали таковыми железные дороги (53%), авиаперевозки (11%), автотранспорт (10%) морские и речные порты (10%).

А по результатам анкетирования среди

⁹ Опрос на тему "Особенности сотрудничества России и Китая в текущей геополитической ситуации".

Диаграмма 1. Результаты анкетирования по вопросу «Какие инфраструктурные отрасли, имеют в настоящее время наибольшие взаимные интересы у России и Китая?»

Источник: составлено авторами по результатам социологического опроса на тему «Особенности сотрудничества России и Китая в текущей геополитической ситуации».

молодого населения¹⁰ Китая, выполненного в ходе работы над представленным грантом, на тему: «Работа с Россией: оценка карьерных перспектив», из 60 опрошенных китайских студентов большинство (77%) рассматривают Россию в качестве надежного стратегического партнера Китая. Также было выявлено, что 66% опрошенных видят потенциал сотрудничества с Россией в отношении реализации совместных инфраструктурных проектов. Более того, 75% опрошенных рассматривают для себя карьерные перспективы в реализации совместных с Россией долгосрочных инвестиционных проектов, в т.ч. в области развития инфраструктурного комплекса.

На сегодняшний день Россия и Китай уже реализуют ряд совместных стратегически значимых трансграничных проектов, среди которых можно выделить несколько проектов в рамках инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП), выдвинутую в 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином. Более 150 стран задействовано в реализации такого масштабного проекта, в их числе и Россия.

Идея данного проекта заключается в объ-

единении сухопутных и морских торговых путей в целях развития транспортных связей и расширения сотрудничества среди нескольких континентов, которые составляют страны Юго-Восточной Азии, Африки, Ближнего Востока и Европы. Инициатива ОПОП предполагает реализацию двух проектов «Экономический пояс Шелкового пути» («Пояс») и «Новый морской Шелковый путь XXI века» («Путь»).

Если целью «Пути» является создание новых портов, расширение действующей морской инфраструктуры, то «Пояс» направлен на расширение шести сухопутных транспортных коридоров Китая в Европу и Азию. Три из шести основных наземных маршрутов ОПОП проходят через разные регионы Евразии, в их число входят «Евразийский сухопутный мост», коридор «Китай – Центральная Азия – Западная Азия», коридор «Китай – Монголия – Россия» [11; 12].

В России в рамках проекта предусмотрено строительство высокоскоростной магистрали (ВСМ) «Москва – Казань», которая в перспективе должна быть продлена и стать частью ВСМ «Москва – Пекин», который

¹⁰ Выборка составила 60 человек в возрасте 18-25 лет из 9 провинций материкового Китая, обучающихся в ВУЗах по различным специальностям (случайная выборка).

станет северным маршрутом «Шелкового пути».

С ростом российско-китайского товарооборота, который уже за 2023 г. составил более 240 млрд долл. США, усиливается роль транспортного коридора Китай – Монголия – Россия (СМРЕС), одного из шести в рамках ОПОП [8]. За период реализации инициативы «Один пояс – один путь» между Россией, Монголией и Китаем уже достигнуто трехстороннее соглашение о модернизации центрального маршрута «Тяньцзинь – Улан-Батор – Улан-Удэ». Данный маршрут к 2030 г. планируется превратить в «двухпутную электрифицированную железную дорогу». Развитие этого направления соответствует интересам России в сфере торговли с Китаем и развития Дальнего Востока.

Международное сотрудничество в рамках улучшения транспортных связей, несомненно, целесообразно. А экономический эффект от реализации ОПОП неоспорим. По данным Всемирного банка, транспортные коридоры ОПОП будут способствовать улучшению позиции стран в сфере торговли и ПИИ, а также благоприятно отразятся на условиях жизни граждан в странах-участниках. Уже за 10 лет было привлечено инвестиций в размере порядка 1 трлн. долл. США. Товарооборот Китая уже увеличился со странами вдоль маршрута ОПОП до 2,07 трлн долл. США. Развитие данной инициативы к 2030 г. позволит создать около 420 тыс. рабочих мест в странах-участниках проекта, что приведет к снижению уровня бедности (в частности, реализация проектов поможет вывести из состояния крайней бедности (менее 1,90 долл. США в день по ППС) 7,6 млн человек) [12].

Другим чрезвычайно перспективным трансграничным проектом можно считать развитие «Северного морского пути» (СМП), который позволяет сократить время транспортировки грузов по сравнению с уже привычным маршрутом через Суэцкий канал.

Маршрут СМП открывает доступ к ресурсам Арктики и Сибири, где на сегодня добывают порядка 10% общемировых объемов нефти и 25% природного газа [5].

Трасса способствует развитию и международной торговли, обеспечивая выход производителям на азиатские рынки, при этом сокращая расходы на топливо и время на перевозку, что обеспечивает снижение стоимости груза. Китай уже в 2022 г. стал крупнейшим импортером российского СПГ, поставляемого через СМП в порты китайских городов Жичжао, Циндао и Циньчжоу. Тем самым, открывая перспективы для дальнейшего сотрудничества в этом направлении.

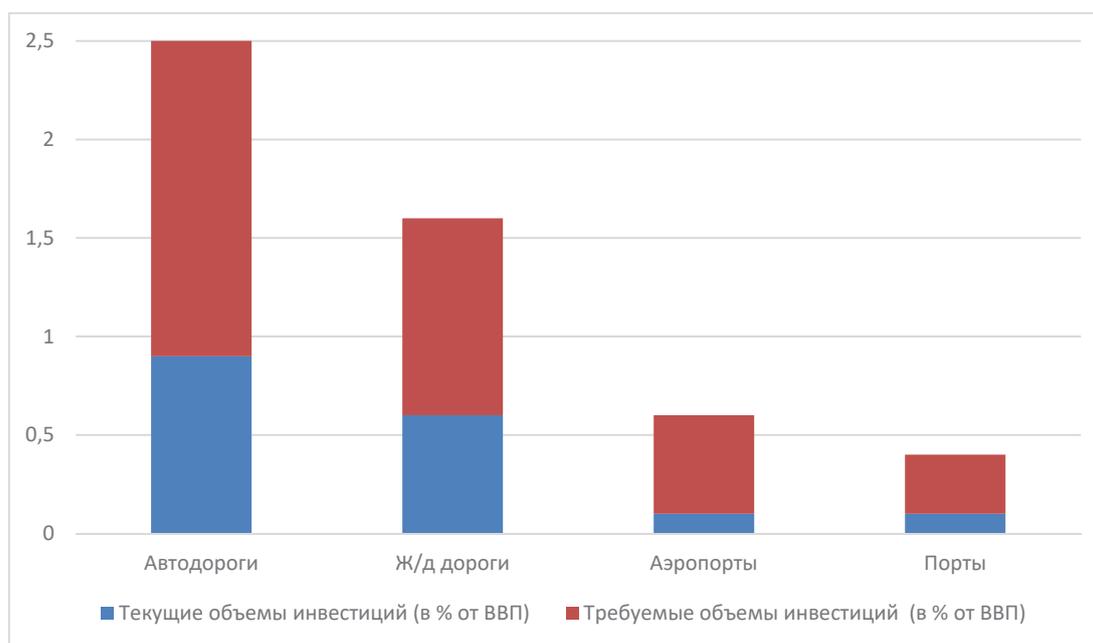
В сфере авиации на стадии реализации находятся ряд значимых для обеих стран проектов. Так, Китай заинтересован в совместном производстве обновленного варианта пассажирского самолёта «Ил-114». А на данный момент осуществляется контракт на поставку 24 многофункциональных истребителей «Су-35» поколения 4++». Более того, Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) совместно с китайскими партнерами, создает фонд развития гражданской авиационной промышленности на сумму в 100 млрд руб. Планируется, что фонд будет осуществлять инвестирование в проекты и авиационные предприятия на территории обеих стран [1].

Однако, несмотря на уже значительные успехи в развитии транспортного комплекса России и Китая, которых удалось достичь благодаря реализации соответствующих стратегических программ и проектных инициатив, в том числе совместных, перед обеими странами всё ещё стоит проблема инфраструктурного разрыва и бюджетной нагрузки¹¹.

Так, согласно данным международной аналитической организации Global Infrastructure Hub (GIH), к 2040 г. инфраструктурный разрыв в российской транспортной инфраструктуре составит порядка 650 млрд. долл. США [14].

¹¹ Инфраструктурный разрыв заключается в несоответствии между фактическим наличием определённого объёма инфраструктуры и потребностью в инфраструктуре данного вида на объекте.

Диаграмма 2. Инвестиции в инфраструктуру в России к 2040 г. (в % от ВВП)

Источник: составлено авторами на основе *Infrastructure Outlook. Investments Forecasts for Russia* // Global Infrastructure Hub. URL: <https://outlook.gihub.org/countries/Russia>

При этом среднегодовые инвестиции в отрасли транспортной инфраструктуры в России в 1,4 раза ниже среднемировых значений. Объем инвестиций в российскую инфраструктуру транспорта не достигает среднего показателя по развитым странам в размере не менее 4% от ВВП.

В Китае в соответствии с данными Global Infrastructure Hub (ГИН), инфраструктурный разрыв к 2040 г. может достичь порядка 1,9 трлн долл. США [16]. Такая тенденция сохраняется даже, несмотря на то, что ежегодно Китай инвестирует порядка 8% ВВП в развитие транспортной инфраструктуры.

Кроме того, риск увеличения нагрузки на государственный бюджет, является одним из основных препятствий в достижении устойчивости проектных инициатив, в том числе реализуемых странами в трансграничном формате.

В России по итогам 2023 г. общий объем бюджетных расходов на развитие общественной инфраструктуры, в т.ч. отраслей транспорта, оценивается экспертами на уровне 1,7% ВВП. Этого недостаточно, чтобы обеспечить ускоренное развитие экономики страны [6]. Более того, от общего объема

бюджетных ассигнований на инфраструктуру около 30% идет на строительство новых объектов, а остальные 70% приходится на модернизацию уже существующих объектов транспортной инфраструктуры. В этой связи снижение бюджетных затрат на поддержание имеющейся инфраструктуры является одной из приоритетных задач стратегии развития транспорта в России.

Китай в попытке сократить свои государственные расходы может отказаться от реализации ряда инфраструктурных проектов в регионах, имеющих задолженность. В их числе могут оказаться и проекты в сфере развития транспорта, что может отрицательно отразиться на поставленных перед экономикой страны задачах, в том числе, и по достижению 5%-го показателя годового экономического роста [13].

В связи с этим, авторы предлагают обратить внимание на одно из перспективных направлений частного финансирования, при реализации выдвинутых государствами обеих стран проектных инициатив в развитии транспортного комплекса, – формат государственно-частного партнёрства (ГЧП)¹².

¹² Государственно-частное партнёрство (ГЧП), инструмент, включённый во многих странах в программы и планы по инфраструктурному развитию, а также зарекомендовавший себя на мировом рынке инфраструктурных проектов в качестве эффективного механизма по развитию производственной и социальной инфраструктуры.

На протяжении последних лет наблюдался стабильный рост российского и китайского рынка инфраструктурных инвестиций, в частности ГЧП-проектов. С одной стороны, такая тенденция связана с созданием и укреплением институциональной, нормативно-правовой среды, а с другой – с совершенствованием опыта реализации инфраструктурных проектов на принципах партнёрства в обеих странах.

По данным российского Национального центра развития ГЧП, за все годы функционирования механизмов ГЧП в стране уже запущено 5 060 соглашений о ГЧП с объёмом законтракованных по ним инвестиций (совместно публичной и частной стороны) порядка 5,5 трлн руб., из которых 71% – 3,9 трлн руб. приходится на частный сектор [3].

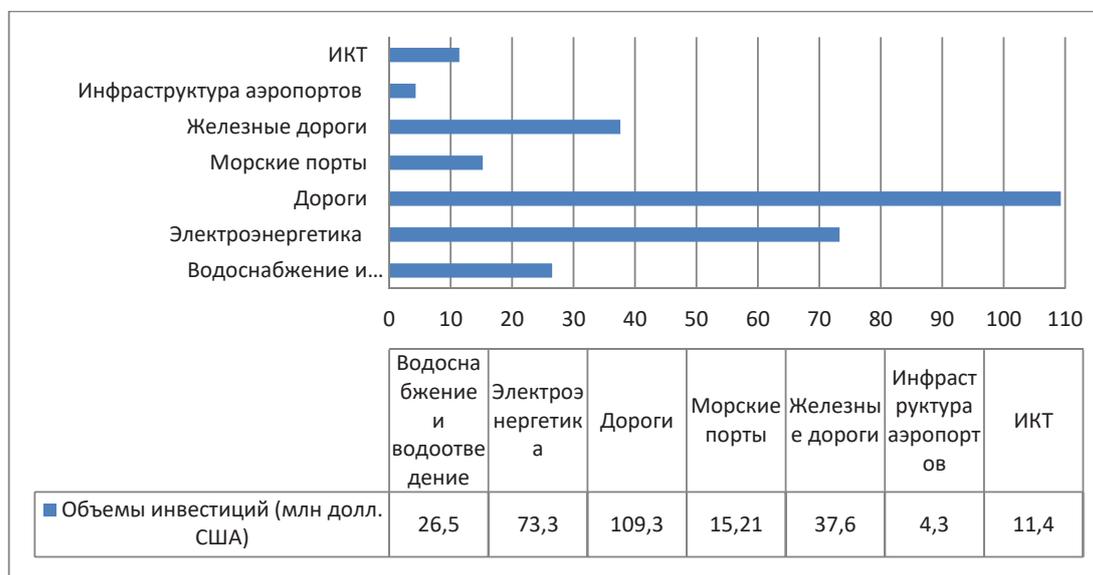
Больше всего по числу ГЧП-проектов в России реализуется в сфере ЖКХ и городской среды – 2 777 на сумму в 1,1 трлн. Следом за ней в сфере образования и науки – 220 соглашений с совокупным объёмом инвестиции в 606,4 млрд руб.

При этом транспортная инфраструктура с числом проектных инициатив в 108 соглашений является крупнейшей по объёмам

законтракованных инвестиций в размере около 2,7 трлн руб. Наибольшие объёмы инвестиций законтракованы в развитие автодорог и искусственных сооружений (47 соглашений на 1,5 трлн руб.), рельсового общественного (16 соглашений на 334,1 млрд руб.) и железнодорожного транспорта (6 соглашений на 330,8 млрд руб.). А 2023 г. были подписаны соглашения на реализацию еще 7 новых ГЧП-проектов по развитию транспортной инфраструктуры. Тем самым, несмотря на сложную экономическую ситуацию, растут инвестиции в транспортную отрасль.

За время с начала работы китайского Центра ГЧП (China's PPPs Center) количество проектных инициатив в Китае заметно увеличилось и по его данным насчитывается более 10 тыс. зарегистрированных проектов на сумму около 2 трлн долл. США, что позволило Китаю войти в число мировых лидеров по количеству ГЧП-проектов и по объёму инвестиций в них вкладываемых [14]. А с 2012 г. на заседании Коммунистической партии Китая механизм ГЧП был объявлен в качестве основного инструмента по реализации финансового реформирования.

Диаграмма 3. Общий объем инвестиций в ГЧП-проекты в Китае за период 1990-2023 гг. (млн. долл. США)

Источник: составлено авторами на основе Country Snapshots. China. Private Participation in Infrastructure (PPI) // Infrastructure Finance, PPPs & Guarantees. International Bank for Reconstruction and Development. URL: <https://ppi.worldbank.org/en/snapshots/country/china>

¹³ Представленная информация касается только проектов, запущенных в форме КС и СГЧП/СМЧП, включая СГЧП/СМЧП в рамках регионального законодательства. Под действующими соглашениями понимаются соглашения о реализации проектов, прошедших коммерческое закрытие, за вычетом завершенных по окончании срока действия или по иным причинам.

Согласно данным Всемирного банка, наибольшее количество проектов приходится на инженерную инфраструктуру – это объекты водоснабжения и водоотведения (666 проектов на сумму 26 млрд долл. США). За ними следуют проекты в области электроэнергетики – 497 проектов общей стоимостью 73,3 млрд. долл. США. Количество проектов в области транспортной инфраструктуры несколько меньше, но важно сказать, что на неё приходится наибольший объём инвестиций. В частности, такие отрасли транспорта, как дороги (более 109 млрд. долл. США), железнодорожная инфраструктура (около 38 млрд. долл. США) и порты (более 15 млрд. долл. США) являются лидерами по объемам совокупных и привлекаемых инвестиций.

Представленные данные демонстрируют, что первостепенная роль в организации строительства крупных капиталоемких транспортных объектов отводится механизмам ГЧП. А сотрудничество между Россией и Китаем в формате ГЧП может стать важным фактором для развития новых логистических коридоров, в целях оптимизации транзитного грузового трафика, а также улучшения транспортной доступности меж-

ду населенными пунктами регионов обеих стран.

Это подтверждают и результаты уже выше названного социологического опроса на тему «Особенности сотрудничества России и Китая в текущей геополитической ситуации». Согласно опросу 84% опрошенных оценивают ГЧП как эффективный инструмент, способствующий реализации двусторонних инфраструктурных проектов Китая и России, в том числе в развитии транспортной отрасли.

К тому же Китай уже имеет опыт сотрудничества с российскими компаниями в области транспорта, и возможности для расширения этого сотрудничества в рамках ГЧП есть. Здесь стоит рассмотреть один из крупнейших в мировой практике трансграничный ГЧП-проект¹⁴ в формате концессии, заключенной в целях строительства «Пограничного моста через Амур между городами Благовещенск и Хэйхэ» совокупной стоимостью в 304,4 млн долл. США. Данный мост, строительство которого завершилось в 2019 г., а эксплуатация предусмотрена на срок до 2040 г., является единственным постоянным автомобильным мостом между городами Благовещенск и Хэйхэ.

Таблица 1.

Характеристики проекта «Автомобильный мост через Амур между городами Благовещенск и Хэйхэ»

Сектор	Автомобильные дороги
Объект	мостовой переход через реку Амур в районе городов Благовещенск и Хэйхэ
Форма реализации	ГЧП в формате концессии на строительство, эксплуатацию и передачу (ВОТ)
Стоимость и особенности финансирования	304,4 млн. долл. США. Долевое финансирование с привлечением заемных средств
Публичные партнеры	Россия и Китай в лице соответственно Правительства Амурской области (РФ) и Народного правительства провинции Хэйлунцзян (КНР)
Частный партнер	совместная российско-китайская концессионная компания со штаб-квартирой в Хэйхэ и филиалом в Благовещенске.
Финансирующая организация	банк провинции Хэйлунцзян
Возврат инвестиций	за счет доходов от взимания платы за проезд по мосту (механизм возврата user-pay).

¹⁴ На сегодняшний день в мировой практике не существует единого подхода к понятию трансграничного ГЧП. Тем не менее, обобщая существующие определения Global Infrastructure Hub, Азиатского банка развития (АБР), ЮНСИТРАЛ, можно сказать, что трансграничные ГЧП проекты, это проекты, которые реализуются в отношении развития (создания и дальнейшей эксплуатации) той инфраструктуры, которая находится на границе двух или более государств и/или пересекает их границы и состоит из нескольких технологически связанных между собой объектов. Мировой опыт демонстрирует, что на сегодняшний день уже реализовано или находится на стадии реализации порядка 18 трансграничных ГЧП-проектов в сфере транспорта и водно-энергетического комплекса.

Правовая основа реализации	1. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о совместном строительстве моста через реку Амур (Хэйлунцзян) в районе городов Благовещенск – Хэйхэ от 26.06.1995. 2. Протокол от 03.09.2015 о внесении изменений в Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о совместном строительстве моста через реку Амур (Хэйлунцзян) в районе городов Благовещенск – Хэйхэ от 26.06.1995. 3. Концессионный договор в отношении пограничного мостового перехода через реку Амур (Хэйлунцзян) в районе городов Благовещенск (Российская Федерация) и Хэйхэ (КНР) от 15.06.2016.
Сроки реализации	2015-2019 гг.: этапы проектирования и строительства 2020-2040 гг.: эксплуатационный этап

Источник: составлено авторами на основе «Трансграничные государственно-частные партнёрства // Доклады и рабочие документы. ЕАБР. 2023.

В число долгосрочных преимуществ данного совместного российско-китайского проекта входит следующее [9]:

- обеспечение связи между городами Благовещенск и Хэйхэ на постоянной основе (круглосуточно и круглогодично);
- увеличение числа транзитных перевозок грузов через Амурскую область и провинцию Хэйлунцзян, а также сокращение сроков доставки грузов на несколько суток за счет внедрения современных технологий таможенного контроля и оформления грузов на МАПП Кани-Курган и Хэйхэ;
- развитие торговли и туризма, что в свою очередь отражается на росте экономик обеих стран;
- экологические выгоды, которые выражены в снижении выбросов загрязняющих веществ и парниковых газов ввиду сокращения расстояний и времени перевозок пассажиров и грузов, а также улучшения дорожных условий.

В Евразийском регионе практика подобного рода партнёрства не использовалась до момента реализации представленного российско-китайского ГЧП-проекта по строительству и эксплуатации автомобильного моста через реку Амур.

Таким образом, преимущества трансграничных проектов, в т.ч. в формате ГЧП, обусловлены возможностями объединения ресурсов государств-участников и частных партнеров, что позволяет восполнять дефицит государственных средств для развития трансграничной инфраструктуры, решать проблемы, возникающие в силу разницы инвестиционных возможностей государств и различий между их законодательством. Объединение ресурсов (имущественных, финансовых, управленческих) в формате трансграничных проектов позволяет участникам осуществлять совместную деятельность, результаты которой сложно или даже

невозможно достичь странам по отдельности при реализации национальных стратегически значимых проектов.

Заключение

В ходе выполнения исследования авторами был проведен сравнительный анализ текущего состояния транспортного комплекса в России и Китае в целях выявления достигнутых результатов и имеющихся проблем. Анализ продемонстрировал, что на современном этапе обе страны достигли значительных достижений в области развития транспортного комплекса, в том числе благодаря реализуемым государственным программам и национальным проектам. Тем не менее в обеих странах все еще сохраняется проблема инфраструктурного разрыва, что выражается в неравномерном распределении транспортных возможностей между различными регионами рассматриваемых стран.

Далее авторами был поставлен вопрос о перспективах и приоритетах российско-китайского сотрудничества. Благодаря проведенному опросу среди старшего и молодого населения Китая было выявлено, что потенциал сотрудничества с Россией наблюдается в отношении реализации совместных инфраструктурных проектов, в частности развития транспортного комплекса обеих стран. И одним из перспективных инструментов для развития отраслей транспорта России и Китая, а также обеспечения устойчивого роста экономик обеих стран может стать реализация трансграничных проектов. В связи с чем был произведен анализ ряда приоритетных трансграничных проектов, на основе чего была выявлена проблема недостатка бюджетных средств и растущего усиления нагрузки на государственный бюджет при распределении расходов на финансирование инфраструктурных мегапроектов.

В целях урегулирования данной проблемы и расширения возможностей по углублению российско-китайского сотрудничества при реализации совместных проектов в сфере инфраструктурного комплекса в части развития отраслей транспортной системы, а также смежных сфер (например, поставки оборудования и внедрения инновационных технологий), авторами было предложена имплементация механизмов государственно-частного партнёрства.

Исследование показало, что на сегодняшний день Россия и Китай уже обладают практикой сотрудничества в области совместных трансграничных проектов, в том числе в формате ГЧП, а их реализация демонстрирует потенциал роста проектных инициатив.

Взаимодействие между государствами с привлечением инвестиций частного сектора может способствовать ускорению инноваций, повышению эффективности и снижению рисков в реализации транспортных проектов.

Реализация трансграничных проектов позволит:

1. Обеспечить физическую связанность территорий Китая и России;
2. Достигнуть взаимовыгодной экономической эффективности, выраженной в:
 - увеличении объемов торговли товарами и услугами;

- росте взаимных инвестиций;
- миграции капитала и рабочей силы, что являются главными показателями усиления процессов экономической интеграции.

Создание и развитие трансграничной инфраструктуры даст дополнительные эффекты и для частных инвесторов, открыв доступ к рынкам сразу обеих стран.

Так, реализация совместных проектов может углубить и расширить отношения между Россией и Китаем, создавая всеобъемлющее стратегическое партнёрство, выстраиваемое на принципах взаимного доверия при учете интересов обеих сторон. Развитие новых и совершенствование старых транспортных маршрутов благотворно отразится на расширении торгового сотрудничества и масштабах привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Более того, может помочь сотрудничеству и в гуманитарной сфере, что приведет к углублению связей в области культуры и науки.

Исследование проводится в рамках выполнения гранта молодых ученых под руководством докторов и кандидатов наук МГИМО «Новое пространство международного сотрудничества». Грант (Проект) № КМУ-14/03 «Потенциал сотрудничества России и Китая в реализации инфраструктурных проектов».

Литература:

1. Костринский Г. РФПИ создает российско-китайский фонд развития гражданского авиапрома на 100 млрд. рублей // Ведомости. Бизнес. 2023. URL: <https://www.vedomosti.ru>.
2. Милькина А. Как развиваются транспортные мегапроекты в России // Ведомости. Развитие инфраструктуры. 2024. URL: <https://www.vedomosti.ru>.
3. Основные тренды и статистика рынка ГЧП по итогам 2023 года // Аналитический дайджест, подготовленный АНО «Национальным центром ГЧП» при поддержке ГК ВЭБ.РФ. 2023 г.
4. Сафрончук М.В. Кейнсианство сегодня: инфраструктурные проекты – необходимое условие для выхода из современного кризиса // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. № 11. Т. 1. С. 5-11.
5. Северный морской путь: что и куда перевозят среди российских льдов // БКС Экспресс. URL: <https://bcs-express.ru>.
6. Строительство в российских регионах: итоги 2023 г. // Аналитическое агентство "Sherpa Group". URL: <https://sherpagroup.ru>.
7. Развитие транспортной системы России в 2023 году // Взгляд. Деловая газета. URL: <https://vz.ru>.
8. Товарооборот России и Китая в 2023 году побил рекорд // РБК. Экономика. URL: <https://www.rbc.ru>.
9. Трансграничные государственно-частные партнёрства // Доклады и рабочие документы. ЕАБР. 2023.
10. Транспорт. Технологии. Тренды. Как новые технологии меняют железнодорожную отрасль? // Аналитический обзор инвестиционной компании полного цикла «РЖД-Инвест». 2020.
11. Экономические аспекты инициативы «Один пояс, один путь»: Возможности и риски транспортных коридоров // Всемирный банк. 2019. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org>.
12. Belt and Road Economics: Opportunities and Risks of Transport Corridor // International Bank for Reconstruction and Development. Washington DC., 2019.

13. China's treatment of local debt 'ulcer' threatens growth target // Financial Times. 2024. URL: <https://www.ft.com>.
14. Country Snapshots. China. Private Participation in Infrastructure (PPI) // Infrastructure Finance, PPPs & Guarantees. International Bank for Reconstruction and Development. URL: <https://ppi.worldbank.org>.
15. Infrastructure Outlook. Investments Forecasts for Russia // Global Infrastructure Hub. URL: <https://outlook.gihub.org>.
16. Infrastructure Outlook. Investments Forecasts for China // Global Infrastructure Hub. URL: <https://outlook.gihub.org>.

COMPARATIVE ANALYSIS OF TRANSPORT INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT IN CHINA AND RUSSIA: PROSPECTS FOR COOPERATION

Introduction. This research examines the state and trends in the development of transportation infrastructure in Russia and China. The practice of implementing project initiatives to create transportation infrastructure facilities in Russia and China is presented, as well as the experience of joint cross-border projects, including those implemented on the principles of Public-Private Partnership (PPP), in order to identify prospects for deepening Russian-Chinese cooperation.

Materials and methods. Russian and Chinese official policy documents, analytical reports and statistical data from the World Bank, the Global Infrastructure Hub agency, the China Public-Private Partnerships Center, the Russian National Center for PPP, the Russian ROSINFRA infrastructure project support platform, as well as Russian and Chinese media sources were used as materials for the research.

The research methodology is based on a theoretical and statistical analysis of the specifics of the development of the transportation sector infrastructure within the framework of the implementation of national programs and development strategies of Russia and China, as well as the organization of joint cross-border projects. In the course of the research, expert and survey methods were used, as well as comparative analysis techniques. The results of the research are based on the application of a systematic approach and other scientific methods, such as the method of grouping, generalization, classification, analogy, comparison, formalization. The study also uses descriptive methods based on the collection and study of practical examples of the implementation of projects for the development of the transportation sector in Russia and China.

Research results. Comparing the state of the transportation infrastructure of Russia and China, and conducting a sociological survey on the possibilities of Russian-Chinese cooperation in the field of infrastructure, the authors found that the infrastructure of the transportation sector has the greatest prospect for strengthening cooperation between both countries. The analysis of a number of priority

joint cross-border projects revealed the problems of lack of budgetary funds and the growing increase in the burden on the state budget in the allocation of expenditures for financing infrastructure projects. In this regard, the authors proposed a Public-Private Partnership (PPP) mechanism as a source of additional financing to support the development of transportation infrastructure, as well as its use to deepen bilateral cooperation between China and Russia in the framework of cross-border infrastructure projects.

Discussion and conclusion. In the course of the research, it was found that the potential for cooperation between Russia and China is observed in relation to the implementation of joint infrastructure projects, in particular the development of certain transportation industries. And one of the promising tools for the development of the transportation sectors of Russia and China, as well as ensuring sustainable growth of the economies of both countries, may be the implementation of cross-border projects. The study demonstrates that for the current period, Russia and China have already developed experience in the field of joint cross-border projects.

However, with the continuing burden on the state budget and the reduction of budget expenditures for the development of the infrastructure complex, which, as it was found in the research, leads to an increase in the problem of the infrastructure gap, additional sources of financing are needed. In order to solve this problem, the authors proposed a PPP format for the implementation of joint cross-border projects. The authors have revealed that interaction between states with the attraction of private investment can help accelerate innovation, increase efficiency, as well as deepen and expand Russian-Chinese cooperation.

Ellina A. Shamanina,
PhD in Economics, Associate Professor
of the Department of Economic Policy and
Public-Private Partnership, Moscow State
Institute of International Relations (MGIMO
University), Moscow, Russia

Sofia N. Letnikova,
master's student, Moscow State Institute
of International Relations (MGIMO
University), Moscow, Russia

Alexander D. Zavyalov,
master's student, Moscow State Institute
of International Relations (MGIMO
University), Moscow, Russia

Ключевые слова:

инфраструктура, транспорт, отрасли
транспортной инфраструктуры,
сотрудничество, инфраструктурный
разрыв, трансграничные проекты,
государственно-частное партнёрство (ГЧП),
трансграничные проекты ГЧП, Россия,
Китай.

Keywords:

Infrastructure, Transport infrastructure,
partnership, Infrastructure gap, cross-border
projects, Public-Private Partnership (PPP),
cross-border PPP projects, Russia, China.

The article was prepared within the framework of the MGIMO-University grant for the performance of scientific work by young researchers under the guidance of doctors or candidates of sciences, project No. КМУ-14/03 "Potential for Russia and China cooperation in the implementation of infrastructure projects"

References:

1. Kostrinskij, G., 2023. RFPI sozdaet rossijsko-kitajskij fond razvitiya grazhdanskogo aviaproma na 100 mlrd rublej [RDIF is creating a Russian-Chinese fund for the development of the civil aviation industry worth 100 billion rubles]. *Vedomosti. Biznes. [Vedomosti. Business]*. URL: <https://www.vedomosti.ru>.
2. Mil'kina, A., 2024. Kak razvivajutsja transportnye megaproekty v Rossii [How transport major projects are developing in Russia]. *Vedomosti. Razvitie infrastruktury. [Vedomosti. Infrastructure development]*. URL: <https://www.vedomosti.ru>.
3. Osnovnye trendy i statistika rynka GChP po itogam 2023 goda [Main trends and statistics of the PPP market by the end of 2023]. *Analiticheskij dajdzhest, podgotovlennyj ANO «Nacional'nym centrom GChP» pri podderzhke GK VEB.RF [Analytical Digest. National Centre for PPP and VEB.RF]*. 2023.
4. Safronchuk, M.V., 2016. Kejnsmianstvo segodnja: infrastrukturnye proekty – neobhodimoe uslovie dlja vyhoda iz sovremennogo krizisa [Keynesianism today: infrastructure projects – the necessary condition for the exit from modern crisis]. *Jekonomika i upravlenie: problemy, reshenija [Economics and management: problems, solutions]*. № 11. Т. 1. P. 5-11.
5. Severnyj morskoy put': chto i kuda perevozzjat sredi rossijskih l'dov [Northern Sea Route: what is transported and where among Russian ice]. *BKS Jekspress [BCS-Express]*. URL: <https://bcs-express.ru>.
6. Stroitel'stvo v rossijskih regionah: itogi 2023 g. [Construction in Russian regions: results for 2023]. *Analiticheskoe agentstvo "Sherpa Group" [Analytical Agency "Sherpa Group"]*. URL: <https://sherpagroup.ru>.
7. Razvitie transportnoj sistemy Rossii v 2023 godu [The Russian transport system development in 2023]. *Vzgljad. Delovaja Gazeta [View. Business Newspaper]*. URL: <https://vz.ru>.
8. Tovaroorobot Rossii i Kitaja v 2023 godu pobil record [Trade turnover between Russia and China in 2023 broke a record]. *RBK. Jekonomika [RBC. Economics]*. URL: <https://www.rbc.ru>.
9. Transgranichnye gosudarstvenno-chastnye partnjorstva [Cross-border public-private partnerships]. *Doklady i rabochie dokumenty [Reports and working papers]*. EABR [EDB]. 2023.
10. Transport. Tehnologii. Trendy. Kak novye tehnologii menjajut zheleznodorozhnuju otrasl'? [Transport. Technologies. Trends. How are new technologies changing the railway industry?]. *Analiticheskij obzor investicionnoj kompanii polnogo cikla «RZhd-Invest» [Analytical Review, RZD-Invest]*. 2020.
11. Jekonomicheskie aspekty iniciativy «Odin pojas, odin put'»: Vozmozhnosti i riski transportnyh koridorov [Economic aspects of the Belt and Road Initiative: Opportunities and risks of transport corridors]. *Vsemirnyj bank [World Bank]*. 2019. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org>.
12. Belt and Road Economics: Opportunities and Risks of Transport Corridor. 2019. International Bank for Reconstruction and Development. Washington DC.
13. China's treatment of local debt 'ulcer' threatens growth target. 2024. *Financial Times*. URL: <https://www.ft.com>.
14. Country Snapshots. China. Private Participation in Infrastructure (PPI). Infrastructure Finance, PPPs & Guarantees. International Bank for Reconstruction and Development. URL: <https://ppi.worldbank.org>.
15. Infrastructure Outlook. Investments Forecasts for Russia. *Global Infrastructure Hub*. URL: <https://outlook.gihub.org>.
16. Infrastructure Outlook. Investments Forecasts for China. *Global Infrastructure Hub*. URL: <https://outlook.gihub.org>.

ГЛОБАЛЬНАЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Анастасия Чикова*

DOI 10.24833/2073-8420-2024-2-71-91-101

Введение. В данной статье рассматриваются текущие тенденции, связанные с замедлением экономической глобализации в свете геополитических и экономических факторов, оказывающих влияние на динамику мировой экономики. Проверяется гипотеза о том, что в современном мире принципы глобализации претерпевают существенные изменения. Автор исследует происходящие трансформации по трем основным направлениям: динамика экономического роста на глобальном и региональном уровнях; фрагментация мировой экономики и изменение роли глобальных институтов. Особое внимание уделяется анализу данных тенденций в странах БРИКС, представляющих собой наиболее динамично развивающийся блок мировой экономики.

Материалы и методы. Методологической основой данного исследования выступили синтез, метод качественного и количественного анализа, метод сравнительного исследования и статистический метод. В качестве материалов были использованы современные исследования в области процессов глобализации и регионализации, официальные отчеты международных организаций, статистические данные и новостные источники мировых СМИ.

Результаты исследования. Результаты исследования показывают, что дальнейшее развитие глобализации будет происходить по сценарию регионализации без привязки к географическим регионам, что представляется наиболее целесообразным решением с точки зрения преодоления глобальных проблем, с которыми сталкиваются страны, включая вопросы безопасности и инклюзивности. Автор приходит к выводу, что возникающая форма глобализации будет характеризоваться многополярностью, распределением центров экономического роста и большей зависимостью от региональных торговых блоков.

Обсуждение и заключение. Факторы, способствующие развитию регионализации, остаются весьма существенными, несмотря на дестабилизацию международных отношений. Глобальная регионализация, появившаяся в ответ на вызовы постглобализации, приведет к формированию новых моделей интеграционного взаимодействия стран и станет важнейшей составляющей мировой экономики.

* **Чикова Анастасия Евгеньевна**, соискатель кафедры экономической политики и государственно-частного партнерства, ученый секретарь Ученого совета факультета международного бизнеса МГИМО МИД России
e-mail: nastya.chikova@inbox.ru
ORCID ID: 0009-0009-7774-911X

Введение

Глобализация экономики представляет собой усиление взаимозависимости мировых экономик в результате роста масштабов трансграничной торговли товарами и услугами, движения международного капитала, а также широкого и быстрого распространения технологий. Она отражает постоянное расширение и взаимную интеграцию международных рынков и является ключевым показателем глобального экономического роста.

В последние годы экономическая взаимозависимость стран ослабла и глобализация, несомненно, вступает в новую фазу. Спустя четыре года после начала глобальной пандемии мировая экономика остается неустойчивой и весьма неопределенной. Ограничительные меры в отношении трансграничных операций и последующее ухудшение геополитического ландшафта лишь обнажили и усугубили структурные слабости и уязвимости взаимосвязанной глобальной экономики, которая начинает раскалываться на конкурирующие блоки.

Одной из тенденций современной мировой экономики является замедление темпов экономической глобализации, обусловленное геополитическими и экономическими факторами. Подтверждением тому является снижение темпов экономического роста по сравнению с 1990 и 2000-ми годами; замедление роста мировой торговли; усиление политики протекционизма; сокращение прямых иностранных инвестиций; возрастание роли государств Глобального Юга, которые по объему ВВП обогнали «большую семерку»; кризис глобальных институтов, в том числе кризис многостороннего регулирования международной торговли в рамках ВТО.

Потенциально находясь лишь на ранних стадиях, перемещение, перепрофилирование и общая перестройка глобальной торговли между противостоящими блоками окажут серьезное влияние на мир. Цепочки поставок изменятся, отношения между компаниями должны будут адаптироваться, и, несомненно, появятся новые соперники [5]. Угрозы глобализации реальны, а современная «турбулентная среда», характеризующаяся геополитической напряженностью и другими кризисами, не является благоприятной для ведения бизнеса и выработки политики. Целью данной статьи является проверка гипотезы о том, что в условиях

нарастающей фрагментации мировой экономики, региональные объединения могут выступить в качестве основы для формирования взаимовыгодных отношений между странами с точки зрения общих внешнеэкономических и геополитических интересов.

Исследование

Новые тренды в экономической глобализации

Экономические показатели. После мирового финансового кризиса 2008 года прогнозы в отношении экономического роста в среднесрочной перспективе непрерывно снижаются. Согласно данным, опубликованным в докладе Международного валютного фонда (МВФ), рост мировой экономики к 2028 году снизится до 3%, что является самым низким прогнозом с 1990 года. Сокращение темпов роста в странах с развитой экономикой началось с 2000-х годов, а в развивающихся странах и странах с формирующимся рынком - после финансового кризиса. В период с 2008 по 2023 гг. доля стран с развитой экономикой в общем снижении среднесрочных прогнозов роста составила 0,8 процентных пункта, а доля развивающихся стран и стран с формирующимся рынком - 1,1 процентных пункта. В среднесрочной перспективе в 10 крупнейших экономиках мира и 81% всех стран наблюдается ухудшение перспектив экономического роста. Вместе с тем вклад пяти крупнейших развивающихся рынков - Бразилии, Китая, Индии, Индонезии и России - в снижение среднесрочных перспектив роста мировой экономики составил около 0,9 процентных пункта [16].

Снижение темпов глобализации также обусловлено изменениями в международной торговле, которая утратила динамизм после финансового кризиса 2008 года. Рост торговли не только значительно замедлился, но и снизилась валовая эластичность мировой торговли по доходу. В 1990-е годы темпы роста мировой торговли товарами и услугами составляли в среднем 6,9% в год, что примерно в 2,3 раза превышало темпы роста мирового производства. С 2011 года объем мировой торговли увеличивался в среднем на 3,2% в год - лишь немного быстрее, чем объем мирового производства, рост которого составлял 2,7% [11]. Данная тенденция частично объясняется увеличением доли неторгуемых товаров и услуг в общем объеме производства.

С середины 2022 года она демонстрирует отрицательный рост, обусловленный значительным сокращением торговли товарами. В 2023 году объем мировой торговли товарами сократился почти на 2 трлн долларов (-7,5%) по сравнению с рекордным значением в 2022 году. В первую очередь такой спад вызван сокращением спроса в развитых странах, низкими показателями экономик стран Восточной Азии (например, доля торговли

в китайской экономике снизилась с 64% ВВП в 2006 году до 37% в 2023 году) и снижением цен на сырьевые товары. Несмотря на увеличение торговли услугами в 2023 году на 500 млрд долларов (+7%), во второй половине года подъем в секторе услуг значительно замедлился [11] (рис.1). Такая тенденция объясняется не только спадом в регионах Восточной Азии, но и сокращением торговли между азиатскими странами [17].

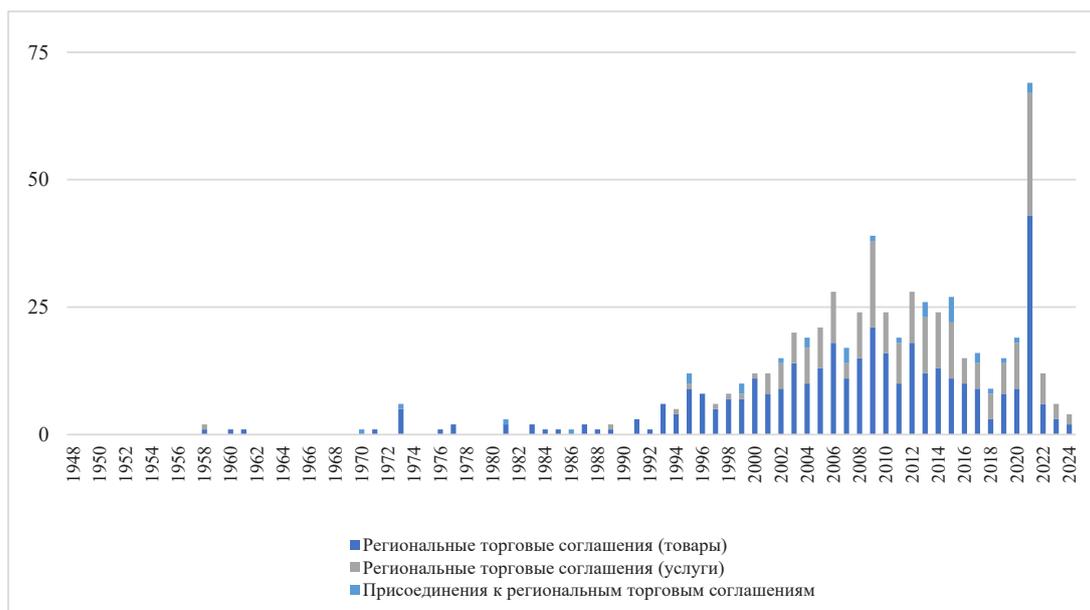

Рис. 1. Количество действующих региональных торговых соглашений, 1948 - 2024 гг.

Источник: Regional Trade Agreements Database // World Trade Organization.

URL: <http://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx>

Рост стоимости заимствований, а также повышенная экономическая и геополитическая неопределенность оказывают негативное влияние на доверие инвесторов и побуждают частные компании сокращать свои инвестиционные планы. Высокая долговая нагрузка, растущие процентные расходы и снижение бюджетных возможностей сдерживают государственные инвестиции. С 2022 по 2023 гг. глобальный рост инвестиций замедлился с 3,3% до 1,9% соответственно, что в основном обусловлено слабостью экономик развитых стран. На фоне роста процентных ставок и стоимости строительства в большинстве стран существенно сократились инвестиции в жилищное строительство. Наибольшее сокращение наблюдалось в США, крупнейшем получателе ПИИ, где инвестиции в основной капитал, направленные на жилищное строительство,

за первые три квартала 2023 года сократились на 14% по сравнению с аналогичным периодом 2022 года [17]. Более чем в 2/3 стран ОЭСР также было зафиксировано сокращение притока ПИИ, вызванное сокращением новых инвестиционных проектов на фоне ухудшения общей экономической и геополитической обстановки [6].

Количество односторонних ограничений, налагаемых странами на трансграничную торговлю и инвестиции, за последнее десятилетие значительно увеличилось. В 2022 году было введено более 2600 новых ограничений на товары, услуги и инвестиции, что на 14% больше, чем в прошлом году и в шесть раз больше, чем в 2013 году. Больше всего выросло число ограничений на инвестиции - до 239 в прошлом году, что превышает число ограничений, введенных в 2021 году, более чем в четыре раза [4]. Торговые ограничения, такие как тарифы

и запреты на экспорт, распространились на такие отрасли, как сырьевые товары и полупроводники, которые рассматриваются как ключевые элементы национальной безопасности.

Усиление влияния Глобального Юга. В результате Специальной военной операции произошла ускоренная трансформация международного ландшафта. Одним из наиболее важных изменений является рост влияния стран Глобального Юга и усиление их роли в международной повестке. Развивающиеся страны и страны с переходной экономикой получили возможность маневрировать в игре крупных держав, сохранив свою дипломатическую независимость и стратегическую автономию на фоне геополитической неопределенности.

Страны Глобального Юга играют все более важную роль в международных процессах по мере того, как власть переходит к их регионам. Процессы *near-shoring* (перемещение цепочек поставок ближе к дому) и *friend-shoring* (перемещение их от противников к странам-единомышленникам) постепенно перемещают компании и производства из Китая в другие страны, в основном на Глобальном Юге. Такая тенденция способствует появлению новых центров мировой торговли. Хорошим примером является Индия, куда некоторые американские компании перемещают свое производство и создают новые цепочки поставок. Страны также становятся более зависимыми от региональных энергетических рынков, что выгодно Объединенным Арабским Эмиратам и Саудовской Аравии.

Значение стран Глобального Юга также усиливается благодаря возможностям, которые они получают в результате растущего конфликта между Китаем и США. Каждая сверхдержава стремится склонить эти страны на свою сторону, что позволяет им вести определенную игру. Например, мощь и влияние Индии значительно возросли после присоединения к Четырехстороннему диалогу по безопасности - инициативе, направленной на сдерживание устремлений Китая в регионе Индийского и Тихого океанов. Вместе с тем Бразилия и Индонезия извлекли выгоду из стремления Китая заключить сделки по важнейшим полезным ископаемым, таким как литий, никель и алюминий. И хотя каждая из стран Глобального Юга может в большей или меньшей степени разделять позицию Китая или США в различных вопросах, большинство из них сохраняют нейтралитет. Такая позиция дает

им возможность свободно взаимодействовать с обеими сверхдержавами в различных областях.

Еще одним фактором, оказывающим влияние на усиление позиций развивающихся стран, является их лидирующая роль в противодействии западным антироссийским санкциям. Например, Турция - одна из нескольких стран, которые поставляют в Россию большие объемы товаров двойного назначения, нарушая тем самым не только дух, но, возможно, и букву западных санкций. Пока другие страны Глобального Юга стараются сохранить нейтралитет, Южная Африка все больше склоняется в сторону России. Так или иначе большинство этих стран продолжают развивать экономические и политические связи с Россией [9].

Наибольший интерес среди стран Глобального Юга представляют страны-участницы БРИКС, создающие новую динамику власти. Расширение БРИКС с 1 января 2024 года за счет включения Египта, Эфиопии, Ирана, Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов знаменует собой новый этап становления блока как экономической и политической силы. БРИКС+ стремится создать более справедливый международный порядок, возродить и реформировать многостороннюю систему, выступая в качестве противовеса G7. На долю БРИКС+ приходится 46% населения, в то время как на БРИКС - 41%, а на страны G7 - чуть менее 10% [3] (рис. 2).

С экономической точки зрения новые участники альянса обеспечат дополнительный объем ВВП в размере 2,6 трлн долларов, что в общей сложности составит 28,5 трлн долларов и 28,1% мирового производства. На долю БРИКС уже приходится большая доля мирового ВВП (31,5% по паритету покупательной способности в 2023 году), что больше показателя стран G7 - 29,9%. Разрыв между БРИКС+ и G7 будет продолжать увеличиваться из-за активного экономического роста в развивающихся странах. Согласно прогнозам МВФ, в 2027 году на долю БРИКС+ будет приходиться 37,6% мирового ВВП по ППС, в то время как доля стран G7 составит 28,2%. С точки зрения торговли на долю расширенной группы приходится более 43% мировой добычи нефти, что значительно увеличивает ее влияние и расширяет геостратегический охват Ближнего Востока за счет вхождения в него Саудовской Аравии, Ирана и ОАЭ. Кроме того, расширенная группа теперь контролирует 25% мирового экспорта, а на страны БРИК приходится 72,5% мировых запасов редкоземельных

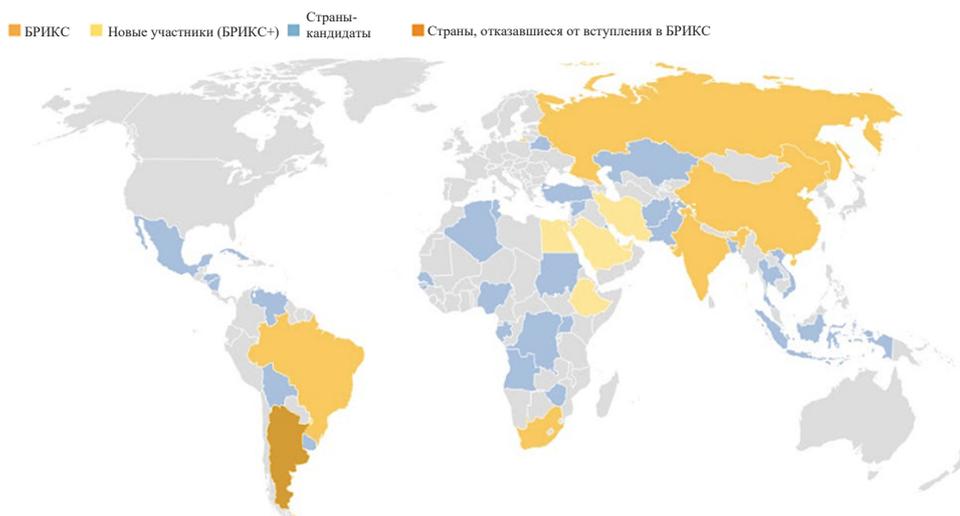

Рис. 2. Расширение БРИКС с 1 января 2024 г.

Источник: Afota A., Burban V., Diev P., Grieco F., Iberrakene T., Ishii K., Lopez Forero M., Paul Q., Sammeth F., Valadier C. *Élargissement des BRICS: Quelles Conséquences Potentielles Pour L'Économie Mondiale?* [Expansion of BRICS: What Are the Potential Consequences for the Global Economy?] // Banque de France Bulletin [Bank of France Bulletin]. P. 2. URL: <https://www.banque-france.fr/fr/publications-et-statistiques/publications/elargissement-des-brics-queelles-consequences-potentielles-pour-leconomie-mondiale>

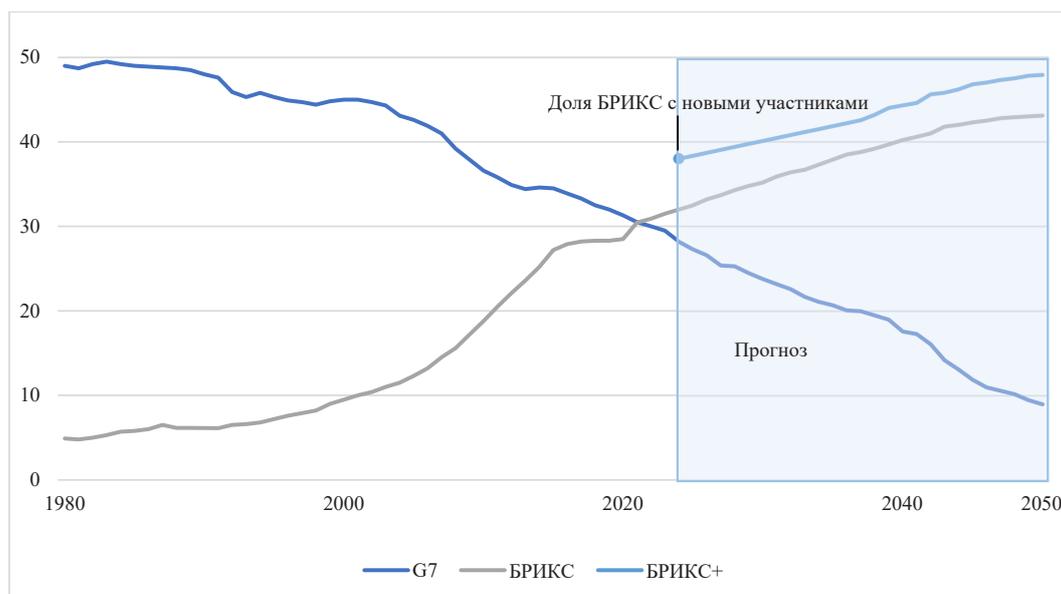

Рис. 3. Усиление доли БРИКС+ в мировом ВВП, 1980 - 2050 гг., %.

Источник: Ross A.G. *Will BRICS Expansion Finally End Western Economic and Geopolitical Dominance?* // Geopolitical Monitor. URL: <https://www.geopoliticalmonitor.com/will-brics-expansion-finally-end-western-economic-and-geopolitical-dominance/>

минералов [12] (рис. 3).

Это широкое объединение нашло отражение и в других евразийских группировках: Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Организация экономического сотрудничества (ОЭС). Эксперты ссылаются на отсутствие сплоченности в этих организациях, но они упускают главное - страны

Глобального Юга объединяются, несмотря на свои различия. Они научились ориентироваться в многообразии [7].

Кризис глобальных институтов. События 2022 года привлекли всеобщее внимание к вопросу о целесообразности деятельности международных институтов на глобальном и региональном уровнях. Одной из ос-

новых причин кризиса международных организаций стал резкий рост протекционизма в мировой экономике. В затруднительном положении в равной степени оказалась и Организация Объединенных Наций (ООН), парализованная фундаментальными разногласиями между ее руководителями, и Всемирная торговая организация (ВТО), и Европейский союз (ЕС). И несмотря на то, что количество глобальных проблем только увеличивается, способность находить взаимовыгодные решения в рамках деятельности таких институтов становится все менее реальной.

Многие из этих организаций были созданы после Второй мировой войны и воспринимаются как пережитки прошлого. Активно развивающиеся страны Глобального Юга осознают, что система, созданная в колониальную эпоху, не способна удовлетворить их потребности, и по праву хотят занять «больше места за столом». Возвращение системного соперничества - между основной группой либеральных демократий, с одной стороны, и Китаем и Россией, с другой, - превратило целый ряд международных организаций, от Совета Безопасности ООН до Всемирной организации здравоохранения, в поле борьбы за власть [15].

Геополитические ограничения всегда оказывали влияние на деятельность Организации Объединенных Наций, однако в последнее время их воздействие значительно усилилось. Еще до начала Специальной военной операции имелись глубокие разногласия между Россией, Китаем и западными державами. Хотя в деятельности организации с 2022 года в основном преобладали вопросы, связанные с российско-украинским конфликтом, участникам удавалось продолжать более или менее конструктивный диалог и по другим важным вопросам. По мере обострения геополитической ситуации возможности для минимального сотрудничества стран в рамках ООН сужаются, из-за чего достичь компромисса в глобальных вопросах становится сложнее. Организации удается ограниченно реагировать на те вызовы, с которыми сталкивается современный мир. Например, выразить свою обеспокоенность в отношении различных вопросов - от распада Судана до переворота в Нигере. Региональные игроки все чаще пытаются взять на себя ведущую роль в разрешении этих ситуаций, оставляя ООН на обочине новой глобальной политики [13].

Роль Всемирной торговой организации в координации мировой торговли также

ставится под сомнение [8]. В условиях усиления политики протекционизма и растущих противоречий в торговых отношениях между развитыми и развивающимися странами ВТО сталкивается с серьезными трудностями в попытках начать новый раунд многосторонних переговоров об открытии рынков. Правило консенсуса при принятии ключевых решений превратилось из символа демократии и инклюзивности в препятствие для развития международной торговли. Безоговорочная поддержка ВТО со стороны ведущих развитых стран сменилась растущей неопределенностью.

В периоды кризисных явлений в рамках ВТО применялась эффективная система разрешения торговых споров, позволяющая избегать широкомасштабных торговых войн и обеспечивать предсказуемость многосторонней торговой системы. Однако после нескольких поражений в торговых спорах с основными конкурентами - Китаем и ЕС, США отказались назначить своих представителей в Апелляционный орган ВТО. С учетом обязательной ротации это привело к приостановке работы Органа по разрешению споров с декабря 2019 года. Таким образом, помимо значительного снижения активности ВТО в области либерализации торговли, сузились и ее возможности в части урегулирования торговых споров [2].

Обострение глобальных проблем коснулось и Европейского союза, который перерастает из экономического института в геополитического игрока. Последнее проявляется в том числе в попытках его расширения за счет стран, не соответствующих критериям данного объединения. Преследуя сугубо геополитические интересы, интеграционный институт теряет свою идентичность, основанную на укреплении экономического сотрудничества. Между странами-участницами постепенно нарастают конфликты. Отношения Германии и Франции значительно ухудшились, а конфликт между Польшей и ЕС только нарастает, поэтому говорить о том, как будет выглядеть конфигурация института в ближайшем будущем весьма сложно.

Последствия фрагментации мировой экономики

В условиях нарастающей разобщенности страны переходят к альтернативным способам взаимодействия, поскольку не видят новых возможностей для глобального сотрудничества. Это говорит о том, что мир находится в точке перелома многих тенденций, сложившихся в течение десятилетий.

Миропорядок больше не определяется доминированием Запада и универсальным видением глобальной интеграции, которое лежало в основе многосторонней системы, а скорее фрагментацией на более крупные и мелкие блоки. Именно в этих блоках сейчас формируется глобальный порядок.

По оценкам МВФ, существуют большие риски в разделении мировой экономики. Геополитическая напряженность может вырасти до такой степени, что страны, входящие в состав одного блока, будут вынуждены прекратить взаимодействие со странами другого блока, выбрав чью-то сторону. Это приведет к усилению протекционизма и даже расколу стран на враждующие экономические блоки. Хотя оценки стоимости фрагментации варьируются, усиление ограничений в международной торговле может привести к снижению мирового экономического производства на 7% в долгосрочной перспективе, что составляет примерно 7,4 трлн долларов [14].

Вместе с тем экономисты МВФ предложили два сценария глобальной фрагментации: пессимистичный и очень пессимистичный. Учитывались исторические данные о международной торговле и торговых ограничениях среди 157 стран за последние 70 лет [1].

Согласно первому сценарию, фрагментация мировой торговли сводится к усилению

существующих санкций и торговой политики, при которой будет прекращена вся торговля между Россией и США-ЕС, а также ликвидирована торговля в высокотехнологичных секторах между Китаем и США-ЕС. Данный сценарий подразумевает расширение антироссийских санкций на весь спектр торговли товарами и услугами и распространение их на все высокотехнологичные товары, не ограничиваясь полупроводниковыми чипами. Это повлечет за собой усиление существующих санкций и торговой политики, при которой будет прекращена вся торговля между Россией и США-ЕС, а также ликвидирована торговля в высокотехнологичных секторах между Китаем и США-ЕС.

Такой стратегический разрыв приведет к постоянным потерям ВВП в размере 0,3 % в мировом масштабе, что почти эквивалентно годовому объему производства Норвегии. В то время как остальной мир будет продолжать свободно торговать с Россией, Китаем, США и ЕС, некоторые страны смогут получить небольшую выгоду от сложившейся ситуации. Например, экспортеры сырьевых товаров со временем могут заменить Россию и стать основными поставщиками важнейших энергоресурсов. Некоторые азиатские страны выиграют в случае перемещения производства полупроводников из Китая в страны Юго-Восточной Азии.

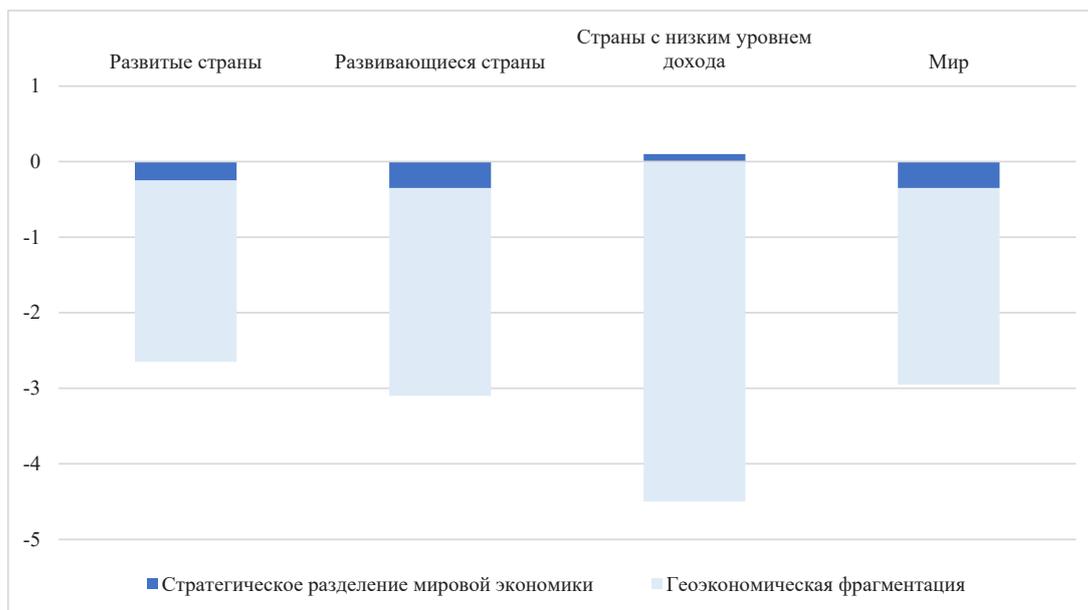

Рис. 4. Издержки геоэкономической фрагментации (постоянные потери реального ВВП), %.
 Источник: Bolhuis M.A., Chen J., Kett B. *The Costs of Geoeconomic Fragmentation* // *International Monetary Fund*. P. 36. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2023/06/the-costs-of-geoeconomic-fragmentation-bolhuis-chen-kett>

Согласно второму сценарию, страны будут вынуждены выбирать между блоками США-ЕС и Россия-Китай, при этом торговля между этими двумя блоками не ведется. В данном случае потери мирового производства будут значительными - 2,3% мирового ВВП, что эквивалентно размеру экономики Франции. Постоянные потери для стран с развитой экономикой и развивающимся рынком составят порядка 2-3%. Страны с низким уровнем дохода окажутся под серьезным давлением, потеряв более 4% ВВП. Они особенно подвержены рискам геоэкономической фрагментации, поскольку в значительной степени зависят от импорта и экспорта ключевых товаров, в том числе сырьевых. Эти потери увеличат риски долговых кризисов, усилят социальную нестабильность и приведут к снижению продовольственной безопасности [4] (рис. 4).

Фрагментация мировой экономики окажет влияние не только на отношения между странами. В равной степени пострадают транснациональные компании, функционирующие в различных юрисдикциях. Сохранение тенденции к усилению протекционизма приведет к росту издержек международных компаний, которым придется платить ввозные таможенные пошлины, либо закупать продукцию у альтернативных, более дорогих поставщиков. В результате это ограничит их доступ к международным рынкам или сделает их продукцию менее конкурентоспособной из-за дополнительных издержек.

Из-за нарастающего давления потоки прямых иностранных инвестиций будут все чаще направляться не в географически близкие страны, а в геополитически близкие. Фрагментация может препятствовать трансграничному движению капитала, тем самым сокращая возможности стран по получению внешнего финансирования и препятствуя их экономическому росту. Сокращение потоков ПИИ, вероятно, приведет к увеличению нерационального распределения капитала, а также к сокращению связей между ТНК и утечке технологий.

К чему приведет фрагментация и насколько сильной она окажется, зависит не только от степени ограничений и разделения стран на блоки. Сам процесс адаптации к новым формам взаимодействия может быть сложным. Если фрагментация произойдет быстро, адаптация цепочек поставок будет очень дорогостоящей. Тенденция к геоэкономической фрагментации является серьезным вызовом, который будет иметь

далеко идущие экономические последствия для всего мира. Однако, укрепляя и модернизируя глобальную торговую систему, можно преодолеть эти вызовы и сохранить значительные преимущества экономической интеграции [5].

Регионализация - современный тренд мировой экономики

Регионализация - это объективный процесс, который, с одной стороны, является неотъемлемой частью процесса глобализации, а с другой, - его следствием. В целом регионализация представляет собой процесс фрагментации мира на крупные самостоятельные экономические и политические блоки и их последующую интеграцию в глобальную иерархию.

В условиях кризиса глобальных институтов и трудностей, связанных с попытками начать новые раунды либерализации, экономический прогресс на основе многостороннего консенсуса не всегда представляется возможным. В тех областях, где взгляды сторон не всегда совпадают, выходом может стать усиление интеграции на основе региональных торговых соглашений. Интеграция стран с равнозначными социально-экономическими показателями является наиболее перспективным решением текущих проблем, с которыми сталкиваются страны - от безопасности до инклюзивности.

После эпохи однополярности и короткого периода биполярности мир становится многополярным. Регионализация - неизбежный результат взаимодействия нескольких полюсов политической власти в мире. Такие многосторонние институты, как ООН и ВТО, не смогли разрешить серьезные конфликты и разногласия между своими странами-участницами. В результате чего стали возникать небольшие группы, разделяющие геополитическую и экономическую повестку дня.

На фоне текущей обстановки снижение торговых барьеров может поддерживаться за счет региональных интеграционных союзов. Ни одна из стран не сможет справиться с настоящими вызовами в одиночку. При этом вместе они смогут оказать значительное влияние на глобальные потоки. Многие из стран Юго-Восточной Азии перестраивают цепочки поставок по всему региону, чему способствовало Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), которое позволило снизить тарифы и упростить процедуру декларирования товаров, перемещаемых между

странами-участниками. Китай и другие страны Азии и Африки придерживаются экономической и инфраструктурной интеграции под эгидой инициативы «Пояс и путь» (BRI). Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ВППП) способствует более эффективной торговле между его участниками. Увеличение объемов торговли Мексики также отражает углубление региональных связей с Канадой и США благодаря Соглашению о свободной торговле (ЮСМКА) [2].

Наблюдается активная интеграция на уровне региональных блоков, а не отдельных стран. К примеру, в 2023 году Европейский союз возобновил переговоры с южноамериканским блоком МЕРКОСУР о создании зоны свободной торговли. В том же году Африканский союз стал полноправным членом альянса G20. Расширяются трансрегиональные соглашения, такие как БРИКС, в рамках которого присоединились ведущие региональные экономики Глобального Юга, такие как Объединенные Арабские Эмираты и Саудовская Аравия, тем самым сформировав расширенную группу БРИКС+ [2].

Регионализация может принести пользу как для отдельных компаний, так и для стран в целом. Для транснациональных компаний регионализация важна с точки зрения затрат, талантов и прибыли. В то время как для правительств - с точки зрения укрепления национальной безопасности, устойчивости цепочек поставок и конкурентоспособности стран. Именно регионализация является той золотой серединой, которая позволит правительствам решать возрастающие проблемы национальной безопасности, повышать устойчивость цепочек поставок и обеспечивать процветание компаний.

Заключение

На фоне замедления мирового экономического роста, растущего неравенства между развитыми и развивающимися странами, а также снижения роли глобальных институтов в координации международной деятельности нельзя преодолеть геоэкономические проблемы, если каждая страна будет придерживаться политики «каждый сам за себя». Глобальные проблемы по-прежнему требуют глобального сотрудничества.

Опасения по поводу снижения многосторонних отношений вполне обоснованы. Однако нет никаких причин полагать, что новый мир, сформированный на основе отдельных блоков и коалиций, неизбежно приведет к негативным последствиям. Конкуренция между большим Западом и блоком Китай-Россия может принести неожиданные выгоды. Для того чтобы привлечь на свою сторону новые центры силы, каждая страна будет ориентирована не на самодостаточность и геополитическую безопасность, а на развитие и взаимопомощь, подкрепленные большими ресурсами.

Нельзя забывать о международной экономической истории последних десятилетий. Мировая экономика не только глобализируется, но и становится более регионализованной. Это означает, что отправная точка для сегодняшних изменений в международных цепочках поставок отличается от общепринятых представлений. Даже с учетом геополитической конфронтации и политики протекционизма другие факторы, способствующие стимулированию регионализации, остаются весьма сильными. Вероятно, настоящая глобализация не ожидает наш мир в ближайшем будущем, но регионализация будет все еще актуальна [10].

Литература:

1. Демьяненко В. Геополитическая фрагментация: три блока и два сценария // Econs.online. URL: <https://econs.online>.
2. Спасательный круг для ВТО: как институт может воспользоваться кризисом глобализации // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru>.
3. Afota A., Burban V., Diev P., Grieco F., Iberrakene T., Ishii K., Lopez Forero M., Paul Q., Sammeth F., Valadier C. Élargissement des BRICS: Quelles Conséquences Potentielles Pour L'Économie Mondiale? // Banque de France Bulletin. P. 2. URL: <https://www.banque-france.fr>.
4. Bolhuis M.A., Chen J., Kett B. The Costs of Geoeconomic Fragmentation // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org>.
5. Engelland B. Geopolitical & Economic Outlook2024: Democracy and the splintering economy // Thomson Reuters. URL: <https://www.thomsonreuters.com>.
6. FDI in Figures // Organization for Economic Cooperation and Development. P. 1. URL: <https://www.oecd.org>.

7. Lalani A. New Global Alliances Leave the West Behind // Chatham House. URL: <https://www.chathamhouse.org>.
8. Le Dèclin de l'OMC, Une Menace Pour la Stabilité Mondiale // Le Monde. URL: <https://www.lemonde.fr>.
9. Long D. The Rise of Global South Accelerated in the Wake of Ukraine Crisis // Global Times. URL: <https://www.globaltimes.cn>.
10. O'Neil S.K. It's Not Deglobalization, It's Regionalization // Council Foreign Relations. URL: <https://www.cfr.org>.
11. Regional Trade Agreements Database // World Trade Organization. URL: <http://rtais.wto.org>.
12. Ross A.G. Will BRICS Expansion Finally End Western Economic and Geopolitical Dominance? // Geopolitical Monitor. URL: <https://www.geopoliticalmonitor.com>.
13. Ten Challenges for the UN 2023-2024 // International Crisis Group. URL: <https://www.crisisgroup.org>.
14. The High Cost of Global Economic Fragmentation // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org>.
15. Theil S. The Alliances That Matter Now // Foreign Policy. September 11, 2023. URL: <https://foreignpolicy.com>.
16. World Economic Outlook. Navigating Global Divergences // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org>.
17. World Economic Situation and Prospects 2024 // The United Nations. URL: <https://desapublications.un.org>.

GLOBAL REGIONALIZATION AS THE BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF THE WORLD ECONOMY

Introduction. *The article deals with the current trends related to the slowdown of economic globalization in light of geopolitical and economic factors that influence the dynamics of the global economy. The article tests the hypothesis that globalization principles are undergoing significant changes in the modern world. The author explores ongoing transformations in three main directions: the dynamics of economic growth at the global and regional levels; fragmentation of the global economy, and the changing role of global institutions. Special attention is given to analyzing these trends in the BRICS countries, which represent the most dynamically developing bloc in the global economy.*

Materials and methods. *The methodological basis of this research includes synthesis, qualitative and quantitative analysis, comparative research, and statistical methods. The materials used consist of contemporary studies on globalization and regionalization processes, official reports from international organizations, statistical data, and news sources from global media.*

Results of the study. *The findings of the research show that further development of globalization will occur through a scenario of regionalization without being tied to geographical regions, which*

appears to be the most feasible solution for overcoming global issues encountered by countries, including security and inclusiveness. The author concludes that the emerging form of globalization will be characterized by multipolarity, distribution of economic growth centers, and a greater dependence on regional trade blocs.

Discussion and conclusion. *Factors contributing to the development of regionalization remain significant despite the destabilization of international relations. Global regionalization, which emerged in response to the challenges of post-globalization, will lead to the formation of new models of integration between countries and become an essential component of the global economy.*

Anastasia E. Chikova,
applicant, the Department of Economic
Policy and Public-Private Partnership,
Scientific Secretary of the School
of International Business Academic Council,
Moscow State Institute of International
Relations (University) of the Ministry of
Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia

Ключевые слова:

глобализация, экономическая интеграция,
международная торговля, протекционизм,
прямые иностранные инвестиции,
Глобальный Юг, глобальный институт,
фрагментация мировой экономики,
регионализация.

Keywords:

globalization, economic integration,
international trade, protectionism, foreign
direct investment, Global South, global
institution, fragmentation of the world
economy, regionalization.

References:

1. Demyanenko V. Geopoliticheskaya fragmentatsiya: tri bloka i dva stsenariya. [Geopolitical Fragmentation: Three Blocks and Two Scenarios]. *Econs.online*. URL: <https://econs.online>.
2. Spasatel'nyy krug dlya VTO: kak institut mozhet vospol'zovat'sya krizisom globalizatsii [A Lifeline for the WTO: How the Institution Can Take Advantage of the Crisis of Globalization]. *Forbes*. URL: <https://www.forbes.ru>.
3. Afota A., Burban V., Diev P., Grieco F., Iberrakene T., Ishii K., Lopez Forero M., Paul Q., Sammeth F., Valadier C. Élargissement des BRICS: Quelles Conséquences Potentielles Pour L'Économie Mondiale? [Expansion of BRICS: What Are the Potential Consequences for the Global Economy?]. *Banque de France Bulletin [Bank of France Bulletin]*. URL: <https://www.banque-france.fr>.
4. Bolhuis M.A., Chen J., Kett B. The Costs of Geoeconomic Fragmentation. *International Monetary Fund*. URL: <https://www.imf.org>.
5. Engelland B. Geopolitical & Economic Outlook2024: Democracy and the splintering economy. *Thomson Reuters*. URL: <https://www.thomsonreuters.com>.
6. FDI in Figures. *Organization for Economic Cooperation and Development*. URL: <https://www.oecd.org>.
7. Lalani A. New Global Alliances Leave the West Behind. *Chatham House*. URL: <https://www.chathamhouse.org>.
8. Le Déclin de l'OMC, Une Menace Pour la Stabilité Mondiale. [The Decline of the WTO, a Threat to Global Stability]. *Le Monde [The World]*. URL: <https://www.lemonde.fr>.
9. Long D. The Rise of Global South Accelerated in the Wake of Ukraine Crisis. *Global Times*. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202308/1295685.shtml>
10. O'Neil S.K. It's Not Deglobalization, It's Regionalization. *Council Foreign Relations*. URL: <https://www.cfr.org>.
11. Regional Trade Agreements Database. *World Trade Organization*. URL: <http://rtais.wto.org>.
12. Ross A.G. Will BRICS Expansion Finally End Western Economic and Geopolitical Dominance? *Geopolitical Monitor*. URL: <https://www.geopoliticalmonitor.com>.
13. Ten Challenges for the UN 2023-2024. *International Crisis Group*. URL: <https://www.crisisgroup.org>.
14. The High Cost of Global Economic Fragmentation. *International Monetary Fund*. URL: <https://www.imf.org>.
15. Theil S., 2023. The Alliances That Matter Now. *Foreign Policy*. September 11. URL: <https://foreignpolicy.com>.
16. World Economic Outlook. Navigating Global Divergences. *International Monetary Fund*. URL: <https://www.imf.org>.
17. World Economic Situation and Prospects 2024. *The United Nations*. URL: <https://desapublications.un.org>.

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ ВОСТОЧНОАФРИКАНСКОГО СООБЩЕСТВА

*Наталья Ивкина**

*Лора Чкония***

*Ярослав Круглов****

DOI 10.24833/2073-8420-2024-2-71-102-115

Введение. В статье производится анализ функционирования основных экономических институтов Восточноафриканского сообщества (ВАС) - Таможенный союз, Общий рынок и Валютный союз. Наряду с этим рассматриваются экономические успехи объединения в ходе продвижения по

этапам интеграции, указанным в учредительном договоре ВАС 1999 г. На основе обширного фактологического материала автор приходит к заключению о том, что институциональные решения ВАС обладают двойственным эффектом: с одной стороны они благотворно влияют на торговое и инвестиционное взаимодействие в рамках объединения, а с другой, – углубляют внутреннюю асимметрию при функционировании объединения и поощряют разноразрядную интеграцию.

Материалы и методы. В процессе исследования темы авторы обращались к сравнительному анализу профильных экономических данных, позволившему выявить роль отдельных стран в экономических процессах внутри ВАС, а также приемам научного познания: анализу, синтезу, обобщениям и сопоставительному анализу.

* **Ивкина Наталья Викторовна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, Москва, Россия
e-mail: ifknatali@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0001-8654-7629

** **Чкония Лора Евгеньевна**, научный сотрудник ИМИ МГИМО МИД России
e-mail: l.chkoniya@inno.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0002-5689-7908

*** **Круглов Ярослав Алексеевич**, выпускник бакалавриата факультета международных отношений МГИМО МИД России
e-mail: yar.a.kruglov@my.mgimo.ru
ORCID ID: 0009-0001-6253-496X

В качестве материала исследования были использована литература, посвящённая теме исследования, официальные документы Восточноафриканского сообщества и статистика, опубликованная органами ВАС и "The Observatory of Economic Complexity"¹.

Результаты исследования. Дальнейшее развитие экономической интеграции в рамках Восточноафриканского сообщества сопровождается устойчивым, хотя и не одинаково быстрым ростом торгового и инвестиционного сотрудничества. На сегодняшний день ВАС сталкивается с очевидным торможением интеграционных процессов вследствие сложности продвижения в Валютному союзу и отсутствия возможностей у новых членов активно подключаться к институциональной структуре сообщества. В результате ВАС неформально делится на две группы стран с разной степенью готовности к углублению интеграции.

Обсуждение и заключение. Исследование показало, что восточноафриканская интеграция демонстрирует весомые положительные результаты, несмотря на неполную включённость новых членов, перекрёстное членство, торговые войны и иные вызовы. По мере развития объединения для ВАС становится всё более актуальной схема разносторонней и разноуровневой интеграции - маловероятно, что новые члены смогут в ближайшее время присоединиться к Таможенному союзу, не говоря уже о более институционально сложных ступенях.

Введение

Восточноафриканское сообщество (ВАС)² - один из наиболее динамично развивающихся интеграционных проектов на Африканском континенте, стабильно прирастающий новыми членами. По состоянию на май 2024 года ВАС состоит из восьми государств: Танзании, Кении, Уганды, Руанды, Бурунди, Южного Судана, ДРК и Сомали и его совокупное население составляет почти 300 млн граждан. ВАС является одним из самых быстрорастущих интеграционных объединений в мире - темпы роста ВВП большинства стран-членов стабильно превышают 6%³.

Целью представленной работы является изучение процесса продвижения стран ВАС по плану создания многосторонней интеграции и оценка эффекта, производимого состоявшимися интеграционными инициативами на развитие региона. В качестве задач исследования выступает ана-

лиз функций институтов и динамики экономических показателей сообщества, таких как товарооборот и инвестиции внутри ВАС.

Исследование

Общая характеристика интеграционного контекста

В соответствии с Договором 1999 г. Танзания, Кения и Уганда взяли на себя обязательство снять все торговые ограничения в отношении стран-участников Сообщества, а также гармонизировать свою налоговую политику. Согласно Договору, после определённой Советом министров даты введения новых налогов и пошлин на товары, торгуемые внутри ВАС, не допускается. Помимо этого, стороны приняли решение воздерживаться от введения мер, прямо или косвенно дискриминирующих однотипные или схожие товары других государств-участников ВАС⁴.

¹ The Observatory of Economic Complexity [Электронный ресурс]. URL: <https://oec.world/en>

² ВАС было образовано в ноябре 1999 г.: президенты Танзании, Кении и Уганды подписали Договор об учреждении Восточноафриканского сообщества, вступивший в силу 7 июля 2000 года. В его основу легла классическая схема международной экономической интеграции, предполагающая продвижение от Таможенного союза через стадии Общего рынка и Валютного союза к Политической федерации. В настоящем исследовании будут затронуты первые три стадии.

³ Kenya: Data and Statistics. EAC Data Portal [Электронный ресурс]. URL: <https://eac.opendataforafrica.org/apps/atlas/Kenya?compareTo=SS,UG,TZ,RW,BI> (Дата обращения: 17.04.2023)

⁴ The Treaty for the Establishment of the East African Community, 1999, p. 53 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eacj.org//wp-content/uploads/2012/08/EACJ-Treaty.pdf> (Дата обращения: 24.02.2023)

Реализация положений позитивно повлияла на объемы торговли между Танзанией, Кенией и Угандой [1. С. 45]. Показатель торговли между членами объединения продемонстрировал тенденцию к росту: в 2004 году он увеличился на 13,7% от уровня 2003 года и составил 1,5 млрд долл. США, в 2005 – на 21% от уровня 2004 года и составил 1,8 млрд долл. США. Следует отметить, что доля стран ВАС в экспорте и импорте внутри Сообщества значительно различалась. По импорту лидировала Уганда, на которую приходилось 70% закупаемых товаров и услуг в торговле между участниками Восточноафриканского сообщества за 2003-2005 гг. Далее следовала Танзания: её вклад за указанный период составлял 23,1%. Кения, по сравнению с Угандой и Танзанией, меньше всего импортировала из стран-партнёров ВАС: в 2006 году её импорт из стран Восточноафриканского сообщества впервые преодолел десятипроцентный показатель. Что касается экспорта, к 2005 году доля товаров и услуг, поставляемых Кенией в страны Восточноафриканского сообщества, составила 78,3%. Для Танзании и Уганды это показатель был значительно ниже и равнялся 13,4% и 8,3% соответственно⁵.

Значительно увеличился объем взаимных прямых инвестиций Танзании, Кении и Уганды: только за 2006 год количество проектов возросло на 77,3%, а объем вложений – на 348,9% (от уровня 2005 г.)⁶.

Рост торговли и инвестиций внутри этих стран позволяет охарактеризовать первые годы экономической интеграции в рамках Восточноафриканского сообщества как весьма успешные. Примечателен сам факт наблюдаемого расширения торговых связей вопреки тому, что экономики Танзании, Кении и Уганды практически однотипны по своей структуре. Аграрный сектор этих

стран достаточно велик: в первые годы XXI века в сельском хозяйстве создавалось в среднем около четверти ВВП Танзании, Кении и Уганды⁷. Их обрабатывающая промышленность большого развития не получила, а добывающая представлена в основном минеральным сырьём: в Танзании – золотом, алмазами, серебром и медью, в Уганде – железной рудой, золотом и медью, в то время как Кения занимается по большей части добычей нерудного минерального сырья. Третичный сектор представлен в основном транспортными и туристическими услугами. Как видно, члены Восточноафриканского сообщества имели сравнительно невысокие возможности углубления интеграции за счёт регионального разделения труда.

Чрезвычайная схожесть экономик отчасти обуславливает упомянутый дисбаланс между экспортом и импортом внутри объединения для отдельных стран ВАС. При условии общей однотипности экономической структуры, среди стран Восточноафриканского сообщества наиболее развитой обрабатывающей промышленностью обладает Кения, и именно продукция этого сектора производства встречает наибольший спрос на рынках ВАС – экспортные культуры сельского хозяйства и товары добывающей промышленности традиционно поставляются на другие рынки. Таблица ниже демонстрирует, что в торговле с партнёрами по объединению в 2000-2004 гг. Кения по большей части обменивала товары с более высокой добавленной стоимостью на сырьё. Безусловно, в торговле Танзании и Уганды также присутствует схожая тенденция, но проявляется она эпизодически: так, продукция машиностроения экспортировалась Танзанией в Уганду только в начале указанного периода.

⁵ EAC Trade & Investment Report, 2006, p.16 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eac.int/documents/category/trade-investment-reports> (Дата обращения: 23.05.2023)

⁶ EAC Trade & Investment Report, 2006, pp.67-71 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eac.int/documents/category/trade-investment-reports> (Дата обращения: 23.05.2023)

⁷ WorldBank Data. Agriculture, forestry, and fishing, value added (% of GDP) - Tanzania, Kenya, Uganda. [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.AGR.TOTL.ZS?end=2021&locations=TZ-KE-UG&start=2000> (Дата обращения: 22.05.2023)

Основные экспортные категории для Танзании, Кении и Уганды, 2000-2004 гг.⁸

Год	Экспорт Кения-Танзания	Экспорт Танзания-Кения	Экспорт Кения-Уганда	Экспорт Уганда-Кения	Экспорт Танзания-Уганда	Экспорт Уганда-Танзания
2000	нефтепродукты (15,3%), лекарства и мыло (10,5%), железо и сталь (6,6%), пластик (6,1%)	чай (41,3%), хлопок (4,9%)	нефтепродукты (47,2%), пластик (5,12%), железо и сталь (4,84%), изделия из бумаги (4,67%)	чай (57,6%), электричество (26,5%), табак (1,37%)	продукция машиностроения (43,15%), стекло (4,73%), изделия из бумаги (5,49%)	электричество (22%), пластик (18,7%), табак (15%)
2001	лекарства и мыло (11,73%), пластик (7,17%), железо и сталь (6,34%), сахар (6,18%)	чай (38,5%), рыба (16,5%), рис (3,81%)	нефтепродукты (10,8%), пластик (10,8%), железо и сталь (10,8%), изделия из бумаги (8,18%)	чай (46%), кофе (13,7%), электричество (15,1%), табак (4,82%)	продукция машиностроения (28,65%), стекло (13,6%), железо и сталь (8,44%), изделия из бумаги (5,26%)	нефтепродукты (39,7%), табак (21,4%), электричество (11%)
2002	нефтепродукты (22%), продукция машиностроения (17,25%), пластик (5%)	чай (48,4%), рыба (5,6%), самолёты и вертолёты (3,88%)	нефтепродукты (47,8%), железо и сталь (8,8%), изделия из бумаги (4,1%)	чай (50%), электричество (21,9%), табак (7,62%), рыба (4,52%)	пшеница (17,8%), железо и сталь (10,8%), стекло (11,7%), рис (5,43%)	электричество (29,4%), кукуруза (12,7%), стекло (9%), продукция машиностроения (8,34%)
2003	нефтепродукты (22,8%), продукция машиностроения (10,86%), пластик (6,19%), железо и сталь (4,21%), изделия из железа и стали (3,19%)	рыба (53,4%), чай (17,3%), кукуруза (3,41%)	нефтепродукты (51,5%), лекарства и мыло (4,74%), пластик (4,04%)	чай (52,3%), электричество (9,59%), табак (8,49%), кукуруза (3,57%)	железо и сталь (42%), стекло (8,91%), пшеница (7,07%)	нефтепродукты (45,1%), электричество (20,6%), табак (6,97%)
2004	нефтепродукты (31,7%), лекарства и мыло (8,7%), пластик (5,41%), железо и сталь (5,04%)	рыба (41,4%), чай (19,6%), кукуруза (3,67%), хлопок (3,5%)	нефтепродукты (53,3%), пластик (4,54%), железо и сталь (4,09%), изделия из бумаги (3,82%)	чай (48%), электричество (11,7%), табак (5,26%)	пшеница (53,5%), железо и сталь (19,2%), продукция машиностроения (5%)	электричество (22,5%), кукуруза (21,2%)

Столь высокая доля экспорта Кении обеспечивалась не только этим фактором, но и сравнительно более мощным третичным сектором, в частности транспортными услугами: Кения обладает крупнейшим в Восточной Африке портом Момбаса.

Помимо выравнивания описанного дисбаланса перед странами Восточноафриканского сообщества в первые годы существования сообщества стояла задача наращивания экспорта и импорта внутри объединения, поскольку торговля внутри ВАС в 2005 году составляла всего 11% от всей торговли Кении, Уганды и Танзании.

Итак, несмотря на схожую экономическую структуру, государствам ВАС удалось обеспечить рост товарооборота и инвестиций в рамках обновлённого⁹ Восточноафриканского сообщества в первые годы его существования. В то же время требовалось снизить неравенство в аспекте участия в торговле внутри ВАС, одновременно увеличивая оборот товаров и услуг внутри объединения, особенно с учетом того, что приближался официально намеченный срок создания таможенного союза ВАС.

Таможенный союз ВАС в интеграционных процессах

Таможенный союз – первый этап интеграции в рамках Восточноафриканского сообщества. В соответствии с классической схемой, данная стадия предполагает введение общего таможенного тарифа по отношению к третьим странам.

Статья 75.7 Договора 1999 г. предполагает, что в течение четырёх лет должен быть заключён Протокол о создании Таможенного союза. Там же указано, что под эгидой ТС будет осуществляться ликвидация тарифных и нетарифных барьеров, таможенное сотрудничество, упрощение торговой документации и процедур, создание правил реэкспорта товаров, регулирование конкуренции и многое другое¹⁰.

Протокол о создании Таможенного союза был подписан в марте 2004 года и вступил в силу 1 января 2005 года. Статья 11 данного протокола отражает традиционное стремление государств к более равному распределению благ от интеграции – в соответствии с ней импортируемые Кенией из Уганды и Танзании товары не должны были

⁸ ОЕС. Trade between Kenya and Tanzania [Электронный ресурс]. URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/ken/partner/tza?dynamicBilateralTradeSelector=year2001&depthSelector=HS4Depth> (24.04.2024)

⁹ Прежняя версия Восточноафриканского сообщества прекратила существование в 1977 г. – через 10 лет после образования.

¹⁰ The Treaty for the Establishment of the East African Community, 1999, p. 52-53 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eacj.org/wp-content/uploads/2012/08/EACJ-Treaty.pdf> (Дата обращения: 24.02.2023)

облагаться пошлинами. В свою очередь товары, импортируемые Угандой и Танзанией из Кении, подразделялись на две группы: импорт группы «А» пошлинами не облагался, а в отношении товаров группы «В» предполагалось постепенное снижение сборов.¹¹ К 1 января 2010 года все таможенные тарифы внутри объединения были сняты, что было засвидетельствовано на XII Саммите ВАС¹².

Углубление интеграции, основой которого послужило образование ТС ВАС, благоприятно сказалось на росте внутри-региональной торговли. Уже в 2007 году совокупный объём экспорта и импорта внутри объединения увеличился на 23%, в 2008 г. – на рекордные 60,0%. Столь серьёзному повышению показателя в 2008 г. способствовали преимущественно два фактора: 1) кратное увеличение торговой активности Танзании внутри объединения (\$279,5 млн. в 2007 г. против \$425,3 млн. в 2008 г.) и 2) необходимость учитывать показатели Руанды и Бурунди, присоединившихся в 2007 г.

В 2009-2010 гг. рост взаимной торговли замедлился и не превышал 9% в год, затем снова возрос до 20,5% в 2011 году¹³.

К 2011 году импорт в рамках ВАС был более равномерно распределён между странами-членами, в том числе за счёт принятия новых государств в состав ВАС. Уганда оставалась главным импортёром, но её доля снизилась в половину: с 70% в 2003–2005 гг. до 36,1 % в 2011 году. Вторым импортёром сообщества стала Руанда (20,1% всего импорта внутри ВАС за 2011г.): оправдалась ставка на расширение состава Сообщества как способ приобрести новые рынки. Что касается экспорта, в данном аспекте продолжала доминировать Кения, однако её доля в общем экспорте внутри ВАС упала с 78% в 2005 г. до 60% в 2011 г.¹⁴ Указанные сдвиги обусловлены в том числе успехами Уганды и Танзании в деле увеличения доли продукции обрабатывающей промышленности в структуре экспорта внутри объединения, что иллюстрировано таблицей ниже.

Основные экспортные категории для Танзании, Кении и Уганды, 2010-2011 гг.¹⁵

Год	Экспорт Кения-Танзания	Экспорт Танзания-Кения	Экспорт Кения-Уганда	Экспорт Уганда-Кения	Экспорт Танзания-Уганда	Экспорт Уганда-Танзания
2010	продукция машиностроения (12,65%), жиры и масла (11,8%), лекарства и мыло (10,73%), железо и сталь (7,31%), пластик (6%)	нефтяной газ (19,5%), продукция машиностроения (11%), изделия из бумаги (7,65%), продукция текстильной промышленности (7,36%)	нефтепродукты (11,1%), цемент (11,1%), продукция машиностроения (10,82%), лекарства и мыло (7,15%)	чай (29,9%), табак (9,31%), кукуруза (8,95%), сушеные овощи (5,87%),	продукция текстильной промышленности (19,8%), продукция машиностроения (14,5%), пшеница (14,7%), рис (8,81%)	продукция машиностроения (22,3%), электричество (15,5%), жиры и масла (14,1%), железо и сталь (13%)
2011	продукция машиностроения (24,67%), лекарства и мыло (10,67%), нефтепродукты (7,9%),	продукция машиностроения (15,27%), продукция текстильной промышленности (14,1%), изделия из бумаги (12,3%), чай (7,64%)	нефтепродукты (11,6%), цемент (11,4%), железо и сталь (8,14%), лекарства и мыло (7,67%), пластик (6,21%)	чай (31,7%), сушеные бобовые (6,38%), кукуруза (6,34%), табак (3,91%)	продукция машиностроения (19,65%), рис (10,8%), пластик (8,82%)	продукция машиностроения (29,7%), электричество (13,4%), жиры и масла (13,5%)

¹¹ Protocol on the Establishment of the East African Customs Union, 2004, p.14 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eac.int/documents/category/eac-customs-union-protocol> (Дата обращения: 02.05.2023)

¹² COMMUNIQUE OF THE 12TH ORDINARY SUMMIT OF EAC HEADS OF STATE [Электронный ресурс]. URL: <http://repository.eac.int/bitstream/handle/11671/555/Communique12th%20Ordinary%20Summit.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (Дата обращения: 18.04.2023)

¹³ EAC Trade & Investment Report, 2011, p. 14 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eac.int/documents/category/trade-investment-reports> (Дата обращения: 25.05.2023)

¹⁴ EAC Trade & Investment Report, 2011, pp. 14-16 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eac.int/documents/category/trade-investment-reports> (Дата обращения: 23.05.2023)

¹⁵ OEC. Trade between Kenya and Tanzania [Электронный ресурс]. URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/ken/partner/tza?dynamicBilateralTradeSelector=year2001&depthSelector=HS4Depth> (7.05.2024)

Инвестиционное сотрудничество продолжало углубляться, однако не столь высокими темпами: за 2012 г. вложения внутри ВАС выросли всего на 5,5%, количество зарегистрированных инвестиционных проектов снизилось с 66 до 53¹⁶.

Наряду с усилением экономического взаимодействия внутри объединения, расширялись связи Восточноафриканского сообщества с внешним миром: только за 2011 год объёмы торговли ВАС с другими странами и блоками возросли на 25% за счёт одновременного увеличения экспорта и импорта¹⁷. Перечисленные достижения можно всецело отнести на счёт Таможенного союза, поскольку Общий рынок Восточноафриканского сообщества на тот момент был образован лишь недавно, в 2010 году.

Функции Таможенного союза ВАС разнообразны. Помимо областей, непосредственно связанных с торговлей и таможней, в рамках Таможенного союза производится согласование политики в области сельского хозяйства, проведение совместных мероприятий для предотвращения распространения заболеваний, поддержка промышленного сектора стран ВАС, координация проектов в области развития транспорта и инфраструктуры и развитие устойчивого туризма при сохранении экологических систем.¹⁸ Другими словами, Таможенный союз является воплощением комплексного подхода к проблеме развития стран Восточноафриканского сообщества.

Создание Единой таможенной территории (англ. - Single Customs Territory), начавшееся в июле 2014 в соответствии с решением Саммита ВАС, является важнейшим и завершающим шагом на пути к полноценному таможенному союзу. Помимо всего прочего, эта инициатива позволяет определять размер пошлин и производить их оплату

государству назначения, в то время как товары только попали на территорию Восточноафриканского сообщества. На сегодняшний день уже можно говорить о значительных успехах данного проекта: кроме упомянутого кратного снижения времени и цены транспортировки товаров, удалось достичь улучшения обмена информацией, упрощения документооборота и бюрократических процедур и усовершенствования режимов транзита¹⁹.

Таможенный союз также создаёт основу для взаимодействия с иностранными государствами на предмет получения помощи и таможенных преференций. В 2015 году был продлён на 10 лет African Growth and Opportunity Act (AGOA), принятый в мае 2000 года. Данное соглашение обеспечивает беспопшлинный доступ на рынок США для отдельных стран Африки южнее Сахары²⁰. С учётом внешнего тарифа Восточноафриканского сообщества были сбалансированы соглашения о партнёрстве по линии ВАС-ЕС, оформляющие взаимодействие в сфере торговли и рыболовства и сотрудничество в сфере развития²¹. Кооперация с Европейским союзом также регулируется бессрочным соглашением между ЕС и ВАС «Всё, кроме оружия» (Everything But Arms), заключённым в 2001 году: страны, попадающие в категорию наименее развитых стран, получают беспопшлинный и неквотируемый доступ их товаров на рынки Европейского союза²². Все указанные инициативы осуществляются под эгидой Таможенного союза.

Также по линии ТС осуществляется взаимодействие с прочими интеграционными проектами на Африканском континенте. Неизменно актуальной для стран Восточноафриканского сообщества является проблема совмещения их участия в ВАС и других интеграционных объединениях²³. Кения,

¹⁶ EAC Trade & Investment Report, 2011, p. 72 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eac.int/documents/category/trade-investment-reports> (Дата обращения: 25.05.2023)

¹⁷ EAC Trade & Investment Report, 2011, pp. 14-16 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eac.int/documents/category/trade-investment-reports> (Дата обращения: 23.05.2023)

¹⁸ EAC Customs Union [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eac.int/customs-union> (Дата обращения: 12.04.2023)

¹⁹ Single Customs Territory [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eac.int/sct> (Дата обращения: 01.05.2023)

²⁰ African Growth and Opportunity Act [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eac.int/agoa> (Дата обращения: 07.05.2023)

²¹ EAC-EU Economic Partnership Agreements [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eac.int/epa> (Дата обращения: 07.05.2023)

²² Everything But Arms [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eac.int/everything-but-arms> (Дата обращения: 07.05.2023)

²³ Overlapping Membership in COMESA, EAC, SACU and SADC [Электронный ресурс]. URL: <http://repository.eac.int/bitstream/handle/11671/24273/en-epa-overlapping-memberships-2005.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (Дата обращения: 08.05.2023)

Уганда, Руанда, Бурунди и ДРК являются участниками Общего рынка Восточной и Южной Африки (COMESA)²⁴, в то время как Танзания входит в Сообщество развития Юга Африки (SADC). Содействовать интеграции в условиях параллельного членства (англ. - overlapping membership) большинства стран Восточноафриканского сообщества призван Трёхсторонний комитет КОМЕСА-ВАС-САДК²⁵, являющийся одним из проектов в рамках Таможенного союза ВАС.

Одновременное членство было не единственным препятствием, проявившимся на пути экономической интеграции. Между странами Восточноафриканского сообщества начали разворачиваться торговые войны. Так, например, Кения неоднократно заявляла, что её товары, импортируемые в Танзанию, намеренно задерживаются, вследствие чего кенийские компании терпят убытки [2. С. 319-330]. Между тем Кения сама является активным участником торговых войн: в 2015 году она запретила продажу угандийского сахара на своей территории, что никак не укладывалось в логику Таможенного союза и Общего рынка²⁶. К сожалению, этот феномен будет и далее сопровождать восточноафриканскую интеграцию.

Остро стоит проблема интеграции новых членов. Подключение к Таможенному союзу – первая стадия, которую надлежит пройти Южному Судану, Демократической Республике Конго и Сомали, присоединившимся в 2016, 2022 и 2023 гг., соответственно. К сожалению, пока этого не удалось сделать даже Южному Судану, и, хотя ноябрь 2019 года был выбран в качестве крайнего срока для присоединения страны к Таможенному союзу, процесс значительно растянулся во времени: «Национальная политика и стратегия интеграции в Восточноафриканское сообщество 2022-2026» (South Sudan's National

Policy And Strategy on EAC Implementation) выделяет Таможенный союз в качестве приоритетной цели²⁷. Возможности присоединения к Таможенному союзу для Южного Судана и ДРК снижаются за счёт продолжительной политической нестабильности (Южный Судан до 2020 г. пребывал в состоянии гражданской войны, а ДРК страдает из-за продолжающегося противостояния с группировкой M23 в Восточном Конго) и отсутствия достаточной национальной институциональной базы.

Общий рынок ВАС с изъятиями как рекорд африканской интеграции

Общий рынок является следующей за Таможенным союзом ступенью интеграции. В 2010 году был подписан Протокол об учреждении Общего рынка Восточноафриканского сообщества. Статья 1 данного документа определяет общий рынок в классическом смысле и предполагает объединение стран-членов в единый рынок, где будет обеспечена свобода движения капитала, труда, товаров и услуг.²⁸ Предполагалось, что к декабрю 2015 года Общий рынок будет полностью создан, однако в этот срок уложиться не удалось, но были предприняты последовательные шаги по внедрению единого рынка. Основные преимущества, получаемые от создания Общего рынка ВАС, сводятся к следующему:

1) Беспрепятственное движение товаров и услуг способствует повышению показателя внутрирегиональной торговли²⁹, что в свою очередь даёт стимул развитию промышленности.

2) Создаётся институциональная база для дальнейшей интеграции и перехода на стадию экономического и валютного союзов.

Функции Общего рынка ВАС разнообразны и, как в случае с Таможенным союзом, не ограничиваются сферой движения

²⁴ COMESA. Member states [Электронный ресурс]. URL: <https://www.comesa.int/members/> (Дата обращения: 08.05.2023)

²⁵ COMESA-EAC-SADC Tripartite [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eac.int/tripartite> (Дата обращения: 07.05.2023)

²⁶ Monitor. 'Kenya has no right to block Ugandan sugar' [Электронный ресурс]. URL: <https://www.monitor.co.ug/Business/-Kenya-has-no-right-to-block-Ugandan-sugar/-/688322/2847306/-/138rvko/-/index.html> (Дата обращения: 23.05.2023).

²⁷ Draft South Sudan National Policy Strategy, 2022, p.28 [Электронный ресурс]. URL: <https://meaca.gov.ss/wp-content/uploads/2022/08/Draft-South-Sudan-National-Policy-Strategy-EAC-.pdf> (Дата обращения: 05.05.2023)

²⁸ Protocol on the Establishment of the East African Community Common Market, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://repository.eac.int/handle/11671/2012> (Дата обращения: 26.04.2023).

²⁹ African Regional Integration Report, 2019, p. 23 [Электронный ресурс]. URL: https://au.int/sites/default/files/documents/38176-doc-african_integration_report-eng_final.pdf (Дата обращения 30.04.2023)

товаров и услуг. Он также призван обеспечивать сотрудничество и консультации по вопросам безопасности, развивать туризм, координировать мероприятия по предотвращению распространения заболеваний, осуществлять координацию инфраструктурных проектов, поощрять инвестиции, сокращать бедность и предлагать гражданам стран ВАС, включая уязвимые группы населения, возможности трудоустройства³⁰. Под его эгидой функционирует Восточноафриканская платёжная система, в 2015 году был введён восточноафриканский паспорт. Также были частично сняты ограничения для движения капитала и труда.

Несмотря на дальнейшее продвижение по пути экономической интеграции, к 2015 году наметилось снижение её темпов. Торговля внутри объединения сначала замедлила рост (2012 г. – увеличение на 22%, 2013 г. – на 6,1%), а впоследствии пошла на спад (2014 г. – -3%, 2015 г. – -10%)³¹. Это было вызвано комплек-

сом причин. Структура экономики, экспорта и импорта стран ВАС практически не изменилась со времени основания Сообщества: продукты сельского хозяйства и некоторые категории промышленных товаров (цемент, сталь, топливо, сахар) продолжали быть главными статьями вывоза. Засуха 2013-2015 гг. подорвала экспортный потенциал первичного сектора, а снижение экспорта во вторичном секторе стало следствием создания предприятий по производству цемента и стали во всех странах ВАС, что снизило возможности регионального разделения труда. В совокупности с расширением ВАС это привело к тому, что доля Кении в экспорте внутри объединения к 2016 году снизилась до 45,6%.³² Между тем её доминация продолжала быть очевидной – Кения продавала товары с более высокой добавленной стоимостью, нежели партнёры по объединению, её экспортная номенклатура была более разнообразной, о чём красноречиво говорит таблица ниже.

Основные экспортные категории в торговле внутри ВАС, 2017 гг.³³

		Покупатель					
		Кения	Танзания	Уганда	Руанда	Бурунди	Южный Судан
Поставщик	Кения		продукция машиностроения (18,71%), лекарства и мыло (18,38%), пластик (7,62%)	продукция машиностроения (8,5%), жиры и масла (8,35%), железо и сталь (8,11%), нефтепродукты (7,61%), пластик (6,19%),	лекарства и мыло (13%), продукция машиностроения (9%)	нефтепродукты (17,9%), железо и сталь (8,49%), изделия из железа и стали (5,36%)	печатная продукция (20%), пиво (10%), нефтепродукты (9,2%)
	Танзания	сушёные овощи (20,7%), изделия из бумаги (11,9%), живой скот (8,27%)		кофе (15,3%), рис (12,5%), изделия из бумаги (9,6%)	смазочные материалы (10,8%), цемент (8,72%), орехи (6,34%)	удобрения (20%), продукция текстильной промышленности (16,5%)	косметика (39,7%), смазочные материалы (38,7%), пшеничная мука (15,3%)
	Уганда	сушёные бобовые (12,4%), чай (10,7%), электричество (9,87%), молоко (9,4%), кукуруза (9%), табак (7,5%)	электричество (13,9%), кукуруза (12,6%), лекарства (8,9%)		цемент (11%), жиры и масла (9,6%), железо и сталь (7,83%)	железо и сталь (28,6%), кукуруза (10,9%)	продукция машиностроения (8,5%), сахар (7%), цемент (7%), пшеничная мука (5,5%)
	Руанда	отруби (46,7%), сырые шкуры и кожа (23,7%)	золото (49,1%), минеральное сырьё (37,4%)	отруби (41,7%), кофе (10%)		продукция машиностроения (25%), нефтепродукты (11,7%)	молоко (63,1%)

³⁰ EAC Common Market [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eac.int/common-market> (Дата обращения: 12.04.2023)

³¹ EAC Trade & Investment Report, 2015, p. 22 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eac.int/documents/category/trade-investment-reports> (Дата обращения: 21.05.2023)

³² EAC Trade & Investment Report, 2016, pp. 47-48 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eac.int/documents/category/trade-investment-reports> (Дата обращения: 22.05.2023)

³³ OEC. Trade between Kenya and Tanzania [Электронный ресурс]. URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/ken/partner/tza?dynamicBilateralTradeSelector=year2001&depthSelector=HS4Depth> (7.05.2024)

		Покупатель					
		Кения	Танзания	Уганда	Руанда	Бурунди	Южный Судан
Бурунди	кофе (33,7%), отруби (25,1%), чай (12,1%)	печатная продукция (14,6%), продукция машиностроения (13%), фрукты (11,3%),	кофе (72%)	продукция химической промышленности (31%), продукция машиностроения (23,5%)		Нет данных	
Южный Судан	матрасы (34,1%), средства от насекомых (24%)	б/у одежда (100%)	железный лом (75,1%)	наборы для путешествий (100%)	Нет данных		

Более позитивные результаты, чем в рамках торговли внутри ВАС, наблюдались в сфере инвестиционного сотрудничества: объём вложений продолжал расти, пусть и с небольшой скоростью (2015 г. – увеличение на 14,5%³⁴, 2016 – на 4,2%³⁵).

Подписание протокола о создании Общего рынка было большим шагом для государств Восточноафриканского сообщества, однако в годы развития этой ступени эффект восточноафриканской интеграции в мировом масштабе в целом был довольно ограничен и не смягчал проблему уязвимости экономик к изменениям мировой экономической конъюнктуры. Падение цен и спроса на продукцию, экспортируемую Восточноафриканским сообществом, привело к значительному сокращению торговых связей с внешним миром: в 2013 г. падение товарооборота составило -0,9%, в 2015 г. – -25,4%, в 2016 г. – -19,5%³⁶. Требовалось ещё много сделать, чтобы укрепить позиции ВАС в мировой торговле.

Валютный союз ВАС: проект далёкой перспективы

Следующим шагом интеграции в рамках Восточноафриканского сообщества является построение Валютного союза. 30 ноября 2013 года был подписан Протокол, предполагающий создание Валютного союза в течение 10 лет (до 2024 года) и постепенную конвергенцию в течение этого срока валют стран Восточноафриканского сообщества в единую валюту. Десятилетний срок вы-

полнения подготовительной работы вполне оправдан: учреждение единой валюты Сообщества требует согласования денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики, финансовых платёжных и расчётных систем, стандартов учёта и статистики, создания Восточноафриканского Центрального банка³⁷.

Обеспечение близости макроэкономических показателей стран Сообщества планируется осуществлять за счёт следования критериям конвергенции, указанным в Протоколе 2013 года (Статья 6³⁸). Эти критерии довольно схожи с Маастрихтскими и выглядят следующим образом:

- 1) Показатель инфляции не должен превышать 8%
- 2) Дефицит бюджета, включая субсидии, не должен превышать 3%
- 3) Внешний долг не должен превышать 50% ВВП в твёрдых ценах
- 4) Требуется наличие резервов, покрывающих 4,5 месяца импорта

Критерии конвергенции для образования непосредственно Валютного союза несколько отличаются (Статья 5):

- 1) Показатель инфляции не выше 5%
- 2) Дефицит бюджета, без учёта субсидий, не выше 6%
- 3) Соотношение налоговых поступлений к ВВП – не менее 25%

Страны Восточноафриканского сообщества демонстрируют успехи в следовании критериям конвергенции обеих групп. Так, например, всем семи государствам удаётся

³⁴ EAC Trade & Investment Report, 2015, p. 66 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eac.int/documents/category/trade-investment-reports> (Дата обращения: 21.05.2023)

³⁵ EAC Trade & Investment Report, 2015, p. 105 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eac.int/documents/category/trade-investment-reports> (Дата обращения: 21.05.2023)

³⁶ EAC Trade & Investment Report, 2016, pp. 45-46 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eac.int/documents/category/trade-investment-reports> (Дата обращения: 22.05.2023)

³⁷ EAC Monetary Union [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eac.int/monetary-union> (Дата обращения: 12.04.2023)

³⁸ Protocol on Establishment of the East African Community Monetary Union, 2013. [E-resource]. URL: <http://repository.eac.int/handle/11671/1710> (Дата обращения: 04.05.2023)

удерживать показатель инфляции в пределах 5%³⁹. Однако этого недостаточно для перехода к единой валюте из-за более существенных препятствий институционального характера (учреждения переходного периода сформированы не до конца) и медленного продвижения новых членов по этапам интеграции (Южный Судан, ДРК и Сомали испытывают сложности с присоединением к Таможенному союзу). В связи с этим, в октябре 2019 года Совет Министров ВАС выразил мнение, что срок создания Валютного союза необходимо перенести [3. С. 65], что и было сделано – в отчёте по товарообороту и инвестициям за 2022 г. (EAC Trade and Investment Report, 2022) указано, что крайний срок для Валютного союза был сдвинут на 2031 г.⁴⁰

Имеются значительные препятствия к созданию Валютного союза. Страны-члены не справляются с тем, чтобы выполнить все указанные критерии конвергенции одновременно: госдолг части из них до сих пор превышает 50% ВВП, не удается сформировать требуемый объём резервов. Имеются институциональные сложности: до сих пор не сформирован Восточноафриканский валютный институт, который должен предварять создание Восточноафриканского банка, эмитента единой валюты.

Невысокие темпы перехода на новую ступень интеграции не означают падения интереса стран Восточноафриканского сообщества к углублению экономического взаимодействия. В 2017-2019 гг. показатель внутрирегиональной торговли продолжил расти, хотя темп его увеличения год от года снижался: в 2017 г. он составил 13,5%, в 2018 г. – 10,1%, в 2019 г. – 5,4%⁴¹. Это стало результатом устранения нетарифных ограничений, преобразований в сфере бизнеса и интеграции систем пограничного контроля. При этом импорт в рамках Восточноафриканского сообщества показал гораздо более активную динамику роста в эти годы, нежели экспорт, что привело к выравниванию объёмов

экспорта и импорта, составивших соответственно \$3,16 млрд и \$3,17 млрд.⁴² Необходимо отметить, что вступление Южного Судана неоднозначно повлияло на указанные показатели. С одной стороны, оправдался расчёт на Южный Судан как на потенциальный крупный рынок: во многом за счёт этого государства был обеспечен рост импорта внутри ВАС на 42,1% в 2017 году. С другой стороны, масштаб участия Южного Судана в торговле в рамках ВАС за этот период постоянно сокращался, что свидетельствует об ограниченных возможностях его участия в экономической жизни объединения и подтверждает предположения исследователей, сделанные ещё до вступления страны в объединение [4. С. 18-19; 5. С. 15-19]. В 2018 г. импорт Южного Судана из стран ВАС упал на 18,5%, в 2019 г. – на 40,1%, в то время как экспорт в 2018 году снизился на 88,8%. В 2019-2020 г. показатель торговли Южного Судана со странами ВАС вырос в 9 раз (с \$10,6 млн до \$90,9 млн), а затем дважды снизился в полнину (в 2021 и 2022 гг.) до показателя в \$20,58 млн⁴³.

В 2022 г. Восточноафриканское сообщество приросло Демократической республикой Конго. ДРК проявила себя как партнёр, готовый активно наращивать товарооборот с другими членами ВАС: только за период с 2021 по 2022 г. экспорт ДРК в государства ВАС вырос на 35,6%, а импорт на 21,8%. Между тем стоит учитывать, что столь значительный рост экспорта в страны ВАС был возможен благодаря изначально небольшой его величине: в 2022 г. он составил \$92 млн. В то же время импорт из стран ВАС вырос до \$1,66 млрд, в связи с чем оправдались надежды на ДРК как на перспективный рынок. Основными экспортными статьями Конго на текущем этапе является минеральное сырьё и древесина. Главным торговым партнёром в ВАС выступает Руанда, несмотря на её поддержку группировки M23 на востоке ДРК⁴⁴. В целом, ВАС продолжает успешно развивать торговое сотрудничество: В 2022

³⁹ EAC Data Portal [Электронный ресурс]. URL: <https://eac.opendataforafrica.org/apps/atlas/Kenya?compareTo=SS,UG,TZ,RW,BI> (Дата обращения: 03.05.2023)

⁴⁰ EAC Trade & Investment Report, 2022, p. 38 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eac.int/documents/category/trade-investment-reports> (Дата обращения: 05.02.2024)

⁴¹ EAC Trade & Investment Report, 2019, pp. 41-43 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eac.int/documents/category/trade-investment-reports> (Дата обращения: 24.05.2023)

⁴² Рост экспорта/импорта: 2017 г. – 3,7%/42,1%, 2018 г. – 5,6%/13,9%, 2019 г. – 0,6%/12%

⁴³ EAC Trade & Investment Report, 2022, p. 38 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eac.int/documents/category/trade-investment-reports> (Дата обращения: 05.02.2024)

⁴⁴ EAC Trade & Investment Report, 2022, p. XV [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eac.int/documents/category/trade-investment-reports> (Дата обращения: 05.02.2024)

г. объём торговли внутри ВАС приблизился к отметке в \$11 млрд, увеличившись на 11,2% по сравнению с предыдущим годом⁴⁵. Доля торговли внутри ВАС для стран-членов составила 15% в 2022 г., и 16% и 19% в январе и феврале 2023 г.⁴⁶

Итак, несмотря на готовность стран-членов активно взаимодействовать в рамках ВАС, существует ряд факторов, препятствующих появлению Валютного союза ВАС: сложность в достижении и поддержании на должном уровне показателей конвергенции, медленное продвижение новых членов по предыдущим этапам интеграции, во многом неспешная подготовка институциональной базы и незавершённость Общего рынка.

Результаты аналитического исследования Таможенного союза, Общего рынка и Валютного союза как составляющих интеграционного процесса ВАС

Анализ экономических показателей Восточноафриканского сообщества позволяет выявить благотворное влияние интеграционных процессов по линии объединения на торговлю и экономическое развитие региона. Продвижение по стадиям интеграции сопровождается значительным увеличением товарооборота, наращиванием инвестиционного сотрудничества и установлением более равномерного распределения благ от участия в интеграционных инициативах за счёт усложнения структуры экспорта отдельных государств.

Таможенный союз хорошо зарекомендовал себя как площадка для взаимодействия стран-членов между собой и с внешними партнёрами. Данный институт справился с задачей по устранению неравенства в аспекте приобретаемых от интеграции благ за счёт асимметричного подхода к отмене пошлин в первые годы существования объединения, позволил выровнять показатели экспорта и импорта внутри ВАС для его членов. Между тем уже на этом этапе заметен переход к модели разноскоростной интеграции – новые члены имеют сложности с подключением к этому этапу, выступая скорее как перспективные рынки, нежели как партнёры, способные участвовать в развитии восточноафриканской интеграции наравне с основателями.

Образование Общего рынка и сопутствующее более свободное движение товаров и капитала внутри Восточноафриканского сообщества положительным образом отразилось на росте взаимной торговли и инвестиций, несмотря на достаточно однородную структуру экономик стран-членов ВАС. Между тем уже однако и здесь начал обозначаться предел интеграционного потенциала ВАС – Общий рынок продолжает существовать с изъятиями.

Создание Валютного союза требует значительной подготовительной работы: создания переходных институтов, достижения показателей конвергенции. На сегодняшний момент эта работа не завершена. Срок создания Валютного союза был продлён до 2031 г., и нет гарантий, что его снова не перенесут.

Сообщество продолжает сталкиваться с некоторыми вызовами. Создание Валютного союза и корректное функционирование Таможенного союза и Общего рынка во многом осложняется торговыми войнами между участниками объединения и необходимостью интегрировать более слабых в экономическом и институциональном плане вновь прибывших членов – Южный Судан, ДРК и Сомали – рынки с большим потенциалом, которым ещё предстоит оправиться от последствий конфликтов на своей территории. В результате ВАС по мере расширения и продвижения по этапам интеграции негласно разделяется на «ядро» (страны-основатели, иногда вместе с Руандой и Бурунди) и «периферию» (Южный Судан, ДРК, Сомали), пока не способную в полной мере участвовать в интеграционных инициативах. Таким образом, изначально заложенная в сообществе асимметрия проявляется всё сильнее с каждым последующим расширением, что объективно отражается на перспективных возможностях ВАС.

Заключение

Таким образом, демонстрируя значительные успехи в первое десятилетие существования Восточноафриканского сообщества, экономическая интеграция впоследствии вынуждена была замедлить свой ход. Это было вызвано переходом на более высокие и, следовательно, более сложные

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Non-tariff Barriers and national protection impeding intra-EAC trade [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eac.int/press-releases/2855-non-tariff-barriers-and-national-protection-impeding-intra-eac-trade> (Дата обращения: 20.05.2024)

для реализации уровня (Общий рынок и Валютный союз), а также необходимостью интеграции новых членов, часть из которых не имела достаточной институциональной базы и находилась в состоянии конфликта. Эволюционируя, ВАС негласно применяет разноскоростной подход к интеграции, который углубляет характерную для объединения асимметричность. Несмотря на снижение доли в экспорте внутри ВАС, Кения продолжает играть особую роль, поставляя товары с более высокой добавленной стоимостью, используя рынки новых членов объединения и активно сотрудничая со странами-основателями в аспекте укрепления институциональной структуры ВАС.

Товарооборот внутри объединения продолжает расти, в том числе в пропорции к совокупной внешней торговле ВАС. И всё же государства Восточноафриканского сообщества остаются по-прежнему в большей степени ориентированы на внешних торговых партнёров, о чём свидетельствует невысокая доля торговли внутри ВАС в общем объёме внешней торговли стран-членов (15%).

В целом, опыт экономического взаимодействия ряда стран Восточной Африки является ещё одним подтверждением вариативности реальных моделей региональных интеграционных объединений, формирующих архитектуру международных процессов начала XXI века.

Литература:

1. The Treaty for the Establishment of the East African Community. 1999. 119 p. URL: <https://www.eacj.org>.
2. Костюнина Г.М. Интеграционные процессы в Африке: история и современный этап // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 4. С. 33-50.
3. Поликанова Д.В. Интеграционные процессы в Восточной Африке: история и современность Восточноафриканского сообщества // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 2 (11). С. 319-330.
4. Amuhaya C., Degterev D. A Century of East African Integration. Switzerland: Palgrave Macmillan Cham. 2022.
5. Beny L., Snyder M. Analysis of the Republic of South Sudan's Accession to the East African Community: Benefits, Detriments and Recommendations // University of Michigan Public Law Research Paper. No. 337. 2013.
6. Zambakari C. South Sudan and the East African Community: Common Market, Citizenship, and Political Federation // International Journal of African Renaissance Studies - Multi-, Inter- and Transdisciplinarity. 2015.

THE EVOLUTION OF THE EAC ECONOMIC INSTITUTIONS

Introduction. *The article analyzes the functioning of the main East African Community (EAC) economic institutions – the Customs Union, the Common Market and the Monetary Union. Along with that, the authors scrutinize the EAC economic successes. Taking into account extensive factual material present, the authors conclude that the EAC institutional decisions have a double effect: on the one hand, these tools foster trade and investment interaction within the association, and on the other hand, they deepen the intrinsic asymmetry in the association functioning and encourage multilevel integration.*

Materials and methods. *The authors used comparative analysis of profile economic data, which allowed to identify the role of individual countries in economic processes within the EAC, as well as the basic methods of scientific knowledge: analysis, synthesis, generalizations and comparative analysis.*

Literature on the topic of the study, official documents of the East African Community and statistics published by the EAC bodies and “The Observatory of Economic Complexity” were also used in the study.

Results of the study. *The further development of economic integration within the East African Community is accompanied by a steady, though not equally rapid, growth in trade and investment cooperation. To date, the EAC is facing an obvious slowdown in integration processes due to the difficulties on its path to the Monetary Union and scarce opportunities for the new members to actively join the EAC institutional structure. As a result, the EAC is unofficially divided into two groups of countries with different degrees of readiness to deepen integration.*

Discussion and Conclusion. *The study found that East African integration has shown strong positive results despite the incomplete inclusion of new*

members, overlapping membership, trade wars and other challenges. As the association evolves, a multi-speed and multi-tiered integration scheme becomes increasingly relevant for the EAC - it is unlikely that the new members will be able to join the Customs Union anytime soon, let alone the more institutionally complex stages.

Natalia V. Ivkina,
Candidate of Science (History),
Associate Professor, the Department
of International Relations Theory

and History, RUDN University,
Moscow, Russia

Lora E. Chkoniya,
researcher, the Institute for International
Studies, MGIMO University,
Moscow, Russia

Yaroslav A. Kruglov,
bachelor's degree graduate,
Faculty of International Relations,
MGIMO University, Moscow, Russia

Ключевые слова:

Восточноафриканское сообщество,
восточноафриканская интеграция,
институты ВАС, Таможенный союз ВАС,
Общий рынок ВАС, Валютный союз
ВАС, Танзания, Кения, Уганда, Руанда,
Бурунди, Южный Судан, ДРК, Сомали,
разноуровневая интеграция.

Keywords:

the East African Community, East African
integration, the EAC institutions, the EAC
Customs Union, the EAC Common Market,
the EAC Monetary Union, Tanzania, Kenya,
Uganda, Rwanda, Burundi, South Sudan,
DRC, Somalia, multi-tiered integration.

References:

1. The Treaty for the Establishment of the East African Community. 1999. URL: <https://www.eacj.org>.
2. Kostyunina G.M., 2016. Integratsionnye protsessy v Afrike: istoriya i sovremenniy etap [Integration processes in Africa: history and modern stage]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik [Russian Foreign Economic Bulletin]*. № 4. P. 33-50.
3. Polikanova D.V., 2010. Integratsionnye protsessy v Vostochnoi Afrike: istoriya i sovremennost' Vostochnoafrikanskogo soobshchestva [Integration Processes in East Africa: History and Modernity of the East African Community]. *Vestnik MGIMO Universiteta [MGIMO Review of International Relations]*. № 2 (11). P. 319-330.
4. Amuhaya C., Degterev D., 2022. A Century of East African Integration. Switzerland: Palgrave Macmillan Cham.
5. Beny L., Snyder M., 2013. Analysis of the Republic of South Sudan's Accession to the East African Community: Benefits, Detriments and Recommendations. *University of Michigan Public Law Research Paper*: No. 337.
6. Zambakari C., 2015. South Sudan and the East African Community: Common Market, Citizenship, and Political Federation. *International Journal of African Renaissance Studies - Multi-, Inter- and Transdisciplinarity*.

Приложение 1.

Таблица "Внутрирегиональная торговля ВАС, 2004–2020 гг."

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Total Imports, US\$ million (Percentage Changes)	591.3	786.2 (+32.9%)	727.0 (-7.5%)	824.6 (+13.4%)	1,562.9 (+89.5%)	1,478.0 (-5.5%)	1,551.0 (+4.9%)
Total Exports, US\$ million (Percentage Changes)	935.0	1,061.1 (+13.5%)	890.1 (-16.1%)	1,148.6 (+29.0%)	1,594.8 (+38.8%)	1,996.7 (+25%)	2,171.9 (+10.4%)
Total EAC Volume of Trade, US\$ million (Percentage Changes)	1526.4	1847.2 (+21.0%)	1617.1 (-12.5%)	1973.2 (+22.0%)	3,157.7 (+60.0%)	3,437.3 (+8.9%)	3,722.9 (+8.3%)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Total Imports, US\$ million (Percentage Changes)	1,551.0 (+4.9%)	1,919.3 (+23.7%)	2,302.4 (+20.6%)	2,107.0 (-8.5%)	2,402.5 (+14.0%)	1,941.8 (-19.2%)	1,750.2 (-9.9%)
Total Exports, US\$ million (Percentage Changes)	2,171.9 (+10.4%)	2,566.5 (+18.2%)	3,155.0 (+23.0%)	3,698.6 (+17.2%)	3,230.4 (-12.7%)	3,186.3 (-1.2%)	2,631.4 (-17.4%)
Total EAC Volume of Trade, US\$ million (Percentage Changes)	3,722.9 (+8.3%)	4,485.9 (+20.5%)	5,457.3 (+22.0%)	5,805.6 (+6.4%)	5,632.9 (-3.0%)	5,128.1 (-9.0%)	4,382.0 (-14.6%)

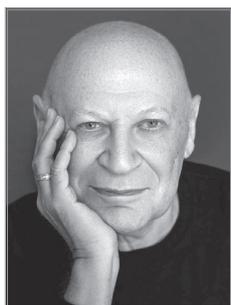
ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ ВОСТОЧНОАФРИКАНСКОГО СООБЩЕСТВА

	2016	2017	2018	2019	2020
Total Imports, US\$ million (Percentage Changes)	1,750.2 (-9.9%)	2,490.6 (+42.3%)	2,835.9 (+13.9%)	3,175.8 (+14.4%)	3,058.0 (-3.7%)
Total Exports, US\$ million (Percentage Changes)	2,631.4 (-17.4%)	2,977.4 (+13.1%)	3,145.2 (+5.6%)	3,162.8 (+0.5%)	2,929.6 (-7.37%)
Total EAC Volume of Trade, US\$ million (Percentage Changes)	4,382.0 (-14.6%)	5,467.9 (+24.8%)	5,981.1 (+9.4%)	6,338.6 (+5.9%)	5,987.6 (-5.5%)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭКСПОРТНЫЕ СТРАТЕГИИ И ПРОГРАММЫ: АЛГОРИТМ РАЗРАБОТКИ (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

*Раиса Шпакова**
*Дмитрий Городецкий***

DOI 10.24833/2073-8420-2024-2-71-116-128

***Введение.** В статье проведен анализ проблем, возникающих при разработке региональных экспортных стратегий и программ. В качестве объекта для анализа выбрана региональная экспортная стратегия Томской области - региона, обладающего средними экспортными характеристиками, и в то же время столкнувшегося в последнее время с типичным для значительного числа регионов комплексом проблем в экспортной деятельности. Предложен алгоритм разработки стратегии. Признано целесообразным принятие специального методического документа, содержащего оптимальные аналитические процедуры, необходимые при разработке экспортных стратегий и программ, а также механизм оценки эффективности их реализации.*

***Материалы и методы.** В качестве материалов исследования использовались положения федеральных проектов и нормативных актов, касающихся поддержки экспортной и инвестиционной деятельности, региональные документы стратегического планирования Томской области, статистические данные о динамике экспорта. Методологическую основу исследования составили следующие общенаучные методы: статистический, анализа, синтеза, метод толкования нормативных актов и другие.*

* **Шпакова Раиса Николаевна**, кандидат географических наук, доцент кафедры регионального управления и национальной политики МГИМО МИД России
e-mail: production2003@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-9916-0113

** **Городецкий Дмитрий Игоревич**, доктор экономических наук, профессор кафедры регионального управления и национальной политики МГИМО МИД России
e-mail: gorod1949@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3052-1371

Результаты исследования. В ходе исследования установлено, что в отсутствие методической разработки основных положений, определяющих специализацию региональной экспортной стратегии, данный документ может сыграть роль лишь формального дублирования положений региональных стратегий социально-экономического развития.

Прежде всего, в рамках специального методического рекомендательного документа, необходимо прописать аналитическую составляющую разработки экспортной стратегии и принимаемых в соответствии с ней региональных программ. В частности, необходимы методические основы проведения экспортного аудита, проведение которого предусмотрено Региональным экспортным стандартом.

Обсуждение и заключение. Предложен алгоритм действий при разработке региональной экспортной стратегии и программы, позволяющий структурно упорядочить комплекс мер по поддержке экспорта.

Кроме того, при разработке мер поддержки экспорта целесообразно разделить действующих и потенциальных экспортеров на группы относительно их готовности к расширению экспортной деятельности с последующей дифференциацией мер поддержки и оценки эффективности применительно к каждой из групп.

Введение

Внешнеэкономический фактор существенным образом влияет на региональную экономику. Развитие экспорта, прежде всего, несырьевого, позволяет решать не только вопросы расширения налоговой базы региона, повышения занятости населения, стимулирования притока инвестиций, но и диверсификации экономики, повышения ее конкурентоспособности. Немаловажен и тот факт, что несырьевой экспорт – это экспорт товаров, как правило, более высокого передела, нежели товары, представляющие сырьевой экспорт, и, следовательно, требуют для развития производства инновационной активности. Важнейшая роль экспорта в региональном развитии обуславливает факт пристального внимания к нему государства.

Проблема государственной поддержки экспорта, в целом, и регионального экспорта, в частности, (в различном контексте) уже на протяжении длительного времени является одной из старейших и наиболее значимых тем при исследовании экспорта как в нашей стране, так и за рубежом. Е.Т. Каһиуа, обобщив результаты многих исследований за период с 1968 по 2022 годы, пришел к следующим выводам: во-первых, на протяжении всех последних десятилетий роль правительств, агентств по содействию экспорту, внешнеторговых ведомств повсеместно остается весьма значимой, а проблематика поддержки экспорта, хотя и является одной из

самых разработанных, по-прежнему содержит множество нерешенных вопросов [11].

Р.Р. Гиматдинов, проанализировав мнения российских ученых, констатирует, что, в условиях беспрецедентного санкционного давления на российскую экономику, выстраивание эффективной системы государственной поддержки экспортеров приобретает принципиальное значение [2].

Говоря о конкретных проблемах повышения эффективности государственной поддержки экспорта, N.A. Dalisova и M.V. Karaseva отмечают, что при общем росте финансово-кредитной, маркетинговой и технической помощи существенным фактором, снижающим эффективность программ поддержки, является недостаточный уровень информирования и консультирования (на примере экспорта агропромышленной продукции Красноярского края) [10]. В работе Yu. Bugai, A. Minenko и M. Khorunzhin обращено внимание на уязвимость экспорта, даже при условии эффективно поставленной системы поддержки от инфраструктурных и логистических ограничений [9].

Немаловажными представляются проблемы оценки результирующего экономического эффекта от применения государственной поддержки экспорта, и в данном аспекте интерес представляет методика, предложенная коллективом авторов [12]. В научных публикациях также предпринимаются попытки разработки авторских концепций поддержки экспорта, как правило, применительно к одной из отраслей [14].

Некоторые исследователи отмечают проблему развития отдельных экспортных отраслей, которые могут иметь универсальный характер. Так, применительно к региональному зерновому экспорту отмечаются в качестве системной проблемы ограниченный ассортимент зерновой продукции, ограниченный объем экспорта продуктов переработки зерна и ограниченная география экспорта. Уровень развития транспортной инфраструктуры, не отвечающий потребностям роста зернового экспорта отнесен к существенным препятствиям, и, кроме того, к препятствиям отнесена недостаточная мощность зернохранилищ, отвечающих современным требованиям [13].

Указом Президента Российской Федерации от 20 июля 2020 года № 474 одной из национальных целей был поставлен рост экспорта несырьевых неэнергетических товаров не менее чем на 70% по сравнению с показателем 2020 года. Поставленная цель для своего достижения требовала, наряду с развитием системы продвижения экспорта, увеличения количества новых участников экспортной деятельности. При этом особый акцент делался, во-первых, на использовании экспортного потенциала субъектов Российской Федерации, а, во-вторых, на активном привлечении субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП). По состоянию на базовый 2020 год, из 5,6 млн. зарегистрированных субъектов МСП экспортерами являлись всего 55 753 субъекта МСП. По мнению членов проектного комитета по национальному проекту «Международная кооперация и экспорт», именно эта категория предпринимателей обладает наибольшим потенциалом роста несырьевого неэнергетического экспорта¹. В Указе Президента Российской Федерации от 07 мая 2024 года №309 национальной целью является обеспечение к 2030 году прироста экспорта несырьевых неэнергетических товаров не менее чем на две трети по сравнению с показателями 2023 года.

Необходимость сведения мер по стимулированию деятельности региональных экспортеров и поддержке предприятий, занимающихся внешнеэкономической деятельностью, в единую региональную целевую программу, а также организации постоянного консультативного органа по развитию

экспорта еще до принятия национальных проектов обосновали в своей статье Ж.А. Ермакова и В.В. Боброва [3].

Возведение необходимости активизации несырьевой неэнергетической экспортной деятельности в ранг одной из национальных целей, непрекращающийся интерес научного сообщества к указанной проблематике свидетельствуют о том, что система государственной поддержки экспорта еще не достигла оптимального уровня и находится в стадии активного реформирования. Указанные обстоятельства обусловили актуальность темы настоящей статьи.

В числе мероприятий национального проекта «Международная кооперация и экспорт» значится необходимость разработки в субъектах Российской Федерации отдельной стратегии развития экспорта (региональной экспортной стратегии), однако требования к содержанию стратегии, порядку ее разработки практически не прописаны, в связи с чем представляется важным сосредоточиться на рассмотрении проблем, возникающих в ходе разработки, и предложить их решение. В качестве объекта исследования выбрана Томская область – регион, обладающий средними экспортными характеристиками, и в то же время столкнувшийся в последнее время с типичным для значительного числа регионов комплексом проблем в экспортной деятельности.

Исследование

В опубликованном в 2017 году исследовании индекса потенциала диверсификации экспорта российских регионов Томская область была отнесена к 3-ей из 8 возможных, классификационной группе (чем меньше номер группы, тем ниже экспортный потенциал). С рейтингом, равным 0, 712, область заняла 52 место среди всех регионов [5]. Данное обстоятельство авторы исследования объяснили относительно невысокой сложностью экономики региона, характеризующей близость его экспортной корзины к технологичной части мирового экспорта. При этом следует отметить, что соседние регионы – Новосибирская и Омская области – имеют более высокие индексы (2, 180 и 2,362, 12 и 8 места соответственно).

¹ Стандарт по обеспечению благоприятных условий для развития экспортной деятельности в субъектах Российской Федерации. Российский экспортный центр. М., 2022 // Внедрение регионального экспортного стандарта 2.0 (exportcenter.ru)

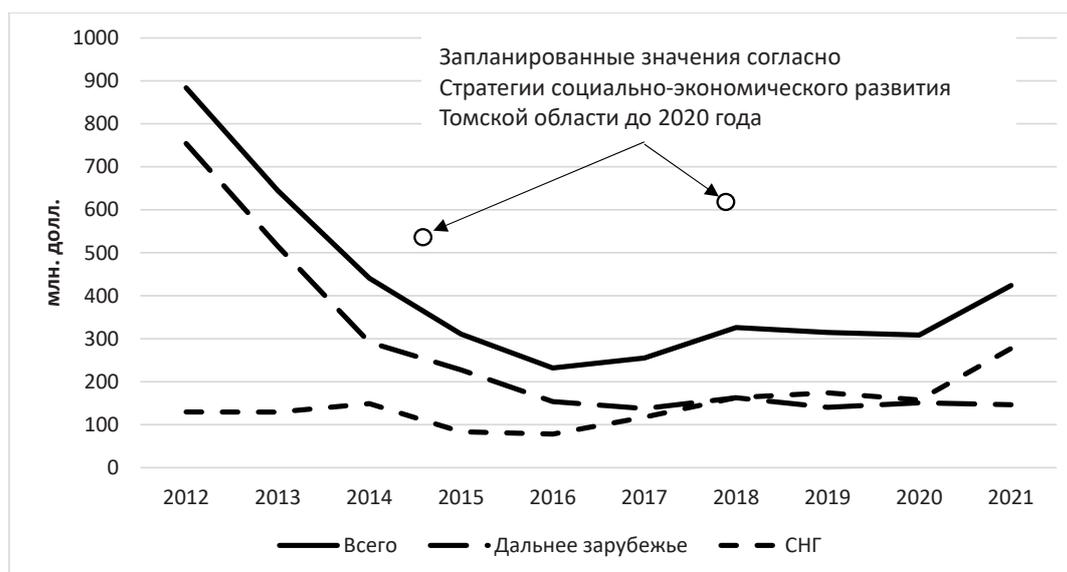

Рис.1. Динамика экспорта Томской области
Построено авторами по данным Росстата

Динамика экспорта Томской области приведена на **рис. 1**.

Данные статистики показывают, что в период с 2012 по 2016 годы объем экспорта снизился более чем в 3 раза, прежде всего за счет уменьшения экспорта в страны дальнего зарубежья. При этом причины столь существенного сокращения установлены, или, по крайней мере, опубликованы не были. В последующем при подведении итогов реализации Стратегии социально-экономического развития Томской области до 2030 года за период с 2014 по 2020 годы² главными причинами невыполнения плана экспортных поставок были определены следующие:

- инфраструктурные ограничения ряда районов Томской области;
- отсутствие компетенций предприятий по выходу на внешние рынки.

Данные проблемы, очевидно, могут лежать в основе отсутствия роста экспорта, но вряд ли с их помощью можно объяснить такое существенное падение. Ни состояние инфраструктуры, ни компетенция участ-

ников экспортной деятельности в течение отчетного периода не могли ухудшиться настолько, чтобы обеспечить имевшее место падение экспорта более чем в 3 раза.

Неразвитость транспортной инфраструктуры как фактор, снижающий инвестиционный потенциал региона, и необходимость решения этой проблемы в первоочередном порядке отмечались руководством области еще в 2012 году, однако признавалось, что объем необходимых для этого средств «настолько велик, что развитие транспортной системы в пределах одной области выглядит с точки зрения федеральных властей бессмысленной тратой средств»³.

Проблема низкого уровня транспортной и логистической инфраструктуры, удаленности регионов Сибирского федерального округа (куда входит Томская область) от основных транспортных узлов и рынков сбыта продукции отмечена в качестве одной из основных в Стратегии социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 года⁴. В этой стратегии к ключевым долгосрочным возможностям для

² Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Томской области до 2030 года: постановление Законодательной Думы Томской области от 26 марта 2015 года №2580 // Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Томской области до 2030 года от 26 марта 2015 - docs.cntd.ru

³ Шесть экономических проблем Томской области: информационное сообщение Правительства Томской области от 26 апреля 2012 года // Шесть экономических проблем Томской области | Администрация Томской области (tomsk.gov.ru)

⁴ Стратегия социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 26.02.2023 № 129-р // *Распоряжение Правительства РФ от 26.01.2023 N 129-р<Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 года> (sbras.ru)

развития Сибирского федерального округа отнесено создание предприятий, опирающихся на сложившуюся производственную специализацию и ориентированную на экспорт товаров и услуг с низкой долей транспортных затрат в себестоимости (или даже с нулевой). Тем самым подчеркивается, что рассчитывать в перспективе ближайших 10-15 лет на радикальное ослабление логистических проблем не приходится.

Подчеркнем, что в приведенных положениях речь идет о влиянии неразвитости инфраструктуры как о факторе, снижающем потенциал роста экспорта, то есть возможности, которые могли бы быть реализованы при определенных условиях.

Начиная с 2017 года имеется тенденция увеличения объемов экспорта, обусловленная прежде всего ростом экспорта в страны СНГ. Разнонаправленные тенденции динамики экспорта, как представляется, должны предоставить региональным властям достаточно большое количество информации об обусловивших эти тенденции факторах (как положительных, так и отрицательных), что упростило бы выработку политики по поддержке экспорта. Отсутствие же детального анализа причин изменения экспорта в предшествующие годы, безусловно, снижает управленческий потенциал разрабатываемых стратегических документов.

Согласно подходам, содержащимся в Региональном экспортном стандарте, принятом в соответствии с федеральным проектом «Системные меры развития международной кооперации и экспорта», и призванном косвенно развивать систему поддержки экспорта в субъекте Российской Федерации, регионам предложены для реализации 15 инструментов, сгруппированных в 3 классификационные группы: 1. Создание платформы для развития экспорта в субъекте Российской Федерации; 2. Обеспечение доступа к необходимым мерам поддержки экспортной деятельности в субъекте Российской Федерации; 3. Механизмы продвижения региона на зарубежных рынках и популяризация экспортной деятельности.

По методике Российского экспортного центра Томская область отнесена к 3-й из 5 групп регионов (от 1 к 5 группе – рост экс-

портного потенциала) с относительно высокой долей несырьевого неэнергетического экспорта (88% от общего объема экспорта по состоянию на 2021 год) и доли компаний МСП среди экспортеров (63,5%).

Одним из ключевых положений Регионального стандарта является положение о необходимости разработки в регионе стратегии по поддержке экспортной деятельности в виде либо самостоятельного документа, либо специального раздела в региональной стратегии социально-экономического развития.

В Томской области разработана и принята как самостоятельный документ стратегического планирования, Стратегия по обеспечению благоприятных условий для развития экспорта и внешних связей Томской области до 2030 года (далее – Региональная экспортная стратегия)⁵, главной целью которой объявлено устойчивое наращивание объемов экспорта Томской области за счет опережающего роста несырьевых неэнергетических товаров и услуг. Указанная цель конкретизируется системой из четырех показателей, планируемых к достижению в 2030 году:

- общий объем экспорта – 504,4 млн долл. США;
- рост несырьевого неэнергетического экспорта на 70% к уровню 2020 года;
- количество экспортеров – субъектов МСП 610 ед.;
- объем несырьевого неэнергетического экспорта субъектов МСП – 281 млн долл.

Положительным моментом Региональной экспортной стратегии является то, что она носит комплексный характер, исходя из того очевидного факта, что экспорт товара или услуги является не неким автономным экономическим актом, а итогом сложного, последовательно развивающегося процесса.

В Региональной экспортной стратегии выделены наиболее перспективные для активизации экспорта отрасли экономики и определены тенденции их развития.

Наряду с Региональной экспортной стратегией в Томской области принята Региональная программа развития экспорта до 2024 года (далее – Региональная экспортная программа)⁶. Приоритетами развития экспорта на указанный период определены:

⁵ Стратегия по обеспечению благоприятных условий для развития экспорта и внешних связей Томской области до 2030 года. Утв. распоряжением Администрации Томской области от 16 января 2024 года №17-ра

⁶ Региональная программа «Развитие экспорта в Томской области до 2024 года // Об утверждении региональной программы "Развитие экспорта в Томской области до 2024 года" от 30 декабря 2022 - docs.cntd.ru

- наращивание числа экспортеров по существующей товарной номенклатуре;
- диверсификация товарной структуры экспорта в пользу товаров средних и высоких переделов, обладающих повышенным потенциалом увеличения экспорта (органические продукты, изделия из дерева, микроэлектроника);
- развитие экспорта услуг, прежде всего, образовательных и медицинских услуг, телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг;
- расширение географии экспорта;
- увеличение степени вовлеченности предприятий региона (в том числе малых и средних) в экспортную деятельность.

В целом данные приоритеты коррелируют с целевыми показателями развития экспорта, установленными в Региональной экспортной стратегии.

Основными драйверами роста экспорта Томской области на среднесрочную перспективу выступают экспорт продукции АПК и пищевой промышленности, деревообработки, химической промышленности, машиностроения, а также услуги в сфере образования и медицины.

В сфере АПК основными направлениями создания экспортных товаров являются развитие производства кондитерских изделий с использованием местного природного сырья, пищевой продукции на основе переработки масличных культур (масло кедровое, масло рапсовое и т.п.).

Разработка товарного ряда, вывод производства на проектный уровень, получение международных сертификатов и разрешений на экспорт продуктов питания, продвижение товаров на внешних рынках – вот примерный перечень необходимых действий в программе развития экспорта в сфере АПК. Стратегия содержит перечень конкретных инвестиционных проектов в данной сфере с указанием календарных сроков внедрения мощностей и ожидаемых объемов экспорта.

Аналогичный инвестиционный план разработан и для другой ведущей экспортно-ориентированной сферы Томской области – деревообработки. Основными экспортными товарами являются пиломатериалы, шпон, ориентированно-стружечные плиты, мебельные заготовки, древесный уголь.

Достаточно широкими экспортными перспективами обладает продукция машиностроения (трансмиссионное оборудование, коммуникационная аппаратура и др.), однако, в текущей обозримой перспективе

экспортные возможности по данному направлению снижены в связи с повышенной востребованностью на внутреннем рынке.

В сфере экспорта услуг одним из драйверов развития экспорта предполагается научно-образовательный комплекс Томской области. Проектами, с реализацией которых связываются рост потенциала для наращивания экспорта образовательных услуг, являются интеграция ВУЗов и НИИ «Большой университет», и связанное с ними создание к 2026 году межуниверситетского кампуса на 10 тыс. мест.

Томская область имеет значительный опыт экспорта медицинских услуг. Ежегодно в областных организациях здравоохранения и специализированных НИИ (кардиологии, медицинской генетики, онкологии, психического здоровья и др.) оказываются медицинские услуги иностранным гражданам. В 2021 году услугами лечения воспользовались 12,5 тыс. иностранных граждан. Созданная техническая и технологическая база позволяет наращивать объемы медицинских услуг.

В области развивается и отрасль IT-индустрии. Традиционно ориентированная на рынки стран ЕС и США, эта отрасль в сложившихся условиях требует переориентации на альтернативные рынки, и рост экспорта в данном направлении будет зависеть от эффективности мер, предпринимаемых в данном аспекте.

Кластерные инициативы, предпринятые в Томской области, позволили увеличить количество предприятий-экспортеров – среди малых компаний в 2 раза, среди средних – в 3 раза. Под кластерными инициативами понимается создание и поддержка инновационного территориального центра «ИНО Томск», в котором концентрируются передовое производство, подготовленные высококвалифицированные человеческие ресурсы, создается перспективная технологическая база, а также устойчивое развитие особой экономической зоны технико-внедренческого типа «Томск», промышленного парка «Томск». Перспективным направлением является реализация дорожных карт по расширению спроса на высокотехнологичную продукцию, содержащих мероприятия по наращиванию продукции высокотехнологичных отраслей на основе мощностей томских промышленных предприятий совместно с крупными российскими корпорациями («Сибур», «ИнтерРАО», «Россети» и др.).

Возвращаясь к внедрению инструментов Регионального экспортного стандарта,

следует отметить, что, согласно Плану мероприятий Региональной программы «Развитие экспорта в Томской области до 2024 года» к концу 2024 года основная часть организационных инструментов, предусмотренных Региональным экспортным стандартом, должна быть внедрена. Так, планом предусмотрены: обучение управленческой команды, проведение серии заседаний Совета по развитию экспорта, создана база экспортно-ориентированных предприятий и др.

В Российской Федерации на федеральном уровне уже несколько лет функционируют институты поддержки экспортеров (включая субъекты малого и среднего предпринимательства). Так, например, «Агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций» осуществляет поддержку отечественных экспортеров посредством страхования экспортных кредитов от коммерческих и политических рисков. В рамках Национальной предпринимательской инициативы в 2012 году была разработана Дорожная карта «Поддержка доступа на рынки зарубежных стран и поддержка экспорта»⁷, рассчитанная на шесть лет. Задачи, поставленные в этой дорожной карте, были поставлены те же самые: внедрение новых инструментов и создание региональной инфраструктуры поддержки экспорта, рассчитанной прежде всего на поддержку малого и среднего бизнеса. Разработчики дорожной карты планировали, что за шесть лет ее реализации число организаций-экспортеров увеличится вдвое и существенно возрастет российский несырьевой экспорт. Среди мероприятий мы видим, наряду с нормативно-правовыми, также организационные (формирование «единого окна» по финансовой и нефинансовой поддержке) и информационно-промоутерские (обеспечение участия в международных выставках, повышение эффективности работы Единого портала внешнеэкономической информации, публикация аналитических материалов и разъяснений по проблемным вопросам выхода на внешние рынки и т.п.).

В связи с тем, что в системе современных мер поддержки экспорта значительное место занимают инструменты, уже применявшиеся, тем или иным образом, ранее, пред-

ставляют интерес отдельные оценки, данные в научных публикациях результатам их применения.

Так, А. Кнобель и А. Лощенкова исследовали эффективность региональных систем поддержки экспорта эконометрическими методами [4]. Результаты показали, что наибольшее влияние на объемы экспорта оказывают земельные ресурсы региона (в пересчете на 1 занятого в экономике). Значимое влияние оказывают также наличие природных ресурсов в регионе, инвестиционный климат, наличие порта. Если говорить о влиянии оказываемой экспорту поддержки, то выявлено, что различия в объемах поддержки экспорта (в расчете на 1 занятого) не всегда соответствуют различиям в объемах экспорта. Положительное воздействие поддержки проявляется только на краткосрочных временных интервалах. Работа же региональных центров содействия экспорту значимого влияния на его объемы не оказывает. Авторы исследования полагают, что данное обстоятельство связано с низкой квалификацией сотрудников указанных центров. Решением проблемы является не только повышение квалификации, но и вовлечение сотрудников центров в текущую деятельность Минпромторга России и Российского экспортного центра и выстраивание единой системы поддержки экспорта, связывающей региональный и федеральный уровни [4. С. 85]. Создание единого координационного центра по поддержке экспортеров в регионе предлагалось и В.П. Шуйским [6. С. 45].

К интересным выводам пришла группа исследователей из Новосибирска, поставившая перед собой задачу выявить основные зависимости экспорта продовольствия региона от отдельных показателей развития АПК [1]. Полученные с помощью корреляционного анализа результаты показали, что государственная поддержка сельскохозяйственной отрасли (как федеральные, так и региональные дотации) какого-либо влияния на экспорт не оказывают. Авторы исследования объясняют это нецелевым, в значительной степени, характером расходования средств, направляемых, прежде всего, на решение текущих проблем сельхозтоваропроизводителей.

⁷ План мероприятий "Поддержка доступа на рынки зарубежных стран и поддержка экспорта": распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.06.2012 № 1128-р // Документы - Правительство России (government.ru) (утратило силу с 26.05.2017)

Не подвергая сомнению необходимость и целесообразность разработанных в рамках федерального проекта мер поддержки экспортеров, полагаем, что и приведенные выше выводы не следует сбрасывать со счетов. Они указывают на то обстоятельство, что никакие меры поддержки не носят универсального характера и могут иметь разную эффективность в условиях разных регионов и применительно к разным отраслям, что, безусловно, следует учитывать при разработке региональных экспортных стратегий и программ.

При постановке конечной цели наращивания объемов несырьевого неэнергетического экспорта важно определение приоритетных направлений, обеспечивающих наибольший вклад в достижение конечной цели. В Региональной экспортной стратегии определены следующие приоритетные направления:

- диверсификация товарной структуры экспорта в пользу товаров средних и высоких переделов, обладающих повышенным потенциалом увеличения экспорта;
- наращивание числа экспортеров (в том числе малых и средних);
- развитие экспорта услуг, прежде всего образовательных, медицинских, телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг;

- расширение географии экспорта.

Основными драйверами увеличения экспорта в Томской области на период до 2030 года определены следующие: а) производственные отрасли – АПК, пищевая промышленность, деревообработка, химическая промышленность, машиностроение, б) отрасли сферы услуг – образование, медицина.

С учетом выделенных в Региональной экспортной стратегии приоритетных направлений попытаемся описать алгоритм разработки программы развития экспорта региона. Сразу оговорим, что данный алгоритм справедлив и для случая разработки региональной экспортной стратегии с соответствующей корректировкой направлений, сроков и индикаторов.

В качестве основы для разработки программы необходимо проведение аудита экспортного потенциала предприятий Томской области по каждой из отраслей – драйверов роста экспорта, который должен дать ответы на вопросы о том, что собой представляет объект управления: структура предприятий по экспортному потенциалу, по фактическому состоянию экспортной деятельности, систематизация проблем по каждой из выделенных групп предприятий и т.д.

В целом программа разрабатывается по следующей схеме (рис. 2).

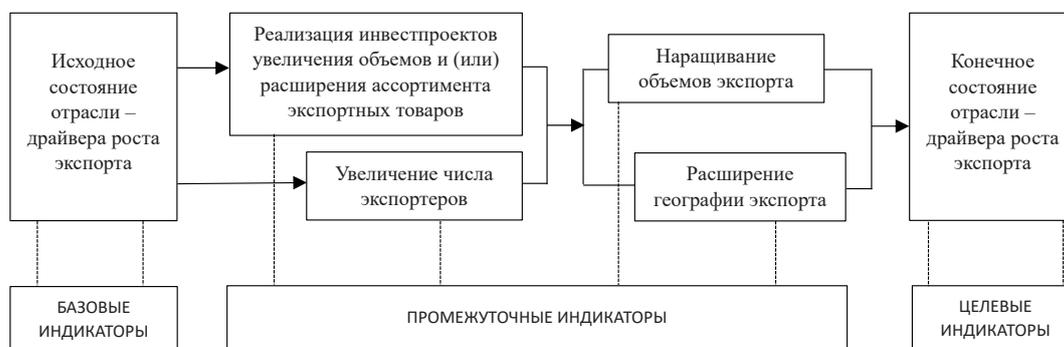

Рис. 2. Структурная схема разработки программы развития экспортной деятельности
Построено авторами

В качестве базовых и целевых индикаторов используются показатели, принятые в Региональной экспортной стратегии, в частности:

- объем несырьевого неэнергетического экспорта;
- количество экспортеров – субъектов МСП (несырьевой неэнергетический экспорт);

- объем несырьевого неэнергетического экспорта субъектов МСП.

Промежуточные индикаторы отражают динамику изменений по основным направлениям развития: ввод в строй экспортно-ориентированных производственных мощностей, а также выход их на проектную мощность, количество предприятий – экспортеров, количество предприятий – экспортеров

несырьевого неэнергетического экспорта, количество экспортеров - субъектов МСП, объем экспорта, объем несырьевого неэкономического экспорта, изменение числа собственных коммерческих представительств или числа заключенных договоров о сотрудничестве с другими представительствами, изменение количества стран - импортеров продукции и т.д.

Для каждого направления и для каждого этапа разрабатывается система мер поддержки с использованием существующих инструментов федерального и регионального уровня.

Далее целесообразно проанализировать по каждому этапу проблемы и риски, препятствующие достижению конечного состояния программы, и наметить меры противодействия.

В соответствии со схемой на рис. 2 комплекс мер поддержки и противодействия рискам выстраивается следующим образом:

1. «Реализация инвестпроектов увеличения объемов и (или) расширения ассортимента экспорта». Основными мерами поддержки в данном случае являются меры, предусмотренные планами по реализации Региональной экспортной стратегии и корреспондирующими государственными программами. Необходимо также подключение всех имеющихся возможностей, предусмотренных федеральным законом «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации», соответствующими федеральными проектами и федеральными государственными программами. В рамках данного этапа планируется не только поддержка реализуемых проектов, но и меры по стимулированию новых инвестиций в разработку и производство перспективных экспортных товаров.

Основной проблемой на данном этапе являются затруднения с обеспечением доступа к передовым зарубежным технологиям, которые необходимо решить в приоритетном порядке.

2. «Увеличение числа экспортеров». Этому должна способствовать популяризация экспортной деятельности среди предприятий области, проведение экспортного аудита и выявление компаний - потенциальных экспортеров, реализация программ подготовки кадров в сфере внешнеэкономической деятельности. Проблемой на этом направлении могут оказаться неэффективность агитационных мероприятий, финансово-экономические проблемы потенциа-

льных экспортеров. В связи с этим, решения по этому направлению должны носить комплексный характер.

3. «Наращивание объемов экспорта». Имеется в виду наращивание объемов экспорта по актуальной на период действия программы номенклатуре экспортных товаров и услуг. Риски: зависимость региона от колебаний спроса на внешних рынках, рост транспортных издержек и увеличение сроков доставки экспортных грузов.

4. «Расширение географии экспорта». Проблемными в данном случае являются недостаток информации о перспективности того или иного рынка, предполагаемых тенденциях изменения рыночной конъюнктуры, существующих средствах и инструментах поддержки выхода на тот или иной рынок, поиск альтернативных рынков сбыта, активизация бизнес-миссий, участие в выставочных мероприятиях. Здесь должен быть задействован весь инструментарий, предусмотренный целевыми федеральными проектами и государственными программами.

Действующее законодательство о стратегическом планировании и методические указания к нему не содержат обязательного требования оценки эффективности стратегии, что представляется существенной недоработкой. Такого рода процедура, осуществленная по всем основным направлениям реализации стратегии, позволила бы оценить действенность тех или иных механизмов реализации, избежать в последующей деятельности неэффективного расходования ресурсов, включая финансовые [7, 8].

Региональный экспортный стандарт не содержит какого-либо упоминания о необходимости оценки эффективности мер поддержки экспортной деятельности, хотя оценка эффективности является, на наш взгляд, важнейшим элементом стратегического планирования, и не только на этапе подведения итогов, но и на этапе собственно планирования. В региональном экспортном стандарте содержатся только рекомендации по определению эффективности внедрения самого стандарта, а также указания по наделению отдельных органов управления полномочиями по мониторингу и контролю реализации экспортной стратегии и региональной программы развития экспорта. Между тем национальный проект «Международная кооперация и экспорт», одним из инструментов которого является внедрение Экспортного стандарта, содержит среди показателей, наряду с объемами

экспорта по различным агрегированным секторам экономики, также и эффективность мер поддержки промышленного экспорта и экспорта продукции АПК⁸. Под эффективностью мер поддержки понимается отношение приращения объема экс-

порта, достигнутое за счет государственной поддержки к объему этой поддержки. Применительно к расчету эффективности мер поддержки в сфере промышленности Минпромторгом предложен следующий показатель⁹ (1):

$$K_{\text{пром}}(t) = \frac{V_{1.\text{экс}}(t) + V_{2.\text{экс}}(t) + \dots + V_{i.\text{экс}}(t)}{S_{1.\text{экс}}(t) + S_{2.\text{экс}}(t) + \dots + S_{i.\text{экс}}(t)}, \quad (1)$$

где:

$V_{1.\text{экс}}(t), V_{2.\text{экс}}(t), V_{i.\text{экс}}(t)$ - объем поддержанного экспорта в отчетном году с использованием финансовых инструментов государственной поддержки экспорта в промышленности, рублей;

$S_{1.\text{экс}}(t), S_{2.\text{экс}}(t), S_{i.\text{экс}}(t)$ - фактический объем средств субсидий, предоставленных в соответствующем году в целях реализации финансовых инструментов государственной поддержки экспорта в промышленности, рублей.

Показатель применяется для расчета годовой эффективности, но может быть использован и для ее исчисления за любой период времени, за который могут быть получены сведения об экспорте. Возможны также расчеты со сдвижкой во времени объемов экспорта по отношению к вложенным в развитие экспорта средствам для оценки отложенного эффекта.

Аналогичный показатель разработан и для случаев экспорта продукции АПК.

Формулу (1) можно применять при решении различных контрольных и аналитических задач. Детализация возможна по различным отраслям, направлениям экспорта, типам экспортеров и другим основаниям.

Характер и текущее состояние экспортной деятельности позволяют выделить следующие целевые группы объектов, управляющее воздействие на которые в рамках поддержки экспортной деятельности варьируется по методам, средствам и объемам воздействия. Данная классификация, как пред-

ставляется, необходима для детализации оценок, и, как следствие, повышения эффективности управления в сфере поддержки экспортной деятельности. Источниками информации для классификации являются данные региональной статистики, сведения таможенной службы, итоги экспортного аудита, аналитические материалы Российского экспортного центра и др.

В экономической системе региона возможно выделение следующих групп объектов:

1. Предприятия, уже работающие на экспорт. Для этой категории перспективными направлениями, в контексте стратегии поддержки экспортной деятельности, будут являться увеличение объемов экспорта по актуальным товарным группам, расширение товарного экспортного ассортимента, выход на новые рынки;

2. Предприятия, имеющие устоявшиеся позиции на внутреннем рынке, производящие товары или осуществляющие услуги, потенциально имеющие экспортные перспективы, но не принимающие участие в экспорте. Перспективными для данного сектора являются обучение экспортной деятельности, помощь в представлении фирмы и продвижении ее товаров или услуг;

3. Предприятия, имеющие устоявшиеся позиции на внутреннем рынке, но не производящие товаров или услуг, имеющих экспортные перспективы. Здесь необходима экспертная оценка о возможностях начала производства экспортных товаров,

⁸ Паспорт Национального проекта «Международная кооперация и экспорт» // Правительство России (government.ru)

⁹ Об утверждении Методики расчета показателя «Реальный рост экспорта несырьевых неэнергетических товаров не менее 70 процентов по сравнению с показателем 2020 года», рассчитываемого за отчетный период (месяц, год), показателей федерального проекта «Промышленный экспорт» и показателей федерального проекта «Системные меры развития международной кооперации и экспорта», входящих в состав национального проекта «Международная кооперация и экспорт»: приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 24 марта 2023 года №993 // MET_070001.pdf (rosstat.gov.ru)

сопутствующих или смежных с теми, производство которых осуществляется в настоящий момент, стимулирование начала их производства с последующим обучением и поддержкой выхода на внешние рынки;

4. Перспективные товарные группы, производство которых в регионе не организовано, но которые имеют экспортный потенциал.

Классифицировав подобным образом действующих и потенциальных экспортеров и оценивая эффективность мер поддержки по каждой из классификационных групп, можно более предметно судить об эффективности каждой из этих мер, оценивать состояние и перспективы развития каждого из выделенных направлений.

Заключение

Внедрение в практику стратегического планирования регионов обязательной разработки региональной экспортной стратегии представляется перспективной новацией. Однако, в отсутствие методической разработки основных положений, определяющих специализацию данной стратегии,

данный документ может сыграть роль лишь формального дублирования положений региональных стратегий социально-экономического развития.

Прежде всего, в рамках специального методического рекомендательного документа, необходимо прописать аналитическую составляющую разработки экспортной стратегии и принимаемых в соответствии с ней региональных программ. В частности, необходимы методические основы проведения экспортного аудита, проведение которого предусмотрено Региональным экспортным стандартом.

Кроме того, необходимо внедрение механизма оценки эффективности реализации стратегии как инструмента рационализации и объективизации мер региональной политики в сфере поддержки экспорта.

При разработке мер поддержки экспорта целесообразно разделить действующих и потенциальных экспортеров на группы относительно их готовности к расширению экспортной деятельности с последующей дифференциацией мер поддержки и оценки эффективности применительно к каждой из групп.

Литература:

1. Баскаков С.М., Суханова И.Ф., Наконечная О.А. Экспортный потенциал неэкспортного региона: взгляд из Новосибирской области // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2021. № 5. С. 25-37. DOI: 10.24412/2071-6435-2021-5-25-37.
2. Гиматдинов Р.Р. Поддержка экспорта на уровне регионов: опыт Республики Татарстан // Управленческое консультирование. 2021. № 6. С. 17-31. DOI 10.22394/1726-1139-2021-6-17-31
3. Ермакова Ж.А., Боброва В.В. Приоритеты развития внешнеэкономических связей Оренбургской области // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. № 7. С. 1250-1266. <https://doi.org/10.24891/re.16.7.1250>
4. Кнобель А., Лощенкова А. Оценка эффективности региональной системы поддержки экспорта // Экономическое развитие России. 2018. Т. 25. №11. С. 80-85.
5. Любимов И.Л., Гвоздева М.А., Казакова М.В., Нестерова К.В. Сложность экономики и возможность диверсификации экспорта в российских регионах // Журнал Новой экономической ассоциации. 2017. № 2(34). С. 94-122. DOI: 10.31737/2221-2264-2017-34-2-4.
6. Шуйский В.П. Совершенствование системы поддержки экспорта в России // Российский внешнеэкономический вестник. 2012. № 9. С. 35-48.
7. Шпакова Р.Н. Стратегии социально-экономического развития регионов: от оценки достижения целей – к оценке эффективности // Вестник Евразийской науки, 2019 № 2.
8. Шпакова Р.Н., Городецкий Д.И. Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации: мониторинг и контроль реализации // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 99. С. 131-143. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-99-131-143.
9. Bugai Yu., Minenko A., Khorunzhin M. State and problems of exporting the products of the agroindustrial complex in the Altai region // IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science. 395. 2019. 012105. DOI: 10.1088/1755-1315/395/1/012105.
10. Dalisova N.A., Karaseva M.V. State support for export of agro-industrial complex products of the Krasnoyarsk Territory // 2020 IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci. 548. 022093. DOI: 10.1088/1755-1315/548/2/022093.

11. Kahiya E.T. A problematization review of export assistance: Debates and future directions // International Business Review. 2024. 33. 102202. DOI: 10.1016/j.ibusrev.2023.102202.
12. Kushnarev N.G., Rogozhnik N.N., Tsybulnik L.V., Shamatin I.V., Pak A.Yu. Questions of Assessing the Level of State Support to Industry and Its Impact on Economic Indicators of Development in Regional Integration Associations // Studies on Russian Economic Development. 2022. Vol. 33. No. 3. P. 249-256. DOI: 10.1134/S107570072203008X.
13. Mukhametgaliev F., Sitdikova L., Mukhametgalieva F., Battalova A. Export potential of the regional grain sector // BIO Web of Conferences. 2020. 27. 00114. DOI: <https://doi.org/10.1051/bioconf/20202700114>.
14. Shelkovnikov S.A. State support for the exports of products of the grain-growing sector of a region // IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci. 2023. 1206(1). 012007. DOI: 10.1088/1755-1315/1206/1/012007.

REGIONAL EXPORT STRATEGIES AND PROGRAMS: DEVELOPMENT ALGORITHM (THE EXAMPLE OF THE TOMSK REGION)

Introduction. *The article analyzes the problems that arise in the development of regional export strategies and programs. The regional export strategy of the Tomsk region, a region with average export characteristics and, at the same time, which has recently encountered a complex of problems typical for a significant number of regions in export activities, has been selected as an object for analysis. The algorithm of strategy development is proposed. It is considered advisable to adopt a special methodological document containing optimal analytical procedures necessary for the development of export strategies and programs, as well as a mechanism for evaluating the effectiveness of their implementation.*

Materials and methods. *The research materials used the provisions of federal projects and regulations related to the support of export and investment activities, regional strategic planning documents of the Tomsk region, statistical data on export dynamics. The methodological basis of the study was the following general scientific methods: statistical, analysis, synthesis, method of interpretation of normative acts and others.*

The results of the study. *The study found that in the absence of methodological development of the main provisions defining the specialization of the regional export strategy, this document can only play the role of a formal duplication of the provisions of regional socio-economic development strategies.*

First of all, within the framework of a special methodological recommendation document, it is

necessary to prescribe the analytical component of the development of an export strategy and regional programs adopted in accordance with it. In particular, there is a need for methodological foundations for conducting an export audit, which is provided for by the Regional Export Standard.

Discussion and conclusion. *An algorithm of actions is proposed for the development of a regional export strategy and program, which allows structurally ordering a set of measures to support exports.*

In addition, when developing export support measures, it is advisable to divide existing and potential exporters into groups regarding their readiness to expand export activities, followed by differentiation of support measures and effectiveness assessment in relation to each of the groups.

Raisa N. Shpakova,
PhD (Geographical Sciences),
Associate Professor, Department of Local
Administration and National Politics,
MGIMO-University under the MFA
of Russia, Moscow,
Russia

Dmitriy I. Gorodetskiy,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Department of Local Administration
and National Politics, MGIMO-University
under the MFA of Russia, Moscow,
Russia

Ключевые слова:

экспорт, региональный экспорт,
региональная экспортная стратегия,
региональная экспортная программа,
Томская область.

Keywords:

export, non-primary non-energy export,
regional export, state export support, regional
export strategy, regional export program

References:

1. Baskakov S.M., Sukhanova I.F., Nakonechnaya O.A., 2021. E`ksportny`j potencial nee`ksportnogo regiona: vzglyad iz Novosibirskoj oblasti [Export Potential of the Non-Export Region: The View from the Novosibirsk Region]. *E`TAP: e`konomicheskaya teoriya, analiz, praktika [STAGE: Economic Theory, Analysis, Practice]* № 5. P. 25-37. DOI: 10.24412/2071-6435-2021-5-25-37.
2. Gimatdinov R.R., 2021. Podderzhka e`ksporta na urovne regionov: opy`t Respubliki Tatarstan [Export Support by Regions: Experience of the Republic of Tatarstan]. *Upravlencheskoe konsul`tirovanie [Management consulting]*. № 6. P. 17-31. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-6-17-31.
3. Ermakova Zh.A., Bobrova V.V., 2018. Prioritety` razvitiya vneshnee`konomicheskix svyazey Orenburgskoj oblasti [Priorities for Foreign Economic Relations Development of the Orenburg Oblast]. *Regional`naya e`konomika: teoriya i praktika [Regional economics: theory and practice]*. Vol. 16. № 7. P. 1250-1266. DOI: <https://doi.org/10.24891/re.16.7.1250>.
4. Knobel A., Loshchenkova A., 2018. Ocenka e`ffektivnosti regional`noj sistemy` podderzhki e`ksporta [Evaluation of Effectiveness of the Regional Export Support System]. *E`konomicheskoe razvitie Rossii [Economic development of Russia]*. Vol. 25. № 11. P. 80-85.
5. Lyubimov I.L., Gvozdeva M.A., Kazakova M.V., Nesterova K.V., 2017. Slozhnost` e`konomiki i vozmozhnost` diversifikacii e`ksporta v rossijskix regionax [Economic Complexity of Russian regions and their Potential to Diversify]. *Zhurnal Novoj e`konomicheskoy associacii [Journal of the New Economic Association]*. № 2(34). P. 94-122. DOI: 10.31737/2221-2264-2017-34-2-4.
6. Shuyskiy V.P., 2012. Sovershenstvovanie sistemy` podderzhki e`ksporta v Rossii [Improving the Export Support System in Russia]. *Rossijskij vneshnee`konomicheskij vestnik [Russian Foreign Economic Bulletin]*. № 9. P. 35-48.
7. Shpakova R.N., 2019. Strategii social'no-ehkonomicheskogo razvitiya regionov: ot ocenki dostizheniya celej – k ocenke ehffektivnosti [Strategies of Socio-Economic Development of Regions: from Assessment of Goals to Assessment of Effectiveness]. *Vestnik Evrazijskoj nauki [Bulletin of Eurasian Science]*. № 2.
8. Shpakova R.N., Gorodetsky D.I., 2023. Strategii social'no-ehkonomicheskogo razvitiya regionov Rossijskoj Federacii: monitoring i kontrol' realizacii [Socio-Economic Development Strategies of the Russian Federation Regions: Implementation Monitoring and Control]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Ehlektronnyj vestnik. [Public administration. Electronic bulletin]*. № 99. S. 131-143. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-99-131-143.
9. Bugai Yu., Minenko A. and Khorunzhin M., 2019. State and problems of exporting the products of the agroindustrial complex in the Altai region. *IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science*. 395. 012105. DOI: 10.1088/1755-1315/395/1/012105.
10. Dalisova N.A. and Karaseva M.V., 2020. State support for export of agro-industrial complex products of the Krasnoyarsk Territory. *IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci*. 548. 022093. DOI: 10.1088/1755-1315/548/2/022093.
11. Kahiya E.T. A problematization review of export assistance: Debates and future directions. 2024. *International Business Review*. 33. 102202. DOI: 10.1016/j.ibusrev.2023.102202.
12. Kushnarev N.G., Rogozhnik N.N., Tsybulnik L.V., Shamatrin I.V. and Pak A.Yu., 2022. Questions of Assessing the Level of State Support to Industry and Its Impact on Economic Indicators of Development in Regional Integration Associations. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 33. No. 3. P. 249-256. DOI: 10.1134/S107570072203008X.
13. Mukhametgaliev F., Sitdikova L., Mukhametgalieva F., Battalova A., 2020. Export potential of the regional grain sector. *BIO Web of Conferences*. 27. 00114. DOI: <https://doi.org/10.1051/bioconf/20202700114>.
14. Shelkovnikov S.A., 2023. State support for the exports of products of the grain-growing sector of a region. *IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci*. 1206(1). 012007. DOI: 10.1088/1755-1315/1206/1/012007.

О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗРАБОТКИ КРИТЕРИЕВ ДЛЯ СТАРТАПОВ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Мария Иванова*

Денис Жучков**

DOI 10.24833/2073-8420-2024-2-71-129-139

Введение. В исследовании рассматривается роль государственного управления в развитии инноваций в области здравоохранения как перспективного направления не только социальной сферы, но и всей экономики страны. Фокус работы направлен на анализ одного из способов, повышающих эффективность такого инструмента государственной инновационной политики, как управление развитием стартапов. Для системного оказания адресной поддержки данным субъектам необходимы изучение и анализ критериев стартапов. Их законодательное закрепление позволит повысить степень соответствия реализуемых государством мер поддержки запросам данных организаций и оптимизировать расходование бюджетных средств.

Материалы и методы. Для раскрытия теоретических основ исследования были использованы работы зарубежных авторов: С. Кнак, Ф. Кифэр, М. Олсон, П.Э Самуэльсон, Р. Лэйард, К. Катакорни, Ж-П. Лааманен, Д. Аномали, Л.М. Шен, Г. Гудгин, Е. Фримен, Д.М. Кларк и Д. Коммонс, и отечественных ученых: Е.В. Аристов, Д.О. Тарабара, И.В. Раева, К.А. Соловейчик. Их методологическая база была подкреплена данными из статистических документов и стратегий ВОЗ, МВФ, ОЭСР, ЕЦБ, Инвестиционного фонда по поддержке глобального здравоохранения (GHIF).

Исследование опирается на подходы экономической школы институционалистов, выделяющих в государственном управлении особую роль среды и институтов, которые имеют на нее непосредственное влияние, а также базируется на исследованиях вопросов предоставления общественных благ. В работе были применены следующие общенаучные методы: анализ, синтез, системный и функциональный подходы.

* **Иванова Мария Игоревна**, кандидат политических наук, старший преподаватель, заместитель заведующего кафедрой государственного управления МГИМО МИД России
e-mail: m.i.ivanova@inno.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0002-8586-4160

** **Жучков Денис Игоревич**, выпускник бакалавриата факультета управления и политики МГИМО МИД России
e-mail: d.zhu4kov@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0003-5550-9488

Результаты исследования. В результате проведенного исследования был проанализирован генезис формирования потребности в законодательном закреплении понятия стартапа и его критериев. Принятие соответствующих нормативно-правовых актов в России сформировало условия для создания единого реестра малых технологических компаний и бесшовной реализации адресных мер по поддержке инновационной деятельности.

Обсуждение и заключение. Дальнейшее развитие с целью реализации инновационного потенциала сферы здравоохранения представляется возможным за счет уточнения существующего законодательства. Предложения по вынесению медицинских технологических компаний в отдельную категорию могут лечь в основу потенциальных мер их поддержки. Это позволит системно разрабатывать адресные меры, соответствующие лучшей специфике их запросов.

Введение

Развитие системы здравоохранения является основным средством достижения одной из провозглашенных ООН целей устойчивого развития, непосредственно связанной с достойным уровнем здоровья населения всего мира¹. Здравоохранение, с точки зрения государства и общества – система, включающая в себя совокупность мер, направленных на сохранение и улучшение общественного здоровья, повышение продолжительности жизни, снижение смертности. Оно представляет из себя комплексную область, занимающую приоритетное место в социально-экономической политике страны. Согласно работам ученых, изучающих вопросы предоставления общественных благ: П.Э. Самуэльсон, Р. Лэйард, Е.В. Аристотель – ключевую роль в оказании услуг в области здравоохранения традиционно играет именно государство. Так, доля частного сектора в финансировании сферы здравоохранения в рекордный пандемийный 2020 г. во всем мире составила лишь 36%². В отечественной научной доктрине ответственность государства за предоставление населению общественных благ, к которым в частности

относится сфера здравоохранения, обосновывается тем, что государство получает доход от населения в виде налоговых платежей, а поэтому обязано удовлетворять их потребности, улучшая тем самым благополучие своих граждан [2. С. 152].

Исследование

Кризис, вызванный пандемией COVID-19, подчеркнул значимость социальной сферы. От эффективности принимаемых в рамках системы национального здравоохранения решений, ее гибкости и адаптивности в период пандемии зависели другие сферы общественной жизни. В текущих условиях область здравоохранения воспринимается как основополагающая для обеспечения устойчивого экономического роста во всем мире. Об этом свидетельствует ежегодное увеличение объема инвестиций в сферу здравоохранения: если в период с 2000 - 2016 г. совокупный среднегодовой темп роста размера мирового рынка здравоохранения составлял 6%³, то благодаря стимулу, который получила сфера здравоохранения в период пандемии, этот показатель в 2022 - 2027 г. повысится до 10,77%⁴. Достижение таких результатов

¹ Ensure healthy lives and promote well-being for all at all ages// United Nations. Department of Economic and Social Affairs Sustainable Development [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sdgs.un.org/goals/goal3> (дата обращения: 14.02.2024)

² Global spending on health Rising to the pandemic's challenges// World Health Organization [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/365133/9789240064911-eng.pdf> (дата обращения: 14.02.2024)

³ West D.M., Villasenor J., Schneider J. Private Sector Investment in Global Health R&D: Spending Levels, Barriers, and Opportunities// Center for Technology Innovation at Brookings. The Brookings Private Sector Global Health R&D Project. No. 2, 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/09/private-sector-investment-in-global-health-rd_final.pdf (дата обращения: 14.02.2024)

⁴ Healthcare Sector ICT Market Size and Forecast (by Country, IT Solution Area and Vertical) to 2027// Global Data [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.globaldata.com/store/report/healthcare-sector-ict-market-analysis/> (дата обращения: 14.02.2024)

обеспечивается развитием рынка медтех (MedTech), характеризующегося использованием передовых технологий в сфере здравоохранения с целью повышения качества, доступности, безопасности и разноплановости медицинских услуг [9. С. 203]. Высокие темпы роста MedTech в значительной степени объясняются междисциплинарностью развиваемых медицинских технологий – их положением на стыке нескольких наук [7. С. 50]. Например, благодаря совмещению сферы медицины и информационных технологий индийскому стартапу, специализирующемуся на разработке технологии интернета вещей, «Dozee»⁵ удалось создать устройство, собирающее данные о здоровье пациента во время сна. С помощью использования умных датчиков и алгоритмов машинного обучения, устройство автоматически анализирует собираемые данные и позволяет медицинским работникам осуществлять удаленный мониторинг состояния здоровья пациентов. Такая технология сокращает расходы клиник, повышая эффективность отслеживания динамики здоровья пациента во время лечения. Российский MedTech

также характеризуется междисциплинарностью: например, стартап экосистемы Сбер «Sber Med AI» занимается разработкой искусственного интеллекта для сферы здравоохранения⁶. Благодаря тому, что решения, разрабатываемые Sber Med AI, находятся на пересечении нескольких научных областей: информационные технологии, медицина, биоинформатика, команде стартапа удалось создать центр дистанционных описаний. Используя передовые алгоритмы машинного обучения, технология Sber Med AI может автоматически анализировать и интерпретировать результаты медицинских исследований, определять три наиболее вероятных диагноза на основе жалоб пациента. Такое решение позволяет повысить доступность расшифровки результатов медицинских исследований, ускорить процесс диагностики заболеваний и соответственно быстрее начать лечение.

Ключевой тренд в рамках развития глобального рынка MedTech – инвестиции в цифровизацию сферы здравоохранения [11. С. 12], в частности в инновационные технологии, представленные в таблице № 1.

Таблица №1 – Наиболее перспективные медицинские технологии по темпам роста размера рынка

Название инновационной медицинской технологии	Среднегодовой темп роста размера рынка	Период	Размер рынка – год прогнозного значения
Телемедицина ⁷	18,3%	2023 - 2032 гг.	\$451 млрд – 2032 г.
Предиктивная аналитика ⁸	12,7%	2023 - 2032 гг.	\$55,6 млрд – 2032 г.
Искусственный интеллект ⁹	37%	2022 - 2030 гг.	\$188 млрд – 2030 г.
Умные носимые датчики и медицинские устройства ¹⁰	13,4%	2022 - 2030 гг.	\$468 млрд – 2030 г.

⁵ The Dozee Story// Dozee [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.dozee.health> (дата обращения: 07.04.2024)

⁶ О нас// Sber Med AI [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sbermed.ai/careers/for-doctors> (дата обращения: 07.04.2024)

⁷ Telemedicine Market By Component (Software, Hardware, Services), By Application (Teleradiology, Telepsychiatry, Telepathology, Teledermatology, Telecardiology, Other Applications), By End User (Healthcare Provider, Payer, Healthcare Consumers): Global Opportunity Analysis and Industry Forecast, 2023-2032// Allied Market Research [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.alliedmarketresearch.com/telemedicine-market#:~:text=Telemedicine%20Market%20Research%2C%202032,18.3%25%20from%202023%20to%202032> (дата обращения: 14.02.2024)

⁸ Healthcare Analytics Market - By Product (Descriptive Analytics, Predictive Analytics, Prescriptive Analytics), Application (Operation Management, Financial, Population Health, Clinical), End-use (Hospital, Clinics), Global Forecast, 2023-2032// Global Market Insights [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gminsights.com/industry-analysis/healthcare-analytics-market#:~:text=Healthcare%20Analytics%20Market%20size%20accounted,USD%2055.6%20billion%20by%202032> (дата обращения: 14.02.2024)

⁹ Artificial intelligence (AI) in healthcare market size worldwide from 2021 to 2030 // Statista [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/1334826/ai-in-healthcare-market-size-worldwide/> (дата обращения: 13.04.2024)

¹⁰ Smart Healthcare Market Size, Share & Trends Analysis Report By Product (RFID Kanban Systems, RFID Smart Cabinets, Electronic Health Records (EHR), Telemedicine, mHealth, Smart Pills, Smart Syringes), By End User (Hospitals, Homecare Settings, Others) and By Region(North America, Europe, APAC, Middle East and Africa, LATAM) Forecasts, 2022-2030// Straits Research [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://straitresearch.com/report/smart-healthcare-market> (дата обращения: 14.02.2024)

Название инновационной медицинской технологии	Среднегодовой темп роста размера рынка	Период	Размер рынка – год прогнозного значения
Мобильные приложения для здоровья ¹¹	40,2%	2022 - 2030 гг.	\$861 млрд – 2030 г.
Медицинское страхование ¹²	25,7%	2022 - 2030 гг.	\$136 млрд – 2028 г.
Интернет вещей ¹³	21,2%	2024 - 2030 гг.	\$322,2 млрд – 2025 г. ¹⁴

Возрастание роли инноваций как фактора, влияющего на реализацию потенциала определенной ниши, характерно не только для сферы здравоохранения. Многие национальные экономики инвестируют существенные средства в процесс создания инноваций, так как в текущих обстоятельствах это является императивом для обеспечения глобальной конкурентоспособности и технологического суверенитета страны [3. С. 747]. Важнейшую роль в развитии и становлении инноваций играют условия, в которых они формируются [1. С. 276]. Такая особенность инновационного развития в значительной степени коррелирует со взглядами экономической школы институционализма, идеи которой в своих трудах развивали: Т. Веблен, У.К. Митчелл, Д.М. Кларк, Д. Коммонс и Д. Норт. Согласно парадигме этих ученых, наиболее значимое влияние на экономику оказывает уровень развитости общественных институтов. Институты в данном случае рассматриваются, согласно сформулированному Д. Нортом понятию: «устанавливаемые человеком ограничения, которые структурируют политическое, экономическое и социальное взаимодействие» [14. С. 97]. Законы, обычаи, традиции – все это примеры институтов. В данном контексте одной из задач государства является создание эффективного законодательства, которое бы стимулировало инновационный процесс и формировало основу для устойчивого экономического роста. Это является одной из причин, почему происходит коррекция парадигмы государственного управления в части реализации социальной политики. В научной дискуссии данный процесс определяют, как переход к инновационно-ориентированному государственному управле-

нию [15. С. 193]. Этот подход подразумевает фокус на активном внедрении инновационных технологий и методик в процессы государственного управления в сфере предоставления общественных благ, прежде всего в области здравоохранения, а также форсирование создания условий для устойчивого развития и повышения качества жизни граждан с помощью передовых инструментов [4. С. 3496]. В этом контексте государство, в зависимости от своего подхода, выступает не только как регулятор пробелов институциональной среды, в рамках которой функционируют рыночные механизмы, и арбитр, осуществляющий надзор за игроками рынка, но и как активный участник и катализатор инновационных процессов, актор, непосредственно формирующий инфраструктуру, необходимую для развития инновационного предпринимательства. Такой сдвиг парадигмы требует новых подходов к планированию, реализации и оценке эффективности проектов в сфере предоставления общественных благ, в частности в области здравоохранения.

Для того чтобы проводить эффективную инновационную политику, направленную на развитие сферы здравоохранения и подразумевающую оптимальное расходование бюджетных средств, государству необходимо установить акторов, непосредственно вовлеченных в процесс создания инноваций. В данном контексте особого внимания заслуживают медицинские стартапы, представляющие собой один из локомотивов инновационного развития. Стартапы в сфере здравоохранения можно охарактеризовать как организации, деятельность которых направлена на разработку качественно новых технологий, процессов, подходов в области

¹¹ mHealth Apps Market Size, Share & COVID-19 Impact Analysis, and Regional Forecast, 2023-2030 // Fortune Business Insights [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fortunebusinessinsights.com/mhealth-apps-market-102020> (дата обращения: 14.02.2024)

¹² Health Insurance Market Size [2023-2030]. Top Companies, Trends and Growth Analysis// Intellect Insights Journal, 2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.linkedin.com/pulse/health-insurance-market-size-2023-2030-top> (дата обращения: 14.02.2024)

¹³ Internet Of Things In Healthcare Market Size, Share & Trends Analysis Report By Component (Medical Devices, System & Software, Services), By Connectivity Technology, By Application, By End-use, By Region, And Segment Forecasts, 2024 - 2030 // Grand View Research [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.grandviewresearch.com/industry-analysis/internet-of-things-iot-healthcare-market> (дата обращения: 14.02.2024)

¹⁴ Мобильный диагноз: интернет вещей в российской медицине// РБК [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5df75c5b9a794778f16458a7?from=copy> (дата обращения: 14.02.2024)

медицины, представляющих из себя решение насущных проблем или оптимизацию использования ресурсов [16. С. 3]. В силу того, что задачей стартапа является тестирование передовой бизнес-идеи, а не зарабатывание денег отработанным способом, данные организации, как правило, сталкиваются с высокой потребностью в финансовых ресурсах. В этой связи видится необходимым закрепление в законодательстве определения медицинского стартапа, как отдельной категории, для того чтобы у государства была возможность системно оказывать адресную поддержку этим акторам инновационного развития. Такая мера подразумевает установления четких критериев отнесения тех или иных организаций к субъектам – получателям государственной поддержки в рамках реализации инновационной политики в сфере здравоохранения.

В российском законодательстве определение медицинского стартапа отсутствует. До недавнего времени деятельность стартапов в России регулировалась с применением общих источников корпоративного права. Главными нормативно-правовыми актами, регулирующими эту сферы являлись: федеральный закон № 127 «О науке и государственной научной политике» от 1996 г., закрепляющий понятие «инновационного проекта», и федеральный закон № 209 «О развитии малого и среднего предпринимательства (МСП) в Российской Федерации» от 2007 г., в котором определялись условия для отнесения той или иной организации к субъектам МСП. Из-за отсутствия четких критериев государство не могло системно оказывать стартапам адресную помощь. Вместе с тем инновационная поддержка этим экономическим субъектам все-таки предоставлялась – через программы отдельных институтов развития, например: Фонда «Сколково», РВК, ВЭБ.РФ, Фонда содействия инновациями. Так, за 2023 г. государственной поддержкой воспользовалось 5 тыс. представителей инновационного бизнеса: 60 предприятий получили гранты на сумму более 9 млрд руб, 200 компаниям было выделено свыше 34 млрд руб в виде льготных кредитов¹⁵.

Несмотря на то, что такой подход принес результаты, он не позволял государству осуществлять системный сбор информа-

ции об оказанной поддержке инновационной деятельности, что усложняло процесс оценки эффективности используемых инструментов. Кроме того, в силу специфики и автономности функционирования каждого из институтов развития формирование единой базы мер по поддержке инноваций в рамках такого подхода было неосуществимо. Это создавало определенные трудности для стартапов, которые были вынуждены самостоятельно заниматься поиском мер государственной поддержки и подготовкой документов для возможности их получения.

С целью повышения эффективности государственной поддержки инновационной деятельности перед Правительством Российской Федерации встала задача по выработке определений и критериев организаций, нуждающихся в приоритетной помощи. Кроме того, стало необходимым создание на основе установленных критериев платформы, предоставляющей данным организациям упрощенный доступ к системным мерам адресной поддержки их инновационной деятельности, и аккумулирующей информацию об эффективности выделенных на такую поддержку средств. Данный запрос нашел свое отражение в принятии в августе 2023 г. федерального закона № 478 «О развитии технологических компаний в Российской Федерации». В нем впервые закрепляются понятия технологической компании и малой технологической компании (далее – МТК). Так, согласно закреплённой в ФЗ-№ 478 формулировке, технологическая компания – это «российская коммерческая организация, осуществляющая деятельность по разработке и (или) производству продукции (оказанию услуг, выполнению работ) с использованием инновационных технологий». На основе данного определения можно выделить 2 признака технологических компаний: российское резидентство (это сделано для того, чтобы не допустить зарубежные компании к получению бюджетного финансирования), а также применение инновационных технологий (признак, выделенный для того, чтобы государство в рамках инновационной политики могло оказывать технологическим компаниям адресную помощь, понимая специфику деятельности данных организаций). Согласно ст. 2 ФЗ-№ 478, МТК – это компания,

¹⁵ Михаил Мишустин провёл стратегическую сессию о реализации инициатив социально-экономического развития: технологический рывок// Правительство России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/news/50864/> (дата обращения: 07.04.2024)

соответствующая определенным условиям по виду ее деятельности (например, в области здравоохранения)¹⁶ и объему годовой выручки. В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации №1847 от 2023 г. МТК по объему выручки подразделяются на:

- стартапы с минимальным показателем выручки (до 1 млн руб);
- стартапы (от 1 млн до 300 млн руб);
- ранние компании (от 300 млн до 2 млрд руб);
- зрелые компании (от 2 млрд до 4 млрд руб).

Такая дифференциация коррелирует со стадиями развития стартапов и сделана для того, чтобы у государства была возможность оказывать адресную поддержку МТК, в соответствии с их запросами, характерными для той стадии развития, на которой они находятся. Если сравнивать определения МТК и технологических компаний, то можно сделать вывод, что МТК – это активно растущая организация, развивающая инновационные технологии, в то время, как технологическая компания – устойчивый бизнес с выручкой более 4 млрд руб в год, применяющий в своей деятельности инновационные технологии. С этой точки зрения, определение МТК больше коррелирует с доктринальным пониманием стартапа.

Согласно видению многих зарубежных (Д. Кибл, Г. Гудгин, Е. Фримен, Д. Рид, Н. Картер, Й. Чо, Г. Маклин, Е. Рис, М. Крежци, П. Паолони) и отечественных (Д.О. Тарабара, И.В. Раева, П.А. Сатаев и К.А. Соловейчик) ученых, специализирующихся на анализе этого феномена, стартап обладает следующими признаками:

1) Инновационность, рассматриваемая в научной доктрине в качестве ключевого детерминанта стартапа;

2) Потенциал быстрого экономического развития;

3) Высокая степень риска;

4) Короткий срок, в течение которого стартап осуществляет свою деятельность (считается с момента регистрации юридического лица) [10. С. 5];

5) Высокие затраты на развитие инновационного продукта [13. С. 409].

Несмотря на то, что рассмотренные формулировки ФЗ №478 непосредственно соответствуют лишь одному из доктринально выделяемых признаков стартапа, определения технологической компании и МТК видятся исчерпывающими. Не затронутая в рассмотренных понятиях ФЗ №478 высокая степень риска деятельности стартапов учитывается в вышеупомянутом определении «инновационного проекта», закрепленном ст. 2 федерального закона №127 «О науке и государственной научной политике» от 1996 г. Фактор времени и высокие затраты на развитие стартапа, отраженные в доктрине, но проигнорированные в законодательстве, фактически не имеют никакого правового значения [6. С. 301]. Потенциал быстрого экономического развития, в свою очередь, отражен в документарных требованиях, которые организация-претендент на включение в реестр МТК должна предоставить в соответствующие центры экспертизы¹⁷.

Действительно, ФЗ №478 предусматривает создание реестра МТК, что буквально закладывает основу для реализации в России «реестровой» модели предоставления государственной поддержки организациям, развивающим инновации¹⁸. Оператором реестра становится Минэкономразвития России. В реестр включаются компании, прошедшие независимую оценку центров экспертизы МТК из соответствующего перечня¹⁹, а также организации, уже получавшие

¹⁶ Постановление Правительства России от 02.11.2023 г. №1847 «Об отнесении технологических компаний к малым технологическим компаниям и о прекращении статуса малых технологических компаний, формировании и ведении реестра малых технологических компаний и об информационном взаимодействии» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_461514/8b1b809c7873d23145ec004adc9ecbbe33ebd5b6/#dst100356 (дата обращения: 07.04.2024).

¹⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 02.11.2023 №1847 « Об отнесении технологических компаний к малым технологическим компаниям и о прекращении статуса малых технологических компаний, формировании и ведении реестра малых технологических компаний и об информационном взаимодействии» // Собрание законодательства РФ. – 09.11.2023. - №6 (часть IV).

¹⁸ Реестр малых технологических компаний // Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d01/razvitie_tehnologicheskogo_predprinimatelstva/reestr_malyh_tehnologicheskikh_kompaniy/ (дата обращения: 07.04.2024)

¹⁹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31.10.2023 №3051-р «Перечень центров экспертизы малых технологических компаний» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311010039?index=2> (дата обращения: 07.04.2024).

не ранее 3 лет назад государственную поддержку инновационной деятельности. Компании, включенные в реестр, могут воспользоваться мерами поддержки без дополнительного сбора документов и подтверждений. Таким образом реализуется принцип бесшовной интеграции мер поддержки инновационного предпринимательства²⁰. Согласно ч. 2 ст. 5 ФЗ №478, реестр МТК создается в составе государственной информационной системы «Экономика». С точки зрения государственного управления, такой шаг является передовым, так как позволяет на основе собираемых и анализируемых системой данных о технологических предпринимателях, получивших государственную поддержку, оценивать эффективность государственной политики в сфере инновационного развития. На основе данных из реестра предусматривается создание витрины стартапов, представляющей из себя платформенное решение, упрощающее взаимодействие между МТК и инвесторами²¹.

В ч. 2 ст. 4 ФЗ №478 закрепляются следующие формы государственной поддержки технологических компаний: предоставление налоговых и таможенных льгот; информационной, консультационной и финансовой помощи; поддержки экспорта; формирование спроса на инновационную и высокотехнологическую продукцию поддерживаемых компаний. Закон также предусматривает иные формы поддержки, в том числе установленные законодательством субъектов Российской Федерации. На данный момент в перечень мер поддержки МТК включена лишь программа льготного кредитования (под 3% годовых) «Взлёт – от стартапа до IPO», объем финансирования которой увеличился в 2024 г. до 1 млрд руб.²² Для получения кредита МТК достаточно подать соответствующую заявку на цифровой платформе Корпорации МСП и выполнить следующее требование: темп роста выручки за 2 предыдущих года должен составлять

не менее 10%²³. Остальные меры поддержки МТК, по всей видимости, находятся на данный момент в процессе разработки Комиссией по научно-технологическому развитию Российской Федерации и профильными государственными органами.

Проанализировав нововведения, принятые в области поддержки инновационной деятельности, удалось убедиться, что Правительство Российской Федерации находится на верном пути. Предпринимаются правильные шаги, направленные на достижение целевых показателей развития высокотехнологического сектора России – закрепление в законодательстве определений технологических компаний и МТК, а также их критериев, создание реестра МТК: все это делает возможным оказание системной адресной поддержки инновационной деятельности. Если говорить про нефинансовые формы инновационной поддержки, предусмотренные ч. 2 ст. 4 ФЗ №478, то запрос на них может различаться в зависимости от сферы: например, для медицинских стартапов создание ускоренной процедуры прохождения лабораторных испытаний является существенной помощью для вывода их продукта на рынок. В то же время такая мера поддержки для стартапов, например, в сфере образования является неприменимой. С этой точки зрения, действующая на данный момент классификация технологических компаний не является оптимальной для развития медицинских стартапов в России. В связи с этим представляется необходимым дальнейшее разделение технологических компаний и МТК на категории. Важно, что значительный задел в данной сфере уже сделан: п. 4 ч. 1 ст. 2 ФЗ №478 закрепляет понятие категории технологической компании, как «совокупности технологических компаний, соответствующих общим для них условиям и признакам». При этом право установления данных условий и признаков сохраняет за собой Правительство Российской Федерации.

²⁰ Единый реестр конечных получателей средств государственной поддержки инновационной деятельности// Tadviser [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/Продукт:Единый_реестр_конечных_получателей_средств_государственной_поддержки_инновационной_деятельности (дата обращения: 07.04.2024).

²¹ Поиск стартапа для инвестиций// Взлёт от стартапа до IPO [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vzlet.economy.gov.ru/investors> (дата обращения: 13.04.2024).

²² Андрей Белоусов: Малые технологические компании могут получить до 1 млрд рублей по программе льготного кредитования// Правительство России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/news/51087/> (дата обращения: 07.04.2024)

²³ Меры поддержки бизнеса// МСП.РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mcp.rf/services/support/filter/> (дата обращения: 07.04.2024)

Видится рациональным признать закрепленные в указе Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» приоритетные направления научно-технологического развития в качестве самостоятельных категорий технологических компаний, так как, согласно п. 4 «в» данного указа, научно-технологические приоритеты должны быть обеспечены всевозможными ресурсами в первоочередном порядке. Более того, в п. 21 «б» указа № 145 сфера здравоохранения выделяется в качестве одного из приоритетов научно-технологического развития на ближайшее десятилетие.

Выделив категории технологических компаний по предложенному принципу, Правительство сможет системно разрабатывать адресные меры, удовлетворяющие запросы технологических компаний в соответствии со спецификой сферы осуществления их деятельности. Это также позволит собирать аналитические данные по мерам поддержки конкретных направлений научно-технологического развития и выстраивать на их основе оптимальную политику, направленную на достижение целевых показателей в области высоких технологий. Такое решение станет более удобным и для самих МТК, которые в личном кабинете цифровой платформы смогут видеть исключительно те меры инновационной поддержки, которыми они непосредственно могут воспользоваться.

Заключение

Основываясь на представленных в данном исследовании данных, можно рассматривать здравоохранение в качестве перспективной отрасли экономики в целом, социальной сферы, в частности. Ее потенциал возможно реализовать в значительной степени за счет инновационных технологий, развитием которых преимущественно занимаются стартапы. В этой сфере государство должно принимать непосредственное участие, так как активная деятельность стартапов может оказывать положительный эффект на рост объемов производства и конкуренции, сокращение регионального неравенства [8. С. 447]. Кроме того, данные, отражающие стабильный рост размеров международного рынка здравоохранения, рассмотренные в рамках исследования, означают приток новых инвестиций в ту национальную экономику, которая имеет наиболее привлекательные для ин-

весторов условия. Такой приток инвестиций имеет эффект мультипликатора [12. С. 126], выражающийся в создании рабочих мест и, как следствие, увеличении свободной денежной массы, находящейся у населения; улучшении здоровья граждан и последующем росте их производительности и, следовательно, интенсификации экономической активности, а также снижении государственных расходов на сферу здравоохранения и развитии других сфер за счет высвободившихся ресурсов; сдерживании уровня инфляции (за счет скупки иностранными инвесторами национальной валюты для осуществления своей инвестиционной деятельности); достижении технологического суверенитета в области здравоохранения, что, в свою очередь, ведет как к повышению уровня национальной безопасности страны, так и к притоку еще большего количества инвестиций, в том числе от проектов, которым необходима экспертиза в данной области.

Достижение всех этих результатов действительно представляется возможным в случае грамотной государственной политики в данной сфере. Россия стала одной из первых стран в мире, которая закрепила в своем законодательстве сущностные определения технологических компаний и МТК. Установив четкие и прозрачные критерии МТК, стало возможным применение универсальных стимулирующих мер (таких как предоставление налоговых и таможенных льгот, прямых бюджетных субсидий, создание новых каналов привлечения финансирования, например, посредством ICO) [5. С. 138]. Создание реестра МТК позволяет осуществлять контроль за тем, как используются бюджетные средства, выделяемые на поддержку инновационной деятельности, и оценивать эффективность их использования.

Развитие данной инициативы видится через дальнейшую дифференциацию технологических компаний на основе критериев, отражающих сферу их деятельности. Реализация данного предложения может выглядеть в качестве принятия подзаконного нормативного правового акта Правительства Российской Федерации, закрепляющего категории технологических компаний по сферам деятельности и соответствующие критерии. Правовая база данного предложения закреплена в п. 4 ч. 1 ст. 2 ФЗ №478. Благодаря такому решению удастся сгруппировать доступные меры поддержки не только по объему выручки технологических компаний, но и по направлениям их деятельности. Это позволит оказывать адресную помощь

медицинским стартапам и оценивать ее эффективность. На основе анализируемой информации Правительство сможет принимать взвешенные решения относительно направлений и темпов развития сферы инновационного здравоохранения. Среди потенциальных мер, направленных на поддержку технологических компаний категории здравоохранения: разработка стандартов и лицензий для обеспечения безопасности применения результатов инновационной деятельности стартапов; предоставление механизмов легального доступа к источникам сбора и хранения обезличенных персональных данных.

Разработкой данных мер должны заниматься Минздрав России совместно с Минэкономразвития России при координации со стороны Комиссии по научно-технологическому развитию Российской Федерации. При этом представляется рациональной тесная кооперация государственных органов с самими представителями медицинских технологических компаний, например, через институт общественного совета. Такой подход позволит принимать эффективные меры, отвечающие на реальные проблемы и вызовы в сфере здравоохранения.

Литература:

1. Антюхова Е.А., Талагаева Д.А. Инновационная политика в деятельности ОЭСР: историческая реконструкция на неограмшианских основаниях // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 10. С. 265-287.
2. Аристов Е.В. Общественные блага: концепция и конституционно-правовая характеристика // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 2(32).
3. Завьялова Е.Б., Шумская Е.И. Путь «наверстывания» и путь инновационного развития: каков будет выбор России? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 4. С. 743–752.
4. Иванова М.И., Рекомендательные системы в государственном управлении: международный опыт // Креативная экономика. 2021. Т. 15. № 9. С. 3491-3504.
5. Павлюк А.В., Жучков Д.И., Батюхнова Е.А. Роль правового регулирования ICO в развитии малых технологических компаний в рамках инновационной экономики (сравнительно-правовой анализ России и Сингапура) // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19. № 6. С. 138-144.
6. Тарабара Д.О. Проблемы правового регулирования стартапов в Российской Федерации в контексте актуальных мероприятий образовательной политики // International & Domestic Law: Материалы XVI Ежегодной международной конференции по национальному и международному праву. 2022. С. 301–304.
7. Шумская Е.И., Жучков Д.И., Иванов С.Ю. О вопросах финансирования научных исследований в Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 49-53.
8. Audretsch D.B., Acs Z.J. New-firm startups, technology, and macroeconomic fluctuations // Small Business Economics. 1994. Vol. 6. № 6. P. 439–449.
9. Bosque Ortiz G., Hsiang W. Medical Technology // Yale J Biol Med. 2018. Vol. 91. № 3. P. 203-205.
10. Ehsan Zaeem-Al Defining a Startup - A Critical Analysis // SSRN – 2021.
11. Flessa S., Huebner C. Innovations in Health Care - A Conceptual Framework // Int. J. Environ. Res. Public Health. 2021. Vol. 18. № 19.
12. Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money. New York: Harcourt, Brace and Company. 1936.
13. Nanda R., Matthew R.-K., Investment cycles and startup innovation // Journal of Financial Economics. 2013. Vol. 110. № 2. P. 403–418.
14. North, Douglass C., Institutions // The Journal of Economic Perspectives. 1991. Vol. 5. № 1. P. 97-112.
15. Rocha J.A.O., Zavale G.J.B. Innovation and Change in Public Administration // Open Journal of Social Sciences. 2021. Vol. 9. № 6. P. 285-297.
16. Sreenivasan, A. and Suresh, M. Future of healthcare start-ups in the era of digitalization: bibliometric analysis // International Journal of Industrial Engineering and Operations Management. 2022. Vol. 4. №1/2. P. 1-18.

THE NEED OF CRITERIA DEVELOPMENT FOR HEALTH CARE STARTUPS FOR PUBLIC POLICY

Introduction. The study examines the role of public administration in the development of innovations in healthcare as a promising sector of the economy. The focus of the work is on analyzing one of the ways to increase the effectiveness of such an instrument of state innovation policy as startup development management. In order to systematically provide targeted support to these subjects, it is necessary to study and analyze the criteria of startups. Their legislative enshrinement will make it possible to increase the degree of compliance of the state support measures with the requests of these organizations and optimize the spending of budget funds.

Materials and methods. Materials and methods. The works of such foreign authors as S. Knack, F. Kiefer, M. Olson, P.E. Samuelson, R. Layard, C. Catacorpi and J-P. Knack, F. Keefer, M. Olson, P.E. Samuelson, R. Layard, K. Katakorpi and J.P. Laamanen, D. Anomali, L.M. Shen, D. Keeble, G. Goodguin. Laamanen, D. Anomali, L.M. Shen, D. Keeble, G. Goodgin, E. Freeman, D. Reed, N. Carter, Y. Cho, G. McLean, E. Rees, M. Crezzi, P. Paoloni, T. Veblen, W.C. Mitchell, D.M. Clark and D. Commons, as well as domestic scholars such as E.V. Aristov, D.O. Tarabara, I.V. Raeva, P.A. Sataev and K.A. Soloveichik. Their methodological basis was supported by data from statistical documents and strategies of WHO, IMF, OECD, ECB, Global Health Investment Fund (GHIF).

The study is based on the approaches of the economic school of institutionalists who emphasize the special role of the environment and institutions that have a direct impact on it in public administration, and is also based on research on the provision of pub-

lic goods. The following general scientific methods were applied in the work: analysis, synthesis, system and functional approaches.

Research results. The study analyzed the genesis of the formation of the need to legislate the concept of a startup and its criteria. The adoption of the relevant regulatory legal acts in Russia has created conditions for the creation of a unified register of small technology companies and seamless implementation of targeted measures to support innovation activities.

Discussion and conclusion. Further development for the realization of the innovative potential of the healthcare sector is possible through the finalization of the existing legislation. Proposals to make medical technology companies a separate category may form the basis for potential measures aimed at supporting small medical technology companies. This will allow to systematically develop targeted measures to support them and better meet the specifics of their needs.

Maria I. Ivanova,
Ph.D. in Politics, Senior Lecturer,
Deputy Head of the Department
of Public Administration,
MGIMO University,
Moscow, Russia

Denis I. Zhuchkov,
bachelor's degree graduate,
the School of Governance and Politics,
MGIMO University, Moscow, Russia

Ключевые слова:

здравоохранение, экономика инноваций, технологическая компания, стартап, государственное управление, инновационное развитие, цифровизация, реестр малых технологических компаний.

Keywords:

healthcare, innovation economy, technology company, startup, public administration, innovative development, digital transformation, register of small technology companies.

References:

1. Antuykhova E.A., Talagaeva D.A., 2023. Innovacionnaja politika v dejatel'nosti OJeSR: istoricheskaja rekonstrukcija na neogramshianskih osnovanijah [Innovation Policy in OECD Activities: A Historical Reconstruction on Neo-Gramscian Foundations]. *Nauchnyi dialog [Scientific Dialogue]*. Volume 12. № 10. S. 265-287.
2. Aristov E.V., 2016. Obshhestvennye blaga: koncepcija i konstitucionno-pravovaja harakteristika [Public Goods: Concept and Constitutional and Legal Characterization]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki [Bulletin of Perm University. Legal Sciences]*. № 2 (32). S. 149-157.

3. Zav'jalova E.B., Shumskaya E.I., 2019. Put' «naverstyvaniya» i put' innovacionnogo razvitija: kakov budet vybor Rossii? [The Path of "Catching Up" and the Path of Innovative Development: What Will Be Russia's Choice?]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Jekonomika* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics]. Volume 27. № 4. S. 743-752.
4. Ivanova M.I., 2021. Rekomendatel'nye sistemy v gosudarstvennom upravlenii: mezhdunarodnyj opyt [Recommendation systems in public administration: international experience]. *Kreativnaya ekonomika* [Creative economy]. Volume 15. № 9. S. 3491-3504.
5. Pavlyuk A.V., Zhuchkov D.I., Batyukhnova E.A., 2023. Rol' pravovogo regulirovaniya ICO v razviti malyh tehnologicheskikh kompanij v ramkah innovacionnoj jekonomiki (sravnitel'no-pravovoj analiz Rossii i Singapura) [The Role of ICO Legal Regulation for Tech-Startups' Development within the Innovation Economy (Comparative Legal Analysis of Russia and Singapore)]. *Problemy ekonomiki i juridicheskoy praktiki* [Problems of economics and legal practice]. Volume 19. № 6. S. 138-144.
6. Tarabara D.O., 2022. Problemy pravovogo regulirovaniya startapov v Rossijskoj Federacii v kontekste aktual'nyh meroprijatij obrazovatel'noj politiki [Problems of Legal Regulation of Startups in the Russian Federation in the Context of Current Educational Policy Activities]. *International & Domestic Law: Materialy XVI Ezhegodnoj mezhdunarodnoj konferencii po nacional'nomu i mezhdunarodnomu pravu* [International & Domestic Law: Proceedings of the XVI Annual International Conference on National and International Law]. S. 301-304.
7. Shumskaya E.I., Zhuchkov D.I., Ivanov S.Y., 2023. O voprosah finansirovaniya nauchnyh issledovanij v Rossijskoj Federacii [Funding Scientific Research in the Russian Federation]. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and Municipal Management. Scholar Notes]. № 1. S. 49-53.
8. Audretsch D.B., Acs Z.J., 1994. New-firm startups, technology, and macroeconomic fluctuations. *Small Business Economics*. Volume 6. № 6. P. 439-449.
9. Bosque Ortiz G., Hsiang W., 2018. Medical Technology. *Yale J Biol Med*. Volume 91. № 3. P. 203-205.
10. Ehsan Zaeem-Al, 2021. Defining a Startup - A Critical Analysis. *SSRN*.
11. Flessa S., Huebner C., 2021. Innovations in Health Care - A Conceptual Framework. *Int. J. Environ. Res. Public Health*. Volume 18. №19.
12. Keynes J.M., 1936. The General Theory of Employment, Interest and Money. New York: Harcourt, Brace and Company.
13. Nanda R., Matthew R.-K., 2013. Investment cycles and startup innovation. *Journal of Financial Economics*. Volume 110. №2. P. 403-418.
14. North, Douglass C., 1991. Institutions. *The Journal of Economic Perspectives*. Volume 5. № 1. P. 97-112.
15. Rocha J.A.O., Zavale G.J.B., 2021. Innovation and Change in Public Administration. *Open Journal of Social Sciences*. Volume 9. № 6. P. 285-297.
16. Sreenivasan, A. and Suresh, M., 2022. Future of healthcare start-ups in the era of digitalization: bibliometric analysis. *International Journal of Industrial Engineering and Operations Management*. Volume 4. №1/2, P. 1-18.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ТЕКУЩИХ УСЛОВИЯХ

Дмитрий Фатыхов*

DOI 10.24833/2073-8420-2024-2-71-140-147

Рецензия на книгу: Зинovieва Е.С. 2021. Международная информационная безопасность: Проблемы двустороннего и многостороннего сотрудничества. Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 280 с. ISBN 978-5-9228-2454-5.

Международная информационная безопасность (МИБ) – динамично развивающаяся область исследований. Современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) стали неотъемлемой частью экономической и политической системы государств, а также повседневной жизни людей. Вместе с ИКТ постоянно эволюционируют информационные вызовы и угрозы безопасности. Проблемы и особенности функционирования информационной сферы, которые менее 10 лет назад не существовали или рассматривались преимущественно в теории, сегодня выходят на первый план. Кибербезопасность, защита компьютерных сетей от внешних воздействий, сбор, использование и защита информации (в том числе персональной), вопросы управления сетью Интернет,

а также информационно-пропагандистское воздействие онлайн-сервисов (в особенности соцсетей), с одной стороны, представляют собой обособленные проблемы, затрагивающие различные технологические отрасли и сферы госрегулирования. Вместе с тем они же во многом взаимосвязаны, а потому требуют комплексного анализа как в теоретическом, так и в нормативном разрезе. Изданная в 2021 г. монография Е.С. Зинovieвой «Международная информационная безопасность: проблемы многостороннего и двустороннего сотрудничества» представляет собой как раз такую работу, что качественно выделяет ее на фоне других материалов на эту тему.

Актуальность сделанных в ней исследовательских выводов особенно явно проявилась в 2022 г. в связи с событиями вокруг

* **Фатыхов Дмитрий Русланович**, соискатель кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России
e-mail: d.fatykhov@gmail.com
ORCID ID: 0009-0006-8682-2153

специальной военной операции на Украине. В этой связи видится уместным проанализировать и дать оценку основным разделам монографии, в том числе в разрезе современных трендов в развитии международной информационной безопасности.

Рассматриваемая работа является содержательным и смысловым развитием монографии Е.С. Зиновьевой «Международная информационная безопасность» 2013 года. Новая монография детально рассматривает основные теоретические подходы к исследованию роли ИКТ в современной мировой политике и основные понятия, связанные с международной информационной безопасностью. Особый интерес представляют главы, посвященные детальному разбору всех основных форматов международного сотрудничества в сфере МИБ с акцентом на роль и участие в них России, а также на вопросы правового обеспечения информационной безопасности.

Детальная проработка этих вопросов делает монографию ценной в том числе в качестве отправной точки для углубленных исследований широкого спектра вопросов, связанных с ролью ИКТ в международных отношениях, проблем информационной безопасности, а также подходов в информационном сопровождении внешнеполитической деятельности стран и интеграционных блоков.

В *первой главе* работы рассматриваются ключевые тенденции, а также теоретические подходы к исследованию роли ИКТ в мировой политике, в особенности в вопросах безопасности. Автор справедливо отводит Интернету определяющую роль в формировании глобального информационного пространства, приводя актуальную статистику охвата населения Земли критической информационной инфраструктурой. Кратко пройдясь по истории создания Интернета, Е.С. Зиновьева выделяет ключевые тенденции его развития: рост числа пользователей (прежде всего за счет Азии и Ближнего Востока) при растущем доминировании мобильного доступа над стационарным; повальная популярность соцсетей; использование технологий Web 2.0 для формирования платформ политического дискурса и влияния на коллективное самосознание пользователей; унификация "традиционных" коммуникационных технологий (ТВ, телефония) на онлайн-платформах; рост облачных технологий хранения данных, а также технологий сбора и обработки "больших данных"; развитие "интернета вещей"; рост

экономической значимости технологий block chain и криптовалют; развитие ИИ; технологическая биполярность с существенной концентрацией влияния в ИКТ-сфере у США и Китая.

Переходя к теоретико-методологическим основаниям анализа роли информационных технологий в международных отношениях, автор отмечает недостаточную научную проработку вопросов взаимовлияния мировой политики и технологической сферы. Е.С. Зиновьева критически относится к технологическому детерминизму, присущему ряду наиболее известных исследователей информационного общества, и скептически воспринимает продвигаемый ими тезис, что технологии сами по себе могут стать ключевым драйвером общественного развития. Вместо этого она исходит из предпосылки, что, несмотря на то, что контроль ключевых технологий действительно является фактором политического влияния, в конечном итоге технологии находятся на службе у людей, а пути технологического развития, как и прежде, определяются политическими интересами. Продолжая обзор исследований, посвященных мирополитическому измерению информатизации, она констатирует, что развитие ИКТ само по себе не устраняет анархичного и конфликтного характера мировой системы.

Государства, включая Россию, остро осознающие потенциал современных технологий, стремятся к технологическому и информационному суверенитету, а информационная составляющая стала в том числе важным критерием военной мощи. Последний тезис, необходимо отметить, особенно явно проявился на современном этапе специальной военной операции: доступ к онлайн-инфраструктуре, включая спутниковый Интернет, в сочетании с использованием новых технических средств, включая дроны [2], перевернул господствовавшие ранее представления об управлении войсками, а мобильные устройства и соцсети обеспечили беспрецедентные возможности как для информирования о ходе боевых действий, так и для дезинформации. Если "Буря в пустыне" была войной "в прямом эфире", то СВО, вероятно, войдет в историю как "война в режиме онлайн-трансляции".

Третья глава рассматривает понятие информационной безопасности и эволюцию подходов к ее изучению в мировой исследовательской литературе. Автор отмечает, что к началу 1990-х гг. секьюритизация информационной сферы, очевидная для

ключевых мировых игроков, стала предметом научного анализа сначала в США, а затем и в других странах, включая Россию, где постепенно сформировалось свое направление исследований, отличное от западного. Для последнего, как отмечает Е. Зиновьева, характерен в том числе акцент на информационно-психологический компонент ИКТ, возможность их использования для массированного воздействия на общественное мнение как в отдельных странах, так и в мировом масштабе. Информационная война, таким образом, может и не иметь явных проявлений (воздействие на критическую инфраструктуру и использование ИКТ в военных операциях), фактически не нарушая ход мирной жизни.

Продолжая тему общей характеристики угроз международной информационной безопасности, автор обращает внимание на их многогранность: информационные средства могут не только давать доступ к стратегической информации и воздействовать на общественное мнение, но и использоваться для физических атак на критическую инфраструктуру – в качестве примера приводится внедрение вируса Stuxnet в систему управления АЭС в Бушере в 2010 году (атака, приписываемая израильским спецслужбам, примечательна еще и тем, что полагалась не на Интернет-взлом, а на агентурную работу и физическое внедрение с использованием зараженного USB-накопителя [4]).

Использование ИКТ в военно-политических целях автор называет ключевой угрозой международной безопасности, рассматривая типологию форм информационной войны и теоретические подходы к рассмотрению данного феномена в контексте продолжающейся революции в военном деле. Ряд подходов и прогнозов развития военного дела, упомянутые в завершающей части главы, подтвердились в ходе Специальной военной операции на Украине. В частности, конфликт стал полигоном для боевого применения ранее не использовавшихся в таких масштабах самоуправляемых систем вооружений на основе ИИ и технологий дополненной реальности – ударных и разведывательных беспилотных летательных аппаратов, барражирующих боеприпасов, новых типов высокоточных вооружений.

В *четвертой главе* представлен углубленный анализ различных типов субъектов международных взаимодействий в сфере информационной безопасности.

Автор выделяет три группы субъектов угроз международной безопасности: государства, террористические организации и преступные группы, констатируя, впрочем, что в настоящий момент также растет роль бизнес-структур, сетевых сообществ и индивидов, а дешевизна и относительная простота в использовании отдельных видов информационного оружия позволяет использовать их малым государствам и негосударственным акторам.

Отдельно рассматривается использование ИКТ террористическими организациями для пропаганды, атак на информационные системы, планирования атак – в этом контексте рассмотрен кейс ИГИЛ – а также деятельность киберпреступников.

Говоря о субъектах международного сотрудничества в области информационной безопасности, автор обобщает ключевые подходы (секьюритизирующие дискурсы) к определению угроз в данной сфере: кибербезопасность (информационно-техническая составляющая) и информационную безопасность (техническая и информационно-психологическая составляющие), при этом подчеркивая роль государств как секьюритизирующих акторов, определяющих как состав и характер информационных угроз, так и пути противодействия им. Это обстоятельство препятствует налаживанию сотрудничества в сфере информационной безопасности: в частности, если Россия и Китай придерживаются широкой трактовки информационной безопасности (технический+психологический аспект), то США и страны Запада до недавнего времени предпочитали акцентировать исключительно кибербезопасность, вероятно, «развязывая» себе руки в части информационно-психологических операций, в том числе за рубежом. Тем не менее события вокруг якобы имевшего место внешнего вмешательства в президентскую кампанию 2016 г., в т.ч. путем воздействия на общественное мнение через соцсети, убедили Вашингтон в необходимости расширительной трактовки информационной безопасности, что нашло отражение в американской Стратегии национальной безопасности.

Рассматривая в пятой главе классификацию основных объектов информационной безопасности, автор заостряет внимание на обеспечении защиты критической инфраструктуры и противоречиях, возникающих при разработке соответствующего регулирования как на государственном, так и на наднациональном уровне. Значительная

часть критической инфраструктуры (автор упоминает систему доменных имен и адресов Интернета, а также глубоководные оптоволоконные кабельные линии) находится в частной собственности, однако задачи их защиты нерешаемы без согласованных усилий всех стран, в чьей зоне ответственности такая инфраструктура находится.

Определенные возражения может вызвать рассматриваемая автором дихотомия информационной и традиционной критической инфраструктуры, а также в увязке с ней – конвенционального и информационного оружия. События минувшего года показали не только значительную увязку традиционного и информационного оружия (упомянутые выше технологии БПЛА и сетевые технологии управления войсками), но и серьезный характер поражения критической информационной инфраструктуры обычными вооружениями. Диверсия на подводных ветках газопровода «Северный поток» в сентябре 2022 г., расположенных в одной акватории с российскими оптоволоконными кабелями, доставляющими трафик в Калининградскую область, наглядно продемонстрировала уязвимость сетевой инфраструктуры для скрытых физических атак, издержки защиты от которых были бы запредельно велики для любого субъекта международной информбезопасности. Можно согласиться с Е.Зиновьевой, что масштабное применение такой тактики маловероятно, но даже точечные удары по магистральным каналам связи способны вызвать серьезные перебои в работе критической сетевой инфраструктуры.

В отдельном параграфе рассматривается возросшая роль социальных сетей в контексте информационной безопасности и основные теоретические подходы к этому относительно новому феномену. Верно подчеркнута, что технологии микротаргетирования, сбора персональных данных пользователей и постоянно совершенствующихся алгоритмов работы с ними создает качественно новые вызовы госбезопасности. В современных условиях утрачивается монополия государства на формулирование доминирующего политического дискурса, традиционно реализуемая посредством административного или экономического контроля над СМИ; государственная граница становится про-

ницаема для воздействия внешних акторов на общественное мнение. В этом контексте особенно тревожен феномен «цифровой дипломатии» США, реализуемой как за счет государственного финансирования «альтернативных» электронных СМИ, так и через работу американских Интернет-гигантов, компаний-лидеров по сбору и обработке персональных данных (Google, Facebook, Twitter). Как заявил Главный исполнительный директор Twitter Параг Агравал, «свобода слова не в фокусе нашего внимания. Свобода слова в Интернете – это легко. Большинство людей могут высказываться свободно. Наша роль – определять, кто будет услышан»¹.

Европейский союз при этом ставится в один ряд с США в плане подходов к решению политических задач через соцсети – в качестве примера приводится работа группы стратегических коммуникаций «Восток» (East StratComTeam). Вместе с тем, необходимо признать, что ЕС, не имеющий собственных глобальных Интернет-компаний, работающих с пользовательскими данными, сегодня серьезно уступает Вашингтону по уровню влияния в этой сфере – с этим, как представляется, связана активная работа Евросоюза по созданию высокоэффективного регулирования работы Интернет-гигантов и обработки персональных данных своих граждан. Так, вступивший в силу с мая 2018 г. Общий регламент по защите данных (General Data Protection Regulation) примечателен тем, что его действие распространяется на интернет-компании, не учрежденные в европейской юрисдикции и зачастую не имеющие юридических лиц в ЕС, но при этом работающие с европейской аудиторией, а обсуждающийся проект Закона ЕС о цифровых услугах (Digital Services Act) отдельно регулирует деятельность «привратников» – крупных компаний, контролирующих важные цифровые экосистемы и де-факто способных устанавливать свои правила поведения в цифровой среде². Наконец, из последних инициатив стоит отметить одобренный Европейским парламентом Закон об искусственном интеллекте (AI Act). Он предусматривает запрет на использование систем распознавания лиц и «удаленной биометрической идентификации» (в т.ч. систем распознавания эмоций)

¹ EmTech Stage: Twitter's CTO on misinformation // MIT Technology Review. Nov.18 2020

² The Digital Markets Act: ensuring fair and open digital markets // European Commission. Oct. 12 2022.

в режиме реального времени в общественных местах и устанавливает обязательство уведомлять пользователя об использовании систем генеративного ИИ. Также запрещено будет использование правоохранителями для профилактики правонарушений систем аналитики на основе алгоритмов³.

В дополнение к роли соцсетей в контексте событий вокруг Украины необходимо отметить возросшую роль соцсетей в разведывательной работе. Разведка на основе открытых источников (Open Source Intelligence) – использование геолокации и метаданных добровольно размещаемого в соцсетях контента в военных целях – это высокоэффективный инструмент как для выбора военных целей, так и для объективного контроля их огневого поражения, и может осуществляться частными организациями по заказу военных ведомств [3].

Большая часть монографии (*главы 6-7*) посвящена разбору основных форматов международного сотрудничества по обеспечению международной безопасности, в том числе отдельно – в сфере управления Интернетом.

Открывая раздел о глобальных форматах сотрудничества в сфере международной безопасности, Е.С. Зиновьева отмечает, что соответствующие усилия ООН в целом идут в ногу с эволюцией вызовов и угроз в сфере ИКТ. Вместе с тем, по мнению автора, работа, запущенная с принятием в 1999 г. первой резолюции «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности» проходила под знаком попыток сохранить переговорный потенциал ООН в условиях трудноразрешимых международных противоречий в сфере МИБ. Не в последнюю очередь эти сложности были обусловлены позицией США, пользовавшихся преимуществами мирового лидера в развитии ИКТ на всем протяжении работы профильных групп в ООН, в то время как ряд стран, включая Россию, выступали за выработку общих правил поведения в глобальном информпространстве. На практике, как отмечает Е.С. Зиновьева, это выразилось в появлении на площадке ООН двух конкурирующих структур – Рабочей группы по МИБ расширенного состава, открытой для участия всех стран-членов, и продвигаемой Вашингтоном Группы пра-

вительственных экспертов в ограниченном составе 25 государств.

По итогу, несмотря на потенциал ООН как универсальной переговорной платформы по вопросам информационной безопасности, необходимо констатировать отсутствие обязывающих документов в сфере МИБ, принятых на площадке организации.

Любопытно включение в обзор Международного союза электросвязи (МСЭ), занятого преимущественно техническими вопросами трансграничной частотной координации и работы систем связи, однако принимающего решения и по концептуальным вопросам МИБ. Можно согласиться с выводом автора о крайней политизированности МСЭ и его ориентации на Запад – при этом в качестве яркого примера этому можно было бы выделить подход организации к Крыму: МСЭ с 2014 г. выступал с позиции де-факто непризнания российского суверенитета над полуостровом, не содействуя координации частотных присвоений с Украиной⁴.

Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества рассматривается как попытка продвижения основных подходов к интернационализации МИБ и управления Интернетом, которая, впрочем, как и ООН в целом, столкнулась с трудностями в балансировании интересов многочисленных стейкхолдеров и принятии обязывающих итоговых документов.

После 2012 г. отмечается активизация работы МАГАТЭ по обеспечению информационной безопасности на атомных объектах; инициирована Программа компьютерной и информационной безопасности при профильном управлении организации. Важно проследить за дальнейшим развитием работы в этом направлении, особенно в свете событий на Украине. Сегодня МАГАТЭ взяло на себя функции главного переговорщика по обеспечению безопасности критической инфраструктуры, в особенности Запорожской АЭС – по мере снижения интенсивности боевых действий проблема физической безопасности объекта может уступить место защите от кибератак, направленных на дестабилизацию его работы.

В заключении отмечается относительное бездействие Группы семи в сфере международной информационной безопасности.

³ MEPs ready to negotiate first-ever rules for safe and transparent AI. // European Parliament. Jun. 14 2023

⁴ Госспецсвязи Украины попросит у МСЭ уточнить статус радиочастот, используемых в Крыму // НИИР, 7 апреля 2014

Представленный автором обзор региональных инициатив по регулированию МИБ носит комплексный характер, охватывая, пожалуй, все действующие на сегодняшний день региональные объединения. Состав участников этих инициатив и их характер в целом отражает описываемые автором в предыдущих разделах противоречия между глобальным Западом, стремящимся сохранить доминирование в сфере ИКТ, и группами стран во главе с Россией и Китаем, настаивающими на формировании общих правил поведения в сфере МИБ.

Так, первое международное соглашение в сфере информационной безопасности, подписанное и ратифицированное участниками, было разработано в рамках ШОС 2009 г. и было основано на ООНовских подходах к определению угроз в этой сфере – в целом ШОС ведет активную работу в этой сфере, исходя из приоритета международных взаимодействий в рамках ООН.

Аналогичным образом на формирование общих правил поведения ориентирована деятельность СНГ, направленная в том числе на гармонизацию соответствующего законодательства стран-членов – это в известном смысле сближает подходы Содружества и Евросоюза с его моделью наднационального регулирования через Директивы ЕС. ОДКБ, будучи организацией в сфере безопасности, также частично переносит свою деятельность в информационную сферу.

Комментируя инициативы в рамках ОБСЕ, Е.С. Зиновьева отмечает снижение активности Организации по теме МИБ после 2016 г. Здесь можно добавить, что это снижение в целом совпало с планомерной деградацией ОБСЕ из площадки для инклюзивного диалога по европейской безопасности в инструмент политического давления на Россию по украинскому вопросу. С де-факто прекращением участия РФ в работе ОБСЕ, в которой, по справедливому замечанию автора, и так недопредставлены сторонники инклюзивного подхода к МИБ из числа стран БРИКС, о какой-либо конструктивной роли Организации в этом вопросе говорить не приходится.

В разборе работы Евросоюза акцент сделан на том, что в сфере «жесткой» кибербезопасности ЕС после 2014 г. все больше следует в орбите подходов НАТО к противодействию т.н. «гибридным угрозам» со стороны России. В рамках этих подходов Евросоюз

предпринимает шаги по изоляции европейского рынка данных, еще больше фрагментируя глобальное информационное пространство. НАТО же, будучи военным альянсом, изначально не настроена на формирование общих правил поведения в сфере МИБ, концентрируя свои усилия на активном сдерживании противников Альянса в киберпространстве.

АСЕАН и БРИКС, не претендуя на наднациональный характер и признавая приоритет суверенных интересов в сфере кибербезопасности, по мнению автора, являются важными переговорными площадками, на которых российская позиция о необходимости создания общих правил МИБ не только не маргинализируется, но и активно поддерживается большинством участников – в этом качестве они формируют значимый противовес западным подходам. Не случайно именно со странами БРИКС (Китай, Индия, ЮАР) у России заключены двусторонние соглашения, фиксирующие российские позиции по обеспечению справедливого режима международной безопасности в этой сфере, включая невмешательство в дела суверенных государств и взаимный отказ от кибератак как внешнеполитического инструмента.

Транснациональному уровню в вопросах глобальной кибербезопасности в работе Е.С. Зиновьевой уделено меньше внимания, чем международному, поскольку, как справедливо отмечает автор, в вопросах «жесткой» кибербезопасности бизнес выступает преимущественно проводником интересов государств. При этом IT-гиганты, как представляется, склонны рассматривать безопасность и защиту данных главным образом как способ защитить свои коммерческие интересы, и неохотно следуют правилам, в том числе международным, которые могут подорвать их позиции на соответствующих рынках – достаточно вспомнить рекордный штраф в размере более 4 млрд евро, который Европейский суд взыскал с Google за использование программных средств ОС Android против конкурентов⁵, а также штраф в 4 млрд рублей за злоупотребление доминирующим положением аудиовизуального сервиса YouTube на российском рынке [1].

Седьмая глава посвящена критическому разбору существующей системы управления Интернетом и поиску путей налаживания равноправного международного

⁵ Google: EU court confirms record €4 billion antitrust fine // Deutsche Welle. Sep. 14 2022

сотрудничества в этой сфере. Основным источником озабоченности в сложившейся системе является сохранение критической инфраструктуры адресного пространства сети Интернет под контролем НПО ICANN и ее дочерней организации РТИ, не являющихся субъектами международного права и работающими по законам США.

Действенным путем преодоления данного кризиса легитимности Е. Зиновьева видит деполитизацию управления Интернетом и передачу соответствующих механизмов и инфраструктуры под международное управление структур ООН, главным образом – Международного союза электросвязи. Автор возлагает определенные надежды на запланированный на 2025 г. саммит ООН по вопросам развития информационного общества – к этому моменту накопившийся груз противоречий может вынудить США уступить лидирующие позиции в области управления Интернетом.

Такой осторожный оптимизм видится не в полной мере оправданным, принимая во внимание планомерную эскалацию напряженности между США и Китаем в последние годы, еще сильнее усугубившуюся на фоне украинского кризиса, в которой растущие озабоченности Вашингтона по поводу киберугроз и доминирования Пекина в IT-секторе играют важную роль [6]. В этих условиях США едва ли будут открыты к конструктивному решению вопроса интернационализации управления Интернетом.

В *восьмой главе* Е.Зиновьева обращает внимание на несовершенство существующей системы международного права в применении к информационной сфере. Неочевидность трактовок вопросов территориального суверенитета при агрессивных действиях государств и негосударственных акторов в информационной сфере не позволяет задействовать международно-правовые механизмы защиты государств. В адаптации к информационному пространству нуждаются нормы, регламентирующие применение силы и порядок реагирования на агрессию, а также нормы гуманитарного права.

Необходимость преодоления этих противоречий, по мнению автора, еще раз актуализирует важность создания действенных международных механизмов, которые регулировали бы в том числе специфическую и постоянно эволюционирующую сферу ИКТ. Международная информационная безопасность не должна характеризоваться односторонним диктатом отдельных стран, обязанность государств воздерживаться от атак

на критические информационные инфраструктуры должна быть четко закреплена, а нормативная база должна быть достаточно развитой, чтобы давать четкую правовую оценку и должным образом реагировать на проявления агрессии в информационной сфере, исходя из незыблемости основополагающих принципов международного права: невмешательство во внутренние дела государств и неприменение силы и угрозы силой.

Работа завершается комплексным обзором основных внешнеполитических документов России в сфере МИБ и соответствующих направлений внешней политики Российской Федерации. Из представленного анализа видно, что Россия четко и последовательно придерживается своего подхода к выработке общих правил ответственного поведения в глобальном информационном пространстве, основанном на приоритетной роли международных механизмов ООН. Эффективное и устойчивое функционирование глобальной информационной системы при обеспечении безопасности государств возможно только в том случае, если конвенции в сфере МИБ будут иметь универсальный характер – это потребует ряда важных реформ, включая институционализацию управления Интернетом на основе равноправного участия всего мирового сообщества.

В развитие описанного подхода Е.С. Зиновьева формулирует политические рекомендации по дальнейшему развитию внешней политики России в информационной сфере.

Монографию Е.С. Зиновьевой «Международная информационная безопасность: проблемы многостороннего и двустороннего сотрудничества» можно рекомендовать к ознакомлению всем интересующимся вопросами современных тенденций в международном регулировании сферы ИКТ. Комплексный характер и грамотно структурированное изложение делает ее интересной как в самостоятельном качестве, так и в виде базы для углубленных исследований вопросов, затронутых в ее главах.

Работа хорошо высвечивает сохраняющиеся проблемы, связанные с попытками США сохранить доминирующее положение в вопросах МИБ и продолжить диктовать международную повестку в этой сфере, встраивая желаемую для них конфигурацию МИБ в т.н. «Международный порядок, основанный на правилах». Принимая во внимание озвученные автором сложности,

возникающие при сопряжении вопросов МИБ и международного права, такой подход размывает принцип верховенства международного права в регулировании межгосударственных взаимодействий [5. Р. 228-240],

а потому категорически неприемлем как для России, так и для других стран, претендующих на политическое и экономическое лидерство в многополярном миропорядке.

Литература:

1. Хабидулина Е. Российский суд оштрафовал Google на 4 млрд. рублей за неуплату штрафа ФАС // Forbes. 27 июня 2023.
2. Greenwood F. The Drone War In Ukraine Is Cheap, Deadly, and Made in China // Foreign Policy. February 16. 2023.
3. Hewson J. A Private Company Is Using Social Media to Track Down Russian Soldiers // Foreign Policy. March 2. 2023.
4. Kopfstein J. Stuxnet virus was planted by Israeli agents using USB sticks, according to new report // The Verge. April 13. 2012.
5. Lavrov S.V. On Law, Rights and Rules // Russia in Global Affairs. 19(3). 2021.
6. Luckenbaugh J. U.S. Ability to Withstand Chinese, Russian Cyberattacks Questioned // National Defense. July. 1. 2023.

THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF INTERNATIONAL INFORMATION SECURITY UNDER CURRENT CONDITIONS

Book Review: Zinovieva E.S., 2021. International information security: Problems of bilateral and multilateral cooperation. Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 280 p. ISBN 978-5-9228-2454-5

Dmitriy R. Fatykhov,
post-graduate student,
MGIMO University,
Moscow, Russia

Ключевые слова:

международная безопасность,
международная информационная
безопасность, кибербезопасность,
информационно-коммуникационные
технологии, международные организации,
международное сотрудничество

Keywords:

international security, international
information security, cybersecurity,
information and communications technology,
international organizations, international
cooperation

References:

1. Habidulina E., 2023. Rossijskij sud oshtrafoval Google na 4 mlrd rublej za neuplatu shtrafa FAS [Russian court fines Google 4 billion roubles for failing to pay FAS fine]. *Forbes*. June 27.
2. Greenwood F., 2023. The Drone War In Ukraine Is Cheap, Deadly, and Made in China. *Foreign Policy*. February 16.
3. Hewson J., 2023. A Private Company Is Using Social Media to Track Down Russian Soldiers. *Foreign Policy*. March 2.
4. Kopfstein J., 2012. Stuxnet virus was planted by Israeli agents using USB sticks, according to new report. *The Verge*. April 13.
5. Lavrov S.V., 2021. On Law, Rights and Rules. *Russia in Global Affairs*. № 19(3).
6. Luckenbaugh J., 2023. U.S. Ability to Withstand Chinese, Russian Cyberattacks Questioned. *National Defense*. July 1.

ФАКУЛЬТЕТ УПРАВЛЕНИЯ И ПОЛИТИКИ ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ПОДГОТОВКУ
БАКАЛАВРОВ И МАГИСТРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ
«ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ», «ПОЛИТОЛОГИЯ» И
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ».

Выпускники факультета получают уникальные знания и профессиональные навыки в области управления, политики и международных отношений. Профильная специализация студентов включает такие аспекты, как право, администрирование, государственная и муниципальная служба, управление имуществом, сфера публичной политики, регулирование политических конфликтов, лоббизм, связи с государственными органами в корпорациях и мировые политические процессы. Особое внимание и время уделяется изучению студентами двух и более иностранных языков.

Факультет готовит специалистов, востребованных в различных сферах профессиональной деятельности: в органах власти и управления, в государственных корпорациях, на дипломатической и консульской службе, в международных организациях, а также в частных компаниях.

Программы бакалавриата:

Государственное и муниципальное управление

- Управление международными проектами
- Цифровое государственное управление
- Государственное управление большими данными
- Управление региональными проектами (реализуется в МГИМО-Одинцово)

Политология

- Технологии публичной политики
- Государственная политика
- Политические системы стран мира
- Национальная и региональная политика (реализуется в МГИМО-Одинцово)

Международные отношения

- Мировая политика
- Международная безопасность

Магистерские программы:

Государственное управление

- Управление «умными городами»
- Управление в государственных корпорациях
- Управление человеческими ресурсами

Государственные и корпоративные стратегии

- GR и бизнес-дипломатия
- Оборонная политика и управление ВПК

Международный политический консалтинг

Международное гуманитарное сотрудничество и внешние связи регионов

Телефон для справок:
(495) 229-54-37

Вниманию авторов журнала:

Лицензионный договор о предоставлении права использования произведения в журнале «Право и управление. XXI век» заключается в устной форме (согласно п. 2 статьи 1286 четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации).

Использование произведения включает в себя также размещение произведения в соответствующих (научных и библиотечных) электронных базах данных.

Согласно Федеральному закону Российской Федерации
от 29.12.2010 № 436-ФЗ данная продукция не подлежит маркировке.

Зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-72205 от 24.01.2018 г.

Адрес издателя:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Адрес редакции:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Тел.: (495) 234-83-58
E-mail: mgimo.pravo@mail.ru

Напечатано в Отделе ОП и МТ МГИМО МИД России
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76
Печать цифровая. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 18,75.
Подписано в печать 05.07.2024 г.
Тираж 1100 экз. 1-ый завод 50 экз. Заказ № 918

Материалы, опубликованные в журнале, могут быть использованы
в других изданиях только с разрешения редакции,
при этом ссылка на журнал «Право и управление. XXI век»
обязательна